

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В.Ломоносова
Институт государственного управления
и социальных исследований
УНИВЕРСИТЕТСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ ЛИЦЕЙ

Г.Г.Васильев

**Социокультурная эволюция
и социальное управление**

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В.Ломоносова
Институт государственного управления
и социальных исследований
УНИВЕРСИТЕТСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ ЛИЦЕЙ

Г.Г.Васильев

Социокультурная эволюция
и социальное управление

Москва

Издательство "Университетский гуманитарный лицей"
1997

Социокультурная эволюция и социальное управление

НОВАЯ БИБЛИОТЕКА ГУМАНИТАРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Серия "Новые идеи и технологии" (основана в 1995 году)

Редакционная коллегия серии:

А.В.Сурии (председатель), *М.И.Панов* (зам. председателя),
Ю.Ю.Петрунин (зам. председателя), *А.Г.Барабашев*,
Е.И.Колушин, *В.В.Петров*, *Л.И.Семенникова*,
А.И.Соловьев, *С.Г.Турунок*

Рецензенты: доктор филос. наук, профессор *П.А.Рачков*
канд. филос. наук, доцент *В.П.Калацкий*

Васильев Г.Г. Социокультурная эволюция и социальное управление - М.: Университетский гуманитарный лицей, 1997. - 220 с.

Основной целью данного исследования является изучение особенностей, генезиса, основных исторических форм, тенденций развития регулятивной системы общества. Что такое социальное управление, как возникло, какие стадии прошло в ходе социо-культурной эволюции, - таков в общих чертах круг вопросов, исследуемых в данной работе.

Книга адресована студентам, аспирантам, преподавателям-обществоведам, всем, кто интересуется философско-социологическими проблемами социального управления.

ISBN 5-88387-011-2

© *Васильев Г.Г.*. Социокультурная эволюция и социальное управление, 1997

© *Сурии А.В., Панов М.И.* - серийное оформление

© Университетский гуманитарный лицей, 1997

ВВЕДЕНИЕ.

Необходимой стороной жизнедеятельности социокультурных образований являются процессы управления. От особенностей той или иной регулятивной системы существенно зависят параметры жизни как отдельных людей, так и общества в целом. Отсюда проистекает вечный, непреходящий характер данной проблемы, ее актуальность и важное практическое значение для любого этапа исторического развития. В современных условиях исследование регулятивного механизма общества актуализируется кризисом тоталитаризма и проведением радикальных реформ в бывшем СССР и странах Восточной Европы. Ключевым моментом в этих процессах является переход от государственно-бюрократического управления общественной жизнью к системам социального управления, построенных на принципиально иных началах. В связи с этим исследование философских и общесоциологических проблем управления обществом в современный период, помимо собственно научного интереса, приобретает также и важное практическое значение.

Основной целью данного исследования является изучение особенностей, генезиса, основных исторических форм, тенденций развития регулятивной системы общества. Что такое социальное управление, как возникло, какие стадии прошло в ходе социокультурной эволюции, каковы основные элементы и структура регулятивной системы современного общества, что можно сказать о перспективах ее развития - таковы в общих чертах круг вопросов, исследуемых в данной работе.

В структурном плане работа построена следующим образом. Она состоит из введения, основной части, включающей шесть разделов, и заключения. В первых двух разделах рассматриваются: общее понятие управления, сущность социального управления в отличие от биорегуляции, а также особенности и генезис исторически первого (традиционного) типа социального управления. Раздел третий посвящен выявлению особенностей и структуры цивилизационного управления в отличие от первобытного (традиционного) управления). Здесь же дано обоснование выделению трех исторически конкретных типов цивилизационного управления: принудительного, спонтанно-

статистического (рыночного) и централизованно направляемого спонтанно-статистического типа социальной регуляции, соответствующих трем периодам эволюции цивилизации: аграрной, индустриальной, информационной. В разделе четвертом исследуются принудительный тип социальной регуляции и его регионально-исторические формы - азиатская, античная, феодалная. Отдельная глава этого раздела посвящена изучению особенностей регулятивной системы в аграрный период развития цивилизации России. В пятом разделе рассмотрен спонтанно-статистический (рыночный) тип социального управления, соответствующий индустриальному этапу цивилизованного развития. В этом же разделе дана характеристика тоталитарному управлению и определено его историческое место. Раздел шестой посвящен исследованию тенденций перехода к информационному периоду цивилизационного развития и связанным с этим изменениям в системе управления обществом. В этом же разделе рассматривается проблема выбора путей реформирования системы социального управления в современной России. В заключении рассмотрен вопрос о будущих изменениях в регулятивной системе общества, в связи с возможным переходом от современной техногенной цивилизации к постцивилизационной стадии социокультурной эволюции.

Своеобразие данной работы заключается в том, что в ней такие социальные явления, как обычай, нравственность, право, государство, рынок и некоторые другие, традиционно изучаемые различными общественными науками в их отдельности друг от друга, исследуются как элементы единой регулятивной системы общества. При этом рассматривается не только состав регулятивной системы, но и исторически конкретные способы ее организации на различных качественно определенных этапах социокультурной эволюции. Эволюцию регулятивной системы общества, по мнению автора, следует рассматривать в тесной взаимосвязи с объективной логикой культурного прогресса человечества. В этой связи были выделены и охарактеризованы основные и наиболее крупные эпохи в развитии культуры - первобытность и цивилизация, а также соответствующие этим эпохам системы общественных отношений и типы социальной регуляции. В цивилизованный период в свою очередь выделяются качественно определенные ступени культурной эволюции (аграрная, индустриальная, информационная), с присущими им системами

социального управления. При написании работы автор стремился осмыслить и учесть в плане своей темы значение таких масштабных реалий конца XX века, как переход наиболее развитых стран мира к информационной стадии цивилизации, процессы обновления систем социальной регуляции в бывших странах реального социализма, существенные изменения в экономической, политической, духовной жизни передовых стран Запада.

В методологическом обеспечении данного исследования особая роль принадлежит системно-структурному и конкретно-историческому подходам, применяемых в тесной взаимосвязи друг с другом. Автор исходит из того, что каждая более развитая система социальной регуляции формирует себя из тех элементов, которые созданы и доказали свою эффективность и жизнеспособность в предшествующий исторический период. В связи с этим любую исторически конкретную систему управления в известной мере можно рассматривать в качестве своеобразного итога развития способов социальной регуляции на предшествующих стадиях социокультурного развития.

Исследуя регулятивную систему общества как целостное системное образование, эволюционирующее вместе с развитием культуры человечества, автор отправлялся от широкого круга идей, разрабатываемых в философии, социологии, культурологии, этике, политологии, экономической теории, психологии, кибернетике, синергетике и других научных дисциплинах.

Важное значение процессов управления для жизни общества и человека, многоаспектный и системный характер этого социального явления обусловили то обстоятельство, что в том или ином виде проблемы управления обществом всегда находились в центре внимания философской и социологической мысли. Конфуций и представители легизма, Платон и Аристотель, Августин и Ф. Аквинский, Т. Гоббс и Д. Локк, А. Смит и Ш. Монтескье, Кант и Гегель, К. Маркс и Ф. Энгельс, О. Конт и Г. Спенсер, Ф. Хайек и К. Поппер - все эти и многие другие мыслители, исследуя социально-философские проблемы, внесли вместе с тем и свой вклад в разработку философских и общесоциологических проблем социального управления.

Новый, более специальный этап в исследовании проблем управления обществом можно датировать серединой XX века. В 40-х

годах XX века были открыты общие законы управления и создана наука, специально их изучающая. Этой наукой, как известно, стала кибернетика. После того как было вычленено общее в процессах управления, имеющих место в различных средах и областях, стало возможным более строгое изучение специфики управления в каждой из конкретных сфер действительности, в том числе и обществе.

Философское и общесоциологическое изучение социального управления в России в том виде, в котором оно оформилось после возникновения науки об управлении - кибернетики - сравнительно молодая область знания. Неприятие кибернетики в середине столетия в бывшем СССР в известной мере задержало ее развитие на российской почве. Тем не менее, начиная с конца пятидесятых годов, вышло значительное количество работ, посвященных исследованию методологических проблем кибернетики, управления, информации. В эти же годы начали появляться статьи и монографии, исследующие проблемы управления обществом с учетом кибернетического подхода.

Новый поворот в исследовании социального управления связан с актуализацией в начале 80-х как в капиталистических, так и странах реального социализма, проблемы соотношения рынка и государства в регулятивной системе общества, началом перестроечных процессов в СССР и последующим всеобъемлющим кризисом идеологии и практики тоталитаризма. В отечественном обществоведении были подвергнуты критике не подтвержденные практикой положения марксистской теории общественного развития. Существенно укрепились позиции культурологического подхода к исследованию общественных явлений. В эти же годы в исследовании проблем управления заметно усилилось мировоззренческое и методологическое влияние разработок в области синергетики - новейшего научного направления, получившего развитие во второй половине XX века и выявившего фундаментальную роль спонтанных управленческих процессов в повышении упорядоченности и организованности систем. Происшедшие изменения, как мы полагаем, способствуют углублению и приращению знания о природе социального управления, его основных формах, тенденциях, развития.

РАЗДЕЛ I.

ПРИРОДА СОЦИАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ

Глава I. Общее понятие управления

В современных условиях плодотворное исследование проблем управления обществом предполагает использование достижений кибернетики. Обусловлено это тем, что именно кибернетика выступает в качестве науки, предметом изучения которой являются общие закономерности управления. "Суть кибернетики - исследование того общего, что есть в закономерностях, лежащих в процессах управления в различных средах, условиях, областях" (16, 109).

В общей классификации наук кибернетика занимает особое место. В отличие от философии она является частью науки, поскольку изучает лишь некоторые связи объективной реальности (связи управления) и лишь в некоторых областях действительности (живой природе и обществе). В то же время кибернетика оказывается дисциплиной более общего характера, чем теория социального управления, которая изучает закономерности управления только в социальных системах.

Кибернетика положила начало новому этапу в изучении управления, в том числе и социального. Родившись сравнительно недавно, она развила ряд идей, которые наряду с другими величайшими открытиями в науке, начиная с конца XIX века, составили фундамент современной технологической революции, процессов компьютеризации и информатизации общества. К ее заслугам можно отнести следующее. Во-первых, ею были открыты внутренние закономерности управления как специфического явления, свойственного высокоорганизованным системам. До возникновения кибернетики в науке имелись лишь следственные (функциональные) объяснения управления. Оно определялось посредством указания на его функции: координация, упорядочение, регулирование и другие. Однако функциональным объяснениям при всей их значимости свойственна определенная ограниченность, состоящая в том, что ими не раскрывается внутренняя природа объекта, делающая его способным к выполнению определенных функций. Что представляет управление

само по себе, какова его внутренняя структура, как оно осуществляется? На все эти вопросы следственные объяснения ответа не дают. Так, к примеру, если мы определяем солнце как космический объект, который светит, греет, то тем самым мы еще не раскрываем характера внутренних процессов, присущих этому космическому объекту и обуславливающих постоянное излучение тепла и света. Аналогичным образом дело обстоит с управлением. Характеристики управления, получаемые посредством указания на его функции (упорядочение, регулирование, приведение системы в соответствие с присущими ей законами и другие) еще не раскрывают внутренней природы этого феномена, присущих ему объективных законов, благодаря которым оно оказывается способным к выполнению функций упорядочения и регуляции. До тех пор пока не были открыты закономерности управления, человечество не могло их использовать для создания автоматизированных технологий, робототехники и в других целях.

Во-вторых, кибернетикой было показано, что открытые ею закономерности имеют общий характер для систем различной природы. "До кибернетики, - пишет в связи с этим Б.В.Бирюков, - внимание обращали не на то, что есть общего в различных процессах и системах управления, будь то жизнь, экономика или техника, а на специфику этих процессов в различных областях" (19, 14).

Открытые кибернетикой законы управления по разному проявляются в биологических, социальных, технических самоуправляемых системах. После того как было вычленено общее, стало возможным более строгое и точное изучение особых видов управления.

В связи со сказанным становится понятным положение, широко распространенное в современной научной литературе, о важной методологической значимости теоретических положений кибернетики. "Роль кибернетики в современной науке, результативность ее идей, - отмечает Н.Т.Абрамова, - не связывается обычно с открытием каких-то новых экспериментальных данных. Скорее ее признание связывается с эвристической функцией, а значимость видится в методологической роли" (2, 297).

Применение основных идей и выводов кибернетики в качестве методологических плодотворно также при исследовании проблем социального управления. Поскольку общие законы, изучаемые ки-

бернетикой, действуют и в социальных системах, то вследствие этого они могут быть ориентиром при изучении своеобразия процессов управления в обществе. Разумеется, применение идей кибернетики само по себе не предопределяет выводов в отношении социального управления. Главные особенности последнего в полной мере обуславливаются характером его объекта. Содержательная характеристика управления в обществе может быть дана лишь теорией социального управления, учитывающей природу и особенности социальных систем. Однако исследования, проводимые в рамках этой теории, в современных условиях могут быть плодотворными лишь в том случае, если они опираются на достижения кибернетики, поскольку последняя дает "основанную на понятии информации общую концептуальную схему управления, которая углубляется, конкретизируется, наполняется качественным содержанием в теории социального управления" (141, 225).

В литературе встречаются и другие подходы к пониманию кибернетики. "Кибернетика, - пишет, например, Р.С.Хакимов, - как и математика оперирует чисто количественными отношениями не "утраждая" себя качественным анализом" (189, 83). Данное положение, на наш взгляд, является ошибочным. В кибернетике, как и в любой теоретической науке, имеется как абстрактно-общее, так и конкретно-общее знание. В связи с этим помимо общей кибернетики возможны и реально существуют такие дисциплины как био-, социо-, техническая кибернетика. Здесь закономерности управления исследуются с учетом особенностей систем, в которых они имеют место. Критикуемое понимание кибернетики было распространено в начальный период ее развития. И в наше время его можно было бы оставить без внимания, если бы оно не вело к недооценке методологической значимости идей кибернетики в исследовании проблем социального управления.

Для характеристики сложноорганизованных объектов, которым присущи процессы управления, в кибернетике используются такие термины, как "сложные динамические", "самоуправляемые", "кибернетические" системы. Каждый из указанных терминов акцентирует внимание на различных сторонах этого типа систем. В понятии "сложная динамическая система" подчеркивается сложность, динамичность (изменяемость, способность к развитию) объектов,

которым присущи процессы управления. В термине "самоуправляемые системы" обращается внимание на их способность осуществлять регуляцию ряда параметров при помощи собственных механизмов управления. Понятие "кибернетическая система" указывает на другую существенную особенность рассматриваемых объектов, а именно на их способность использовать, перерабатывать информацию в процессах функционирования и развития.

Кибернетика раскрыла тайну управления, показав, что все свои функции оно всегда осуществляет посредством накопления, преобразования и передачи информации. В связи с этим многие авторы, определяя управление, акцентируют внимание именно на этом его аспекте. "Использование информации, - пишет А.Д. Урсул, - выступает как бы синонимом управления" (168, 163). По мнению Ю.К. Плетникова, процессы управления - это суть процессы преобразования, хранения и использования информации (125, 203-204). А.А. Ляпунов характеризует управление как воздействие циркулирующей информации на элементы определенной системы (102, 5-6).

Характеристика управления в качестве информационного процесса раскрывает специфический способ его бытия в мире. В связи с этим кибернетику, науку об общих законах управления, нередко характеризуют как дисциплину, которая изучает процессы хранения, переработки и передачи информации. С учетом этой особенности управления становится понятным, что революции в способах и средствах накопления, преобразования и передачи информации, имевшие место в истории человечества, неизбежно вели к качественным сдвигам в развитии социального управления.

В научной литературе нет единой точки зрения о сущности информации. До сих пор эта проблема остается дискуссионной. Большинство исследователей рассматривают информацию в связи с понятием отражения. Первое, как правило, определяется через второе. Такой подход в принципе является верным. Однако при дальнейшем анализе появляются различия в трактовке феномена информации. Некоторые исследователи рассматривают это явление в качестве свойства, присущего всей материи. Другие полагают, что информация создается лишь в процессе функционирования и развития сложных динамических систем. Для раскрытия содержания общезначимого понятия информации важно учесть имеющиеся подходы

к пониманию этого явления в специальных областях научного знания и прежде всего в математической теории связи, в рамках которой был введен сам этот термин. Как отмечает В.С.Тюхтин, "главная методологическая причина произвола в трактовке термина "информация" состоит в том, что значение этого термина отрывается от количественной меры информации, от математического аппарата тех или иных теорий информации. В этих условиях назначение, функция ради которых были введены новый термин и соответствующее ему понятие "информация" сводится к нулю, так как можно говорить об отображенной структуре вещей не прибегая к термину "информация". Иными словами, в этом случае этот термин не несет никакой познавательной нагрузки, никакой специфической познавательной функции" (163, 223-224).

Как известно, в математической теории связи информацией называется сообщение, которое получено посредством выбора из множества других сообщений и которое уменьшает или уничтожает существовавшую до его получения неопределенность. Исходя из этого, вполне правомерен вывод, что необходимым условием возникновения информации является операция выбора одного из множества равновероятных сообщений. "Без операции выбора, - пишет Б.С.Украинцев, - информации нет, а имеется лишь возможность ее появления" (165, 230). В другой работе эту мысль он формулирует следующим образом: "Ограничение разнообразия посредством выбора является тем порогом, за которым может возникнуть и возникает информация. Акт выбора превращается в акт производства информации" (167, 68). При таком подходе характеристика информации как отраженного разнообразия (168, 153) является недостаточной, так как для получения информации оказывается необходимой операция ограничения этого разнообразия. Последняя осуществляется посредством отбора тех элементов, которые полезны самоуправляемой системе в процессе ее функционирования и развития. "Объективно, - пишет Б.С.Украинцев, - существует четкая последовательность переходов от оригинала к информации о нем, возникающей в процессе функционирования самоуправляемой системы: оригинал (внешний мир и сама самоуправляемая система) - отображение оригинала - информация" (16, 68).

Так как информация может быть получена в результате ограничения отраженного разнообразия посредством выбора, то в наличии должно быть "нечто", осуществляющее данную операцию. Это означает, что информация возникает лишь при наличии таких систем и процессов, которые способны осуществлять направленный выбор, ограничивая отраженное разнообразие, и тем самым, следовательно, способны к накоплению информации и повышению на этой основе уровня своей организации.

Непрерывной чертой информации является ее сигнальная форма. По характеристике И.А.Полетаева, сигнал - это изоморфное отображение некоторых сторон физического факта или события, которое всегда существует в некотором физическом воплощении. Основным свойством сигнала является то, что он несет информацию, о событиях. Энергетические и материальные процессы, сопровождающие сигнализацию, имеют второстепенную, непринципиальную роль. Сигнал всегда существует в пределах организованной кибернетической системы. Вне такой системы сигнал сохраняет свои физические свойства, однако теряет все свойства сигнала. Утрачивается, следовательно, возможность использовать его в процессе управления. По пути от источника информации к адресату сигнал может перекодироваться, то есть менять свою физическую, природу при сохранении той информации, которую он несет (126, 32-33).

В любой сложноорганизованной системе информация всегда существует в двух основных формах: в качестве связанной и свободной. Связанная информация - это та, которая получена ранее в процессе функционирования и развития сложных динамических систем. К свободной относятся информация, находящаяся в процессе обращения. Ее иногда характеризуют как рабочую, оперативную информацию. "Между свободной и связанной информацией,- пишут А.М.Коршунов и В.В.Мантатов, - много общего. Возникновение информации обоих типов могло происходить только одновременно, поскольку они взаимно предполагают друг друга, находятся в неразрывном единстве. При этом, если свободная информация является процессом, то связанная информация - некоторый результат этого процесса, вместе с тем, поскольку такая информация уже сформировалась, то она - условие деятельности системы и получения новой информации" (86, 30-31).

Учет взаимосвязи между связанной и свободной информацией имеет важное значение для понимания сущности управления вообще и социального управления в частности. "Накопление информации в системе, - пишет Л.А.Петрушенко, имея в виду связанную информацию, - обуславливает прогрессивное развитие последней, то есть закономерное усложнение структуры, повышение гибкости управления и уровня организации системы, увеличение числа и сложности задач, которые система способна решать" (124, 60). И.А.Полетаев характеризует связанную информацию как "предварительную", подчеркивая, что лишь при наличии таковой оказывается возможным использовать в управлении "текущую" (свободную) информацию (126, 35).

Управление и информация соотносительные, связанные друг с другом понятия. В методологическом плане их статус одинаков. Кибернетические понятия управления и информации включают в себя те характеристики, которые являются общими для всех сложноорганизованных систем, в том числе и систем социальных. Специфические особенности того или иного вида информации могут быть содержательно рассмотрены лишь той наукой, которая изучает определенный вид сложных динамических систем. В то же время такой содержательный анализ должен опираться на общую абстрактную характеристику информации, данную кибернетикой. В этом плане кибернетическое понятие информации служит ориентиром методологическим средством для анализа тех или иных видов информации.

Все самоуправляемые системы обладают свойством плановместности, которое находит выражение в их способности избирательно, целесообразно реагировать на изменение внешних и внутренних условий своего существования. Осуществление планомерных действий предполагает наличие системы управления, функции которой состоят в аккумуляции, преобразовании и передаче информации, направляющей и корректирующей функционирование и развитие сложноорганизованных объектов. Благодаря управлению каждый акт жизнедеятельности биологической или социальной системы превращается в конкретную форму разрешения противоречия между стихийностью и планомерностью. Каждая более совершенная система управления обеспечивает и более развитую форму разрешения этого

противоречия. В этой связи становится понятным основное назначение регулятивных структур - вносить планомерность в функционирование и развитие сложноорганизованных систем.

В предельно общем плане система управления в качестве структурных элементов включает в себя управляемый объект, управляющую подсистему, каналы прямой и обратной связи. В каждой конкретной биологической или социальной системе эти элементы находят выражение в специфической форме.

Кибернетика, рассматривая сложные динамические системы в качестве объектов управления, выработала также понятие управляющей системы. Последняя представляет собой структурный элемент системы управления, основными функциями которого являются накопление, хранение, преобразование и передача информации. В.М.Глушков характеризует управляющую систему как "устройство которое организует и осуществляет упорядоченную передачу информации и ее преобразование; воспринимает информацию от объекта управления, преобразует ее надлежащим образом и выдает информацию уже в том виде, который необходим для управления объектом; затем снова получает информацию от объекта управления, снова преобразует ее и т.д." (51, 54).

Для выполнения своих функций управляющая система располагает элементами, которые могут воспринимать информацию, хранить, перерабатывать и осуществлять ее передачу. Нервную систему организма, мозг человека, компьютерное устройство можно рассматривать в качестве примеров управляющих систем, из которых в биологическом, социальном и техническом мире строятся более сложные по уровню организации управляющие системы.

Основная функция управляющих систем состоит в выработке и коррекции (с учетом накопленного опыта и потребностей системы) информационных моделей, предваряющих и направляющих функционирование и развитие сложноорганизованных объектов. Такого рода информационные модели включают в себя два элемента: цель и программу управления. По своей природе цель и программа являются информацией. В кибернетике понятие цели трактуется не только как феномен сознания. Это, конечно, не означает, что человеческим целям приписываются биологические или технические характеристики. В кибернетическом смысле понятия цели фиксирует лишь то

общее, что характеризует целенаправленные процессы, независимо от среды, в которой они имеют место. Цель представляет собой информационную модель потребного будущего самоуправляемой системы. При этом важно учитывать, что цель является, во-первых, отражением потребностей системы, ее стремления к сохранению и развитию (если она способна к развитию). Во-вторых, в ней отражается одна из реальных возможностей изменения самоуправляемой системой своих состояний. В этом отношении она, по характеристике Б.С. Украинцева, представляет один из функциональных инвариантов самоуправляемой системы (167, 42).

В программе посредством информации фиксируется последовательность и характер действий, направленных на достижение цели.

Сложные динамические системы могут формировать цели и программы своего будущего изменения благодаря имеющейся у них способности к "опережающему отражению действительности". Свойство информационного предвидения будущего у самоуправляемых систем в свою очередь неразрывно связано с их способностью накапливать опыт, запоминать те события и ситуации, с которыми сталкивалась система в процессе своего функционирования и развития. Вследствие этого память, то есть устройство для накопления, хранения и воспроизведения информации, относится к числу наиболее важных структурных элементов управляющих систем.

Свой опыт, хранящийся в памяти, самоуправляемые системы приобретают посредством обучения, которое подразделяют на два вида: онтогенетическое (индивидуальное) и филогенетическое (видовое). Первый вид обучения, начиная с определенного уровня организации, доступен и техническим управляющим устройствам. Что касается филогенетического обучения, то оно пока свойственно лишь самовоспроизводящимся живым системам и человеку. Как отмечают исследователи, филогенетическое обучение человека как биологического вида в основном завершено. Зато с незапамятных времен началось "филогенетическое обучение нового типа - социальное обучение человека как социального вида" (167, 60). Результаты социального филогенетического обучения находят выражение в материальной и духовной культуре человечества.

Необходимым звеном процессов управления, в какой бы среде они не протекали, является обратная связь. Под последней обычно понимают одно из свойств самоуправляемых систем, которое заключается в

их способности учитывать разницу между целью и результатом действия. Работает этот механизм следующим образом. По каналу обратной связи подается информация о действительно достигнутых результатах и происходящих изменениях в управляемом процессе. Последняя сравнивается с информацией об ожидаемых последствиях предпринятых действий. При наличии рассогласования выдается информация, корректирующая управляемый процесс в соответствии с избранной целью. В механизме обратной связи важная роль принадлежит опережающему отражению, поскольку информация об ожидаемых последствиях действий, развитии событий по своей природе является информацией о будущем.

Процесс управления имеет циклический характер. Формирование целей и программ, а также контроль (обратная связь) за их реализацией составляют его основное содержание. Схематично функционирование системы управления может быть представлено следующим образом. Имеются управляющее устройство и управляемый объект. Соединенные между собой каналами прямой и обратной связи они образуют замкнутый контур управления. В контуре циркулирует информация в виде сигналов. Функция управляющего устройства заключается в выработке адекватной реакции в виде информации в ответ на изменение внутренних и внешних условий существования управляемого объекта. Достигается это путем сопоставления текущей информации с прошлым опытом и выдачи уже обогащенной информации в виде, пригодном для управления. Переработанная информация направляется по каналу прямой связи исполнительным органам. Последние изменяют управляемый процесс в нужном для системы направлении. После выполнения исполнительными органами предписанных информацией действий по каналу обратной связи передается информация об изменениях и новообразованиях, возникших в управляемом процессе и внешней среде. Затем цикл управления повторяется вновь. Обобщая можно выделить следующие стадии единичного цикла управления: 1) получение управляющей системой информации; 2) переработка информации (формирование целей и программ); 3) передача информации исполнительным органам; 4) обратная связь.

Суть переработки информации заключается в том, что происходит сравнение, сопоставление текущей информации (об окружающей среде и внутренних состояниях) с накопленной информацией и инфор-

машиней, отражающей потребности самоуправляемой системы. Основным результатом этой операции являются цели и программы управления.

Какие функции выполняет управление в сложноорганизованных системах? Понятием "функция" обычно обозначают совокупность следствий, производимых элементом системы, в результате инвариантно присущего ему способа поведения (174, 418-419). Выяснение функций какого-либо элемента относится к числу следственных объяснений. Последние показывают его сущность как активное действующее начало. Это отличает следственные объяснения от причинных, которые раскрывают сущность того же объекта как нечто пассивное, "страдательное, произведенное чем-то" (115, 95-96). Известно, что своеобразие производимых следствий - одна из существенных характеристик разнообразных систем и их элементов. С этим связано широкое распространение функционального анализа в научной практике.

И.Б.Новик в функциональном плане характеризует управление как "упорядочение системы, т.е. приведение ее в соответствие с определенной объективной закономерностью, действующей в данной среде" (117, 25). Управление, полагает он, может быть определено как "процесс снижения (сохранения) энтропии в некоторой замкнутой области" (117, 79). В данном случае, как нам представляется, дана предельно обобщенная характеристика управления, понимаемого в функциональном аспекте. В более конкретном плане, применительно к биологическим и социальным системам, вполне правомерно видеть основное назначение управленческих структур в обеспечении плановости функционирования и развития сложноорганизованных систем. Поскольку достижение абсолютной плановости невозможно, то вследствие этого всегда имеет место определенная форма разрешения противоречия между стихийностью и плановостью. Что же касается конкретной направленности и формы плановости, то она может быть самой разной: выживание, сохранение целостности, развитие, упорядочение, координация и т.д.

На этом мы завершаем анализ вопроса об управлении безотносительно к специфике систем, в которых оно имеет место. В данном разделе изложены некоторые идеи об управлении преимущественно общего характера, на которые мы будем опираться в ходе дальнейшего исследования как социального управления вообще, так и его конкретно-исторических форм.

Глава II

Специфика социального управления в сравнении с биорегуляцией

Социальное управление является второй крупнейшей формой управления (после биологического), возникшей в ходе эволюционного процесса на Земле.

Специфика любого вида управления обуславливается особенностями его объекта, то есть той системы, которой присущи процессы управления. В свою очередь своеобразие самоуправляемой системы коренится в характере реализации ее активности, в котором решающим является свойственный ей способ взаимодействия со средой.

Объектом социального управления является общество и различные уровни его организации, предполагающие взаимодействие и сотрудничество людей. Общество относится к числу живых систем. Его способом существования является деятельность людей, а формой - общественные отношения. Общественные отношения выступают в роли фактора, объединяющего субъектов социальной жизни, разнообразные виды и продукты человеческой деятельности в единую надиндивидуальную социальную систему. Общество, таким образом, безотносительно к тому, в каком аспекте оно рассматривается, есть "не что иное, как постоянный, непрекращающийся процесс деятельности множества объединенных социальными связями индивидов" (104, 43) Как целостное надиндивидуальное образование оно имеет собственную логику развития, отличную от жизни составляющих его индивидов. Однако из этого положения ошибочно делать вывод, что в социальной системе элементарный состав существует для блага целого. Так дело обстоит в отдельном биологическом организме, в котором специализация заходит так далеко, что все его органы превращаются в придаток целого, в конечном счете теряя способность к самостоятельному существованию. В отличие от биологического организма в обществе все индивиды одинаково способны мыслить и действовать, страдать и наслаждаться, тогда как складывающаяся в результате этого целостность остается

бесчувственной. Поэтому в человеческом мире "общество существует для блага своих членов; а не члены для блага общества" (155, 286).

Общество на любом этапе своего развития с необходимостью включает в себя регулятивный механизм, который программирует и упорядочивает функционирование и развитие как социума в целом, так и различных уровней его организации. Выше отмечалось, что особенности какого-либо управления в конечном счете детерминируются способом взаимодействия самоуправляемой системы со средой. Применительно к социальному управлению это означает, что его своеобразия проистекает из особого характера человеческой деятельности, которая выступает в качестве специфического способа бытия и реализации активности социальных систем.

В предельно общем виде своеобразия человеческой деятельности (в отличие от действий животных) находят выражение в ее культурном характере.

Здесь мы подошли к понятию, которому в нашей работе принадлежит одно из ключевых мест. В связи с этим остановимся кратко на том значении, в котором оно употребляется в нашей работе. В недалеком прошлом было широко распространено понимание культуры как совокупности материальных и духовных ценностей, созданных человечеством. Однако такой подход является малопродуктивным, поскольку не позволяет сформулировать достаточно четкие критерии для определения того, что следует считать ценностями.

Широкое распространение получила характеристика культуры как творческой деятельности человека, как меры "человеческого" в человеке. Развитие культуры при таком подходе совпадает с развитием личности в любой сфере деятельности людей. Для данного подхода характерно подчеркивание двух параметров культуры - творческого и личностного. Данная позиция тяготеет к аксиологизации культуры, нередко упускает из виду внеличностную сторону культуры (культуру социальных групп и общностей, общества в целом), без которой становится невозможным дать и глубокое понимание личностного аспекта в ее развитии. Такое понимание культуры слабо работает при исследовании сложных теоретических проблем развития общества.

Нам представляется неправомерным наделять культуру лишь положительными свойствами. Культура должна быть постигнута в

единстве ее положительных и отрицательных черт. Кроме того культура - это не только характеристика личности, но и общества. Здесь также недопустима односторонность в ее исследовании.

В данной работе культура понимается и как совокупность уникальных (то есть не свойственных животному) свойств и способностей человека, и как система надбиологических средств, способов, результатов деятельности человека, позволяющих ему адаптироваться к среде и совершенствовать социальную жизнь. Культура в нашем понимании возникает в ходе антропосоциогенеза и развивается вместе с человеком и обществом. По мнению известного в России специалиста-культуролога, "к классу явлений культуры относятся особые, надбиологические, выработанные в процессе генезиса и дальнейшего развития общественной жизни людей средства, обеспечивающие осуществление их активности в различных сферах жизнедеятельности. Это фундаментальное свойство культуры - быть средством деятельности людей - концентрировано выражает суть культуры и интегрирует все остальные ее характеристики" (104, 86). Различные элементы общества выступают как культурные объекты в том случае, когда они рассматриваются в аспекте способов и средств человеческой деятельности. В этом специфика культурологического подхода к исследованию общества. В отличие, к примеру, от классового подхода, выдвигающего на первое место вопросы: кому выгодно, в чьих интересах и т.п., при культурологическом подходе исследователь стремится получить ответ на вопрос как (каким образом) в определенный исторический период люди осуществляли взаимодействие с природой и друг с другом.

Важное методологическое значение имеет подразделение всей культуры на материальную и духовную. Первоначально материальный и духовный аспекты культуры слиты воедино. И лишь в ходе последующего социокультурного развития происходит их обособление друг от друга, что означает одновременно преобразование и поднятие на новую ступень все системы культуры, а в итоге возникновение новой эпохи культурной эволюции. Отметим в связи с этим, что каждый этап в развитии культуры - это сложное, многоуровневое образование, включающее в себя в модифицированном виде культурные пласты из различных периодов в развитии человечества.

Итак, человеческой деятельности в отличие от биологической свойствен культурный характер, что выражается в наличии системы надбиологических, специфически социальных средств и способов реализации активности людей. Раскрытие особенностей человеческой деятельности в интересующем нас информационно-управленческом аспекте предполагает знание общих черт, свойственных как биологическому, так и социальному способу взаимодействия с природой.

Известно, что в ряду способов взаимодействия общества с природой именно труд является специфически социальным, свойственным только человеку способом реализации его активности. В то же время труд - это наиболее развитая форма взаимодействия живых систем с природой. Он представляет собой деятельность человеческих индивидов, обуславливаемую их потребностями, стремлением к сохранению и воспроизводству жизни, посредством которой осуществляется как преобразование вещества, энергии, информации, так и взаимосвязь между индивидами. Труд является специфическим способом существования человеческого общества.

Характерную для определенного вида живых систем форму взаимодействия с природой можно рассматривать как их родовую жизнедеятельность, как адекватный им, выражающий их природу, образ жизни. Труд и является родовой деятельностью человека, родовым образом его жизни. Как особая форма он имеет как общие (с биологическим взаимодействием), так и специфические (присущие только ему) особенности.

Общее между трудом и биологическим способом взаимодействия состоит в следующем.

1. Труд, как и взаимодействие животных со средой, по своему содержанию представляет собой ни что иное, как обмен веществом и энергией с природой. Человек как живое существо "тоже нуждается в обменных процессах со средой и, чтобы жить, должен бороться за вещество и энергию, изыскивая все новые способы интенсификации метаболизма. ...Для человека именно труд стал основным способом разрешения противоречия между естественным состоянием явлений природы и нужным ему состоянием. Поместив между собой и природой орудия труда, человек опосредовал обменные процессы и тем самым снял целый ряд ограничений масштабов и темпов этих про-

цессов, которые существовали раньше" (49, 53-55). Труд, таким образом, представляет собой специфическую форму целесообразно регулируемого процесса обмена веществом и энергией с природой.

2. Как и биологическое взаимодействие, труд является информационно-программируемым процессом. Информационный аспект относится к необходимым моментам любой формы труда. Информационная активность человеческих индивидов также реализуется посредством трудовой деятельности. С развитием общества различные виды информационной деятельности (сбор, хранение, преобразование, передача информации) приобретают характер относительно самостоятельных видов общественного разделения труда.

3. Как и биологическая, человеческая деятельность имеет двойственный характер. Она выступает и как деятельность по преобразованию вещества и энергии, посредством которой люди воспроизводят свою жизнь, и одновременно как взаимная связь между ними, создаваемая той же деятельностью и объединяющая действующих лиц в надиндивидуальное системное образование. Иными словами, подобно биологической деятельности, посредством которой устанавливаются связи между животными и тем самым формируются надорганизменные биологические системы, труд тоже выступает в качестве способа реализации общественных отношений, благодаря которым индивидуальная деятельность превращается в социальную и становится возможным существование общества как надиндивидуального системного образования. Труд в этом аспекте выступает в качестве глубинного системообразующего фактора общественной жизни.

Информационная активность животных и человека, также как и их деятельность по преобразованию вещества и энергии, реализуется в двух направлениях. Она выступает и как деятельность по сбору, хранению, преобразованию и передаче информации, и одновременно как информационно-управленческая связь, посредством которой как в биологическом мире, так и в обществе, образуются системы управления, с различными уровнями их организации. Социальное управление, таким образом, следует рассматривать и как особую деятельность и как специфическую систему общественных (информационно-управленческих) связей.

Выше названы общие черты, присущие одновременно как способу взаимодействия животных с природой, так и деятельности человека. Резюмируя можно сказать, что труд, так же как и биологическое взаимодействие, представляет собой форму преобразования живыми существами вещества, энергии, информации. Вместе с тем труд имеет и специфические, свойственные только ему особенности, которые, как отмечалось ранее, выступают глубинными истоками своеобразия социальных систем и присущего им способа управления.

Рассмотрение труда в качестве родовой человеческой деятельности предполагает как можно более строгое фиксирование специфических черт, отличающих его от деятельности животных. Нередко специфику человеческой деятельности видят прежде всего в ее сознательном характере. Однако есть весомые основания считать, что особенности труда коренятся прежде всего в самом специфическом способе взаимодействия человека с природой, орудийном характере его деятельности. Сознательность же при таком подходе рассматривается как следствие этой исходной фундаментальной особенности общественной жизни.

В целом можно выделить три особенности, отличающие человеческую деятельность от биологической: а) человеческая деятельность осуществляется посредством изготовляемых и наследуемых орудий труда; б) носит общественный характер; в) упорядочивается и программируется при помощи специфически социальных (культурных) средств и способов. В последнем случае речь идет о специфике человеческой деятельности в информационном аспекте.

Человек, отмечал Маркс, помещает между собой и предметом труда вещь или комплекс вещей, служащих средством его воздействия на природу. Он пользуется механическими, физическими, биологическими свойствами вещей для того, чтобы в соответствии со своей целью применять их как орудия воздействия на другие вещи (106, 23, 190). Перефразируя известное изречение, можно сказать, что в данном аспекте человек - это животное, но животное, которое систематически применяет, изготавливает и наследует орудия своей деятельности.

Таким образом, человек нашел качественно иной способ разрешения противоречия между тем состоянием, в каком объекты на-

ходятся в живой природе и тем, в каком они ему необходимы. Если в биологических системах обменные процессы идут непосредственно через тела и там каждый организм выступает в качестве "фабрики" по расщеплению и преобразованию вещества и энергии, то в отличие от этого человек вынес процессы преобразования вещества и энергии за пределы своего тела, поместив между собой и природой орудия труда и тем самым снял биологические лимиты нарастания масштабов и темпов этих процессов (49, 51).

Вместе с тем, хотя для человека характерен качественно иной способ взаимодействия с природой, потоки вещества и энергии, идущие через его тело, продолжают оставаться непременимым условием его жизни.

Важной особенностью труда является его общественный характер. В сущности это означает, что индивиды, осуществляя преобразование вещества, энергии, информации, связаны в единое социальное целое посредством общественных отношений, которые не имеют аналогов в животном мире, хотя, безусловно, связи между животными, имеющие биологическую природу, есть. Выше отмечалось, что как в биологических, так и социальных системах живые существа находятся во взаимосвязях, содержание которых составляет обмен деятельностью. По своей природе указанные связи носят вещественно-энергетический и информационный характер. И являются тем, что объединяет живых индивидуумов в единую биологическую или социальную целостность. То обстоятельство, что человеку свойственен качественно иной способ взаимодействия с природой позволяет провести различие между отношениями людей и различными формами "сотрудничества" и обмена деятельностью, которые наблюдаются у животных. Общественные отношения существенно отличаются от биологических связей, ибо здесь посредником между людьми выступает труд, как особая, не имеющая аналогов в живой природе, форма преобразования вещества, энергии, информации. И в этом прежде всего (а не только в сознании) следует искать отличие общественных отношений от связей между животными.

Качественные изменения в способе взаимодействия со средой, появление труда как особой формы обмена веществом и энергией с природой явилось причиной коренной перестройки системы информационного обеспечения биологической жизнедеятельности и воз-

никновения специфически социального способа программирования. Отметим, что между биологическим и социальным управлением много общего. Объектом управления как в том, так и в другом случае, являются сложноорганизованные системы. Повсюду управление осуществляется посредством сбора, преобразования и использования информации. Как в биологических, так и в социальных системах регулятивный механизм включает в себя управляющую и управляемую системы, прямые и обратные связи. Управление как в первом, так и во втором случае, выступает в качестве средства упорядочения жизнедеятельности живых существ, является необходимым моментом их связей между собой, вносит устойчивость и урегулированность в функционирование как биологических, так и социальных систем, направляет их развитие.

Вместе с тем процессы управления в обществе, осуществляемые посредством накопления, преобразования и передачи информации, по своим особенностям существенно отличаются от аналогичных процессов в биологическом мире.

В процессе возникновения и развития общества сформировались специфически социальные способы хранения человеческого опыта. Если в мире биологической эволюции видовой опыт хранится внутри организмов, то для общества характерно накопление информации в надорганизменных структурах (орудия труда, регулярно воспроизводимая деятельность, формы общественного сознания, язык), то есть в средствах материальной и духовной культуры. Как отмечает Ю.А.Левада, для органического мира характерно хранение наследственной информации внутри самого организма, а начиная с известного уровня эволюции - генетическим аппаратом, что определяет инстинктивный характер поведения животных, построенного на наследуемых (т.е. кодируемых в наследственной "памяти") стереотипных действиях. "У человека же способность накопления, преобразования и передачи информации в системах, отличных от генетической, а именно культурных "языковых", является решающей особенностью" (94, 48).

Отметим, что отличающая человека от животных способность к накоплению и хранению информации в средствах культуры, является вторичной, производной от свойственного человеку орудийного способа взаимодействия с природой. Качественно иной, специфиче-

ски социальный способ хранения информации, стал возможен благодаря тому, что человек вынес процессы обмена веществом и энергией за пределы своего организма и стал их осуществлять при помощи наследуемых орудий труда. Отсюда проистекает и возможность осознания накапливаемого социального опыта

Накопления в ходе исторического развития в средствах материальной и духовной культуры информация образует социальную память человечества. Реальное содержание социальной памяти включает в себя не только теоретически обобщенный опыт человечества, результаты деятельности в сфере науки, философии, искусства - знания и образные представления о мире, но также и "информацию, которая зафиксирована в предметах материальной культуры, в сложившихся социальных отношениях, в практических нормах поведения, навыках трудовой деятельности и в других воспроизводимых с помощью традиции социальных связях и структурах" (83, 65).

Так как жизнедеятельность человека носит универсальный характер, то понятно в связи с этим, сколь многогранной и объемной является социальная память, хранилище всего комплекса выработанных человечеством знаний и программ деятельности людей в различных сферах и областях жизни. Основное содержание социальной памяти составляет информация, заключенная в разнообразных формах общественного сознания. На основе социальной памяти формируются психика и сознание человека как исторически конкретного социального существа, имеет место процесс дальнейшего познания природы и общества, осуществляется функционирование и развитие индивидуального и общественного сознания. Только благодаря наличию накопленной обществом информации становится возможным планомерный характер деятельности в самых разнообразных направлениях реализации активности людей.

По мнению Я.К. Ребане, можно выделить три большие группы носителей социальной памяти: "1) орудия производства и о вещественные результаты труда, часто обобщаемые в понятиях "материальная культура" и "вторая природа"; 2) объективные социальные отношения, базирующиеся, в конечном счете, на производственных отношениях, 3) язык в широком смысле, т.е. "естественные" языки, их различные технические видоизменения, а также внеязыко-

вые семиотические средства" (134, 47). К этому следует добавить, что носителем социальной памяти является сама физическая организация человека, с присущими ей способностями и предрасположенностью к различным видам человеческой деятельности, а также головной мозг, в котором, пока жив человек, также хранится накопленная обществом информация.

Основной массив социальной информации накапливается и хранится не внутри организма, как это имеет место в мире биологической эволюции, а за его пределами в средствах материальной и духовной культуры. С этим связана фундаментальная особенность человеческой деятельности, состоящая в том, что передача, трансляция накопленного социального опыта новым поколениям осуществляется не по генетическим каналам, путем размножения, а путем научения, выражающего собой специфический социальный способ освоения индивидами достижений человечества.

Животному основной набор разнообразных программ поведения "вручается" вместе с рождением. Программам, приобретаемым посредством научения, принадлежит хотя и важная, но все же подчиненная роль. Человек же модели характерной для него деятельности усваивает путем научения. К простейшим формам научения относятся различные виды заимствования путем подражания, а к наиболее развитым - процессы обучения, с использованием языка, сознания, абстрактно-логического мышления, технических средств. "Чрезвычайно важной особенностью человеческой деятельности, - отмечает в связи с этим Э.С.Маркарян, - является ярко выраженное доминирование в ней тех ее элементов, которые приобретаются посредством научения. Хотя точное соотношение врожденных и приобретенных моментов поведения людей еще не выяснено, совершенно бесспорным является одно: специфически человеческая деятельность есть всецело результат многообразной выучки, приобретаемой в процессе социализации личности, ее приобщения к стереотипам культуры, принятым в обществе и в более узких группах, к которым она принадлежит" (103, 105).

Инстинктивное (врожденное) программирование и основанное на научении в той или иной степени имеют место как в биологических, так и в социальных системах. Однако их сочетание в единое целое носит противоположный характер. Если в биологических сис-

темах доминирует инстинктивное программирование, то в обществе - базирующееся на научении. В связи с этим методологически важное значение приобретает проведение различия между деятельностью, базирующейся на научении и разумной, сознательной деятельностью. Последняя является наиболее развитым видом первой. Как отмечает Э.С. Маркарян, классификация деятельности на инстинктивную и "разумную" (сознательную) столь широко использовавшаяся на все протяжении второй половины XIX века ныне совершенно не удовлетворяет научное мышление. Гораздо более правильное и точное при общепринятой классификации выделять деятельность инстинктивную и деятельность, основанную на научении. "Разумная же деятельность является высшей формой активности живых систем, основанной на научении" (103, 125).

В наше время положение, согласно которому сознательная деятельность представляет собой наиболее развитый вид деятельности, базирующейся на научении, все в большей мере подтверждается данными современной науки. "Накопленный к настоящему времени научкой материал, - отмечает Ю.И. Семенов, - настоятельно требует отказа от положения о том, что производственная деятельность, с самого начала была сознательной и волевой. В свете новых данных стало ясно, что производственная деятельность, с одной стороны, мышление и язык, с другой, возникли с разрывом примерно в 1-1,5 млн. лет" (144, 25). Производственная деятельность формирующихся людей первоначально носила бессознательный характер, но базировалась не на врожденных генетических программах, а на приобретаемых путем научения.

Последние и составляют исходную и фундаментальнейшую особенность человеческой деятельности, при рассмотрении ее в информационно-управленческом аспекте. В ходе дальнейшего развития на ее основе сформировались разумные, сознательные формы человеческой деятельности, характеризующиеся языковым общением, абстрактным мышлением, осознанностью передаваемой информации.

С культурным характером человеческой деятельности связаны и специфические черты психики и головного мозга людей. Отметим, что в информационном аспекте каждый человек представляет собой определенное управляющее устройство: он располагает памятью для

хранения информации, средствами для ее переработки, сформировавшимися в ходе длительного развития, органами для ввода и вывода информации. Как преобразователи социальной информации человеческие индивиды обладают характерными особенностями, отличающими их от животных. К их числу относятся: наличие развитых способностей к усвоению накопленного человечеством опыта посредством научения, использование языка в качестве средства для хранения и передачи информации, абстрактно-логическое мышление, сознание. Благодаря этим свойствам были сняты лимиты и ограничения, накладываемые на процессы накопления, хранения, преобразования и передачи информации в мире живой природы. Формирование у человека способностей к хранению и передаче информации посредством языка, переработка ее при помощи абстрактно-логического мышления, осознание накапливаемой и транслируемой информации носит вторичный и производный характер от таких фундаментальных особенностей человеческой деятельности, как ее орудийный и общественный характер, хранения накопленного филогенетического опыта в объективированных системах, усвоение этого опыта посредством научения и других.

Отдельного человека, реализующего свою активность при помощи орудий труда и в условиях взаимодействия с другими индивидами, можно рассматривать в качестве элементарной, далее неделимой единицы любой социальной системы. Человеческие индивиды (обладающие способностью к накоплению, преобразованию и использованию информации) являются вместе с тем и элементарным составом, из которого образуется исходный и все иные более высокие уровни управления, вплоть до самого высшего, направляющего функционирование и развитие общества в целом. Понятие элемента в данном случае не только то, что это далее неделимая единица, "первокирпичик", из которого строится, к примеру, системы управления обществом, но и то, что каждый более высокий уровень управления, надстраивающийся над исходным, свои функции может выполнить только путем воздействия на элементарный состав, то есть на множество человеческих индивидов, реализующих информационно направляемую орудийную активность во всевозможных областях общественной жизни.

Выше отмечалось, что в процессе возникновения и развития общества сформировались специфически социальные способы накопления

и аккумуляции человеческого опыта. Это означает, что человечество нацело собственным, отличным от биологического, способ превращения онтогенетического (индивидуального) опыта в филогенетический (социальный). В отличие от животных приобретаемый индивидуальный опыт отдельных людей постоянно объективируется во речевых для организма системах хранения информации (язык, орудия труда, повторяющиеся действия и операции и т.д.) и уже сохраняется в доступной для других индивидов форме. Тем самым результаты индивидуального творчества становятся достоянием других людей. Таков основной способ обогащения и коррекции той информации, которая составляет содержание социальной памяти. В этой связи было бы ошибочно противопоставлять знания в голове человека, той информации, которая хранится в объективированных источниках. Ибо расшифровать то, что находится в объективированных источниках можно лишь при наличии человека - носителя информационной активности. В то же время наличие социальной памяти, то есть объективированной в средствах материальной и духовной культуры информации, является необходимым условием бытия человека, как существа осуществляющего орудийную деятельность, обладающего языком, абстрактно-логическим мышлением и сознанием. Люди, как носители специфически социального способа информационной активности, и социальная память, являющаяся хранилищем всего опыта, накопленного человечеством - два основных элемента информационно-управленческой системы общества. Если изъять, хотя бы один из названных компонентов, вся система окажется не способной к выполнению свойственных ей функций программирования и упорядочения общественной жизни. Усвоение подрастающим поколением посредством разнообразных форм и способов обучения накопленного человечеством опыта выступает здесь в качестве канала прямой связи. Приобретение социально значимого индивидуального опыта в ходе последующей практической деятельности и его объективация в форме, доступной для других, являются уже каналами обратной связи. Тем самым вносятся коррективы в филогенетический опыт человечества. То обстоятельство, что основной массив социальной информации человек посредством специализированных информационных структур хранит за пределами собственного организма и передаст ее новым поколениям путем научения, дает ему возможность выбраковывать потерявшую ценность информацию независимо от физического существования или смерти челове-

ских индивидов. В этом находит выражение одна из особенностей обратного воздействия субъектов общественной жизни на программы и модели деятельности, зафиксированные в социальной памяти. Если транслируемые в ходе социализации новым поколениям модели деятельности перестают соответствовать конкретным историческим условиям и теряют свою ценность, то они, хотя и не без борьбы, заменяются другими. Происходит перестройка содержания социальной памяти, изменение и обогащение моделей и программ деятельности, но это не обязательно связано с физической элиминацией субъектов общественной жизни. Напомним для сравнения, что в органическом мире существенная перестройка наследственной информации достаточно жестко связана с гибелью особей, обладающих программами плохо приспособленными к условиям существования. Возникновение и развитие животной психики в известной мере позволяют ослабить эту жесткость. Но все же в мире биологической эволюции жизнь и смерть отдельных организмов и существенное улучшение наследственного фонда связаны воедино. В этом находит выражение одна из характернейших особенностей преобразования информации в биологических системах, отличающая механизм регуляции в живой природе от социального управления.

Итак, процессы управления в обществе, осуществляемые посредством накопления, преобразования и передачи информации, по своим особенностям существенно отличаются от аналогичных процессов в биологическом мире. В предельно общем виде социальное управление отличается от биологического следующими особенностями: 1) аккумуляцией и хранением "видового" социального опыта в разнообразных индивидуальными культурных системах; 2) трансляцией накопленного социального опыта новым поколениям посредством различных форм научения; 3) наличием у каждого нормального человека сформировавшихся в ходе социокультурного развития способностей и органов, предназначенных для восприятия, хранения, преобразования, воспроизведения и передачи социальной информации; 4) наличием специфически социальных (культурных) способов и механизмов для внесения коррективов в содержание социальной памяти.

Таковы наиболее общие черты социального управления, отличающие его от биорегуляции, которые существенно модифицируются и видоизменяются от одного культурного этапа в развитии общества к другому.

РАЗДЕЛ II

ПЕРВОБЫТНАЯ КУЛЬТУРА И СОЦИАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

Глава I. Традиционный тип социального управления

В предыдущем разделе были рассмотрены наиболее общие и абстрактные характеристики социального управления, свойственные обществу на любой стадии его развития. Но культура и общество не гаходятся вне времени. В своем развитии они проходят ряд качественно определенных этапов, каждый из которых характеризуется специфической, свойственной только ему формой управления.

Первым крупнейшим периодом в эволюции культуры является эпоха первобытности. В ее рамках в свою очередь выделяются два качественно отличных друг от друга этапа. Это, во-первых, культура всех древнейших людей до *homo sapiens*, и, во-вторых, начальный, первобытный период в развитии культуры *homo sapiens*. Двум периодам эволюции первобытной культуры соответствуют и две стадии развития первобытного общества. Первая, самая длительная (около двух с половиной млн. лет), представляет собой период первобытного человеческого стада (праобщины). Вторая, длительностью примерно в 40 тысяч лет, является периодом родовой общины.

В качестве относительно самостоятельного исследователя выделяют также период кризиса первобытной культуры и свойственных ей форм общественной жизни. В это время происходит переход от родовой к соседской крестьянской общине, возникают частная собственность, классы, государство, новые формы общественных отношений и социальной регуляции.

Начальный и наиболее длительный этап в развитии первобытного строя в научной литературе получил название эпохи первобытного человеческого стада (праобщины). По археологической периодизации этот период совпадает с древним палеолитом, а переход "от древнего палеолита к позднему, от неандертальского человека к человеку современного физического типа (*homo sapiens*) явился вместе с тем переходом от первобытного стада к родовой общине" (21, 162).

Еще сравнительно недавно господствовало представление о том, что длительность существования человеческого общества насчитывает 700-800 тысяч лет. Из них 40 тысячелетий отводилось первобытному периоду в развитии человека современного физического типа. Соответственно древнейшими людьми считались питекантропы в широком смысле этого слова. Но, начиная с 1959 года и вплоть до наших дней, мир стал свидетелем сенсационных открытий в Восточной Африке и за ее пределами, которые дали повод к пересмотру хронологических рамок первобытного строя и в первую очередь эпохи первобытного человеческого стада. В свете последних открытий стало ясно, что питекантропам предшествовал гораздо более примитивный человек, создавший свою примитивную культуру - олдувайскую. Тем самым появление древнейшего человека было отодвинуто вглубь времен, а его древность увеличилась по меньшей мере на 1,5 млн. лет (170, 99).

В эпоху первобытного стада человечество представляло собой отдельные слабо связанные друг с другом коллективы людей, бродивших по крайне редко заселенной территории в поисках охотничьей добычи и растительной пищи. Оседлость только зарождалась. Обитание в более или менее приспособленных для проживания стойбищах чередовались с постоянными перекочевками.

По-разному исследователи оценивают численность первобытного стада. Некоторые полагают, что оно включало 20-30 индивидов (71). По мнению Ю.И.Семенова, максимальная численность праобщин равнялась 75-90, оптимальная - 50-60, а минимальная - 35-40. Более мелкие группы могли представлять либо временно отделившиеся друг от друга части одной праобщины, либо обломки, ранее существовавших праобщин (144, 184).

В эволюции первобытного стада выделяют три этапа: ранний, средний и поздний, которые отличаются прогрессивно сменяющимися физическими типами гоминид и уровнями развития культуры. Отметим в связи с этим характерную особенность развития первобытного стада, отличающую его в этом аспекте от всех последующих состояний человечества. Здесь каждая новая ступень в развитии культуры и социализации человека сопровождается существенными изменениями его физической организации.

В.Ф.Зыбковец следующим образом характеризует названные стадии эволюции первобытного стада. Ранний этап непосредственно граничит с биологическими предшественниками человека. Ярким представителем этого периода является *homo habilis*. Средний этап - это питекантроп пекинский (синантроп) - существо более гуманизированного вида, чем его предшественники, с явно выраженной праворукостью. Поздний этап эволюции первобытного стада связан с жизнедеятельностью палеоантропа неандертальского типа. Этот этап непосредственно граничит с человеком разумным и ранним родовым обществом (71, 45).

В эволюции первобытного стада названные три этапа одновременно являются ступенями культурно-технического прогресса. По археологической периодизации это соответственно шельская, ашельская и мустьерская эпохи. Ранний этап - это эпоха грубо оббитых каменных орудий атипического характера и ручных рубил шельского типа, а также деревянных орудий (рогатин, дубин). Средний этап (ашельская эпоха) характеризуется наличием ручных рубил усовершенствованного типа, а также каменных отщепов, пригодных для работы в качестве инструментов интегрального типа. Главное культурное достижение этого этапа - освоение огня и его широкое применение на загонной охоте и в быту. Как полагают исследователи, созданию и совершенствованию культуры огня в социализации человека принадлежит весьма существенная роль. Огонь относится к числу таких явлений природы и средств деятельности, которыми человек не может пользоваться в одиночку. Необходимы определенная дисциплина для его поддержания, защиты от дождя и ветра, а также навыки применения огня для обогрева жилища, приготовления пищи, на загонной охоте и т.д. "Использование огня, - пишет в связи с этим В.Ф.Зыбковец, - невозможно без разделения труда по полу и возрасту. Очевидно взрослые мужчины - охотники в поисках добычи удалялись на более или менее значительные расстояния от стойбища, где оставались женщины, дети, престарелые. В силу данных обстоятельств сохранение огня становилось делом женщин и престарелых. Многочисленные этнографические факты свидетельствуют, что дело обстояло именно так" (71, 31).

На последнем этапе эволюции первобытного стада (мустьерская эпоха) человек уже использует специализированные

каменные орудия разделенного мужского и женского труда. На этой ступени он полностью овладел огнем и техникой его добывания. "Мустьерские орудия, - пишут Я.Я.Рогинский и М.Г.Левин, - отличаются большей правильностью и тщательностью обработки, большим разнообразием форм. Появляются простейшие изделия из кости. Судя по широкому распространению в мустьерских стоянках остатков костров, обгорелых костей, скоплений золы, предполагают, что неандертальцы пришли к выработке искусственных приемов добывания огня" (136, 322). На последней стадии эволюции первобытного стада появляются первые захоронения (погребения) погибших или умерших людей. Данный факт по-разному интерпретируется исследователями. Некоторые полагают, что это свидетельствует о зарождении у неандертальского человека религиозных представлений, другие отрицают такое толкование этого явления.

В эпоху первобытного человеческого стада люди занимались главным образом охотой. Второе место по значению в структуре присваивающей деятельности принадлежало собирательству.

На этой стадии эволюции культуры получило развитие исторически первая форма общественных отношений, существо которой нашло выражение в равном доступе всех членов праобщины к пище. Если в биологическом объединении удовлетворение пищевого инстинкта связано с подавлением слабых животных сильными и созданием системы доминирования, то возникновение первобытной формы общественной связи неизбежно вело к ограничению "пищевого инстинкта у части членов объединения, причем самых решительных и сильных" (144, 126). Этот процесс усиливался действием естественного группового отбора, который "способствовал сохранению именно тех коллективов, в которых сильнее были выражены социальная связь и взаимопомощь и которые противостояли врагам и стихийным бедствиям как монолитные объединения" (4, 140).

В рамках нашей темы, ориентированной на исследование информационно-управленческих процессов на различных стадиях социокультурной эволюции, принципиальное значение имеет вопрос об уровне развития языка и мышления у предшествовавших *homo sapiens* гоминид. Иначе говоря, обладали ли люди эпохи первобытного стада языком, сознанием, мышлением?

В отношении homo habilis исследователи единодушны: это существо создавало каменные орудия труда, но ему не были свойственны ни язык, ни мышление. Однако прямо противоположные суждения высказываются относительно питекантропов и неандертальцев. Питекантропы, по мнению Ю.И.Семенова, "с неизбежностью должны были обладать мышлением и языком. Но вполне понятно, что их язык был еще только формирующимся, так же как только еще становящимися были их мышление, сознание и воля" (144, 20). В связи с палеоантропами (людьми мустьерской эпохи) Ю.И.Семенов считает возможным говорить о возникновении у них тотемизма, магии, искусства (3, 236), хотя для таких выводов практически отсутствует убедительный археологический материал.

Иной взгляд по этому вопросу развивает Б.Ф.Поршнев. Широкой научной общественности Б.Ф.Поршнев известен своими работами в области истории, философии, социологии. Однако сам он, своей основной специальностью считает науку о начале человеческой истории и в первую очередь палеopsихологию (129, 25).

Б.Ф.Поршнев высоко оценивает работы В.И.Кочетковой, полагая, что в мировой науке по мастерству и научной надежности реконструкции макроморфологии мозга на основании эндокранов (внутренней полости мозговой части черепа) ей принадлежит первое место. В то же время он считает, что В.И.Кочеткова была превосходным морфологом, но совсем не психологом. В частности объективные результаты ее выдающихся работ не могут быть совмещены с ее приверженностью к схеме, согласно которой "исходным пунктом развития специфически человеческих функций и структур мозга является бурное развитие задних областей коры и координации расположенных здесь анализаторов", ибо "как бы ни разрослась эта затылочно-теменно-височная часть мозга, ведающая его сенсорными функциями, без резкого поднятия ввысь лобной доли о человеке и его психике не может быть и речи" (129, 178).

Самым тщательным изучением эндокрана так называемого homo habilis, пишет Б.Ф.Поршнев, "В.И.Кочеткова была приведена к неоспоримому выводу, что его мозг ничем существенным не отличается от мозга австралопитеков, не имевших никаких орудий". Мозг следующего эволюционного звена - архантропов - "тоже не содержит отделов, специфических и неотъемлемых для нашей речевой деятельности, ...хотя объ-

ем его увеличился; некоторые области и поля разрослись сравнительно с мозгом высших обезьян и австралопитеков". У палеоантропов (неандертальцев) эти изменения строения мозга пошли значительно дальше, "но и у них недостает развитой верхней лобной доли, именно того, что у человека осуществляет речевое регулирование и программирование деятельности, т.е. прежде всего его трудовые действия. В частности у них интенсивно росла зрительно-обонятельная, затылочная область мозга, которая у человека, т.е. у *homo sapiens*, снова сокращается настолько, что теряет весь относительный прирост, накопленный за время эволюции предковых форм" (129, 178-179).

Вывод Б.Ф.Поршнева следующий. В эволюции головного мозга "бурный скачок роста префронтального отдела вверх, а тем самым и всей верхней лобной доли, обнаруживается только при переходе от палеоантропов к неантропам. Только на этом филогенетическом рубеже на смену относительно низкому черепному своду появляется наш высоко поднятый. Он и свидетельствует о появлении слова как фактора управления поведением" (129, 407).

Как нам представляется, Б.Ф.Поршневу прав в том, что только в отношении *homo sapiens* можно с уверенностью утверждать о наличии у него языка и мышления. Однако это положение не исключает того, что в эпоху первобытного стада шел процесс формирования речевой деятельности и, следовательно, психики человека. Имеются попытки выстроить стадии этого развития. Мустьерские гоминиды, полагает В.В.Бунак, "должны были располагать значительным числом слов и разнообразных артикуляций речевых органов" (7, 547). Вполне возможно, что так оно и было на самом деле. Но столь же верно и другое, что формирующиеся речь и мышление, проблески сознания в полной мере были интегрированы в жизнь первобытного стада и в хранении и преобразовании информации в эту эпоху еще не играли существенной роли.

Итак, к культурным достижениям эпохи первобытного стада можно отнести следующее: а) переход к использованию каменных орудий труда и их последующее совершенствование вплоть до создания специализированных орудий для мужского и женского труда; б) развитие физической организации субъекта социальной деятельности; в) создание культуры огня; г) развитие и углубление половозрастного разделения труда; д) зарождение знаковых культурных систем хранения и передачи информации.

* * *

Каждой исторически определенной форме сотрудничества людей, свойствен и специфический, присущий только ей механизм социальной регуляции, своеобразие которого неразрывно связано с достигнутой степенью в развитии культуры. Способ управления в то же самое время самым существенным образом характеризует каждую исторически конкретную систему общественных отношений.

Каким же был механизм регуляции, свойственный общественным отношениям эпохи первобытного стада?

Изучение проблемы, позволяет сделать вывод, что решающая роль в упорядочении общественной жизни в эту эпоху принадлежит механизму обычаев и традиций. При таком способе управления каждое новое поколение людей ориентировано на воспроизведение в неизменном виде порядка жизни предыдущих поколений. Вследствие этого в качестве планов и программ будущей жизни здесь выступают сами традиционные формы деятельности и общественных отношений, воспроизводимые в неизменном виде в течение длительных периодов в истории общества.

Как показывают современные исследования, чем дальше мы заходим в глубь истории, чем больше удаляемся от современного состояния общества, тем более могущественным оказывается этот своеобразный механизм управления социальными процессами. Малейшее отступление от освященного веками способа социальной жизнедеятельности на первоначальных этапах исторического развития строго карается.

Важно иметь в виду, что обычаи и традиции, представляя собой разнообразные стереотипные формы социальной жизнедеятельности, способствующие выживанию первобытной группы людей, в то же время являются исторически первым, специфически социальным способом накопления и хранения социальной информации. Последняя накапливается в обычаях и традициях поскольку первоначально помимо орудий труда и традиционных действий с ними, передаваемых от поколения к поколению, не было иных средств для хранения социального опыта.

Именно повторение, регулярное воспроизведение действий и операций превращает их в обычаи и традиции и тем самым в своеобразный способ хранения информации и образец для подражания. Повторяющаяся деятельность вследствие этого становится стереотипом поведения, актуально существующим социальным опытом.

Социальная память первоначально складывается из простого накопления целостных узлов социальной деятельности, стандартных отрезков "живого" опыта, "окаменелостей" поведения, в которых, вследствие неразвитости и нерасчлененности, социальной жизни еще не выделяются субъект, объект, цели, средства деятельности. При таком способе хранения информации в силу слитности элементов первобытного комплекса социальности существенное изменение и преобразование наследственного фонда информации означало одновременно и перестройку физической организации субъекта социальной деятельности.

Аккумулируемая в обычаях и традициях информация, воспроизводилась и передавалась другим поколениям только вместе с актуализацией самой традиционной деятельности. "В традиционном поведении его "способ" или принцип, - отмечает Ю. А. Левада, - существует только в самом акте поведения (скажем в трудовом процессе), не существует особого рода действий, специально служащих для обозначения такого способа. В этих условиях информация о способе деятельности (передающаяся по каналам общения от поколения к поколению) накапливается в самом процессе материальной деятельности и вместе с ним воспроизводится" (94, 109).

Трансляция накопленного социального опыта во времени, усвоение его, в сущности сводится к заимствованию подрастающим поколением посредством имитации (подражания) традиционных форм и способов деятельности. "Сохранение и трансляция огромного количества наследственной информации, притом непереработанной, "сырой", т.е. целостных отрезков прошлой деятельности, представляет собой основную культурную функцию "примитивных" общественных организмов" (94, 112)

Для эпохи первобытного человеческого стада весьма заметна пресвалирующая роль в процессах управления филогенетического социального опыта, выраженного в обычаях и традициях, при незначительной роли специализированных информационно-структур и

формирующихся на их основе элементов психики человека. "Специальные языковые (знаковые) системы крайне бедны содержанием и не играют самостоятельной роли. Слова имеют значение только в конкретной ситуации и именно целостные ситуации выступают значащим элементом в процессе общения. Две внешне противоположные, а по существу обуславливающие друг друга черты этой структуры обращают на себя внимание: конкретность языкового выражения и многозначность его в соответствии с ситуацией" (94, 110).

В стадии становления в эту эпоху находятся также психика человека. На этой ступени культурной эволюции индивидуальная, ненаследуемая память, приобретаемая в результате обучения развита слабо. Отсутствуют средства фиксации и трансляции во времени приобретений и своеобразия индивидуального опыта, кроме самого повторяющегося поведения индивидов. Вследствие этого роль отдельного человека в переработке информации является незначительной. Общественные требования, выраженные в социальной памяти, предстают перед отдельным человеком в виде обычаев, традиций, в форме безусловных несознаваемых запретов, социальных табу. Выбор действия (принятия решения) в проблематичной ситуации не сопровождается борьбой мотивов и по существу носит автоматический характер. В зависимости от ситуации реализуется та или иная форма унаследованного поведения. "В традиционном обществе, - заключает Ю.А.Левада, - человек - раб традиции, которой он не может не следовать, которую он не в силах изменить, и которую он не может и не обязан осознавать" (94, 98).

Вышеизложенное можно резюмировать в следующей схеме традиционного механизма управления. На основе определенного уровня культуры социальная группа накапливает систему обычаев и традиций, направляющих ее жизнь. Накопленная информация передается вступающим в жизнь поколениям. Усвоение индивидами этой информации в ходе онтогенетического развития выступает в качестве канала прямой связи. Приобретенная информация используется затем в качестве программ в практической деятельности и в отношениях людей. На этапе обратной связи происходит сравнение актуализированных действий и взаимоотношений с традиционными их образцами. При их рассогласовании следуют соответствующие санкции. Традиционное управление по существу носит бессознательный

характер. Здесь отсутствует необходимость в сознательно вырабатываемых целях и программах. Последние налично и содержатся в обычаях и традициях.

Традиционное управление крайне консервативно. Изменения в частности оно рассматривает как подрыв уклада жизни в целом. Вследствие этого затруднено изменение наследственного фонда информации.

В условиях традиционного управления от индивидов не требуется осознание программ социальной жизни, закрепленных в обычаях и традициях. Необходимо лишь неукоснительное следование установленному "предками" порядку жизни. В силу этого в своей первоначальной примитивной форме управление посредством обычаев и традиций напоминает механизм биологического инстинктивного программирования, с той лишь разницей, что генетический код "записан" внутри живого организма на молекулярном уровне, а программа жизнедеятельности первобытной социальной общности зафиксирована в обычаях и традициях, то есть посредством культурных средств. Общество первоначально как бы заимствует у животного мира присущий ему принцип бессознательного управления, но с качественно иным, внегенетическим способом хранения и передачи информации. С этим отличием связана решающая роль процессов научения в человеческом обществе, которые в животном мире имеют второстепенное значение. Ибо для информации, которая начинает накапливаться во внешних для живого организма традиционных способах социальной жизнедеятельности, генетический способ ее трансляции оказывается невозможным.

В развитии управления как объективного свойства высокоорганизованных систем возникновение традиционного механизма регулирования означало переломный рубеж. В нем как бы заложена возможность снятия лимитов и ограничений, которые налагались биологическим механизмом на способы хранения, преобразования и передачи информации. Традиционные регуляторы стоят у начала истории, представляя собой ту клеточку, из которой развились все последующие механизмы социального программирования.

Итак, в эпоху первобытного стада сформировалась исторически первая форма социального управления, которой свойственны следующие черты.

1. Социальный опыт накапливается и хранится в обычаях и традициях и воспроизводится в неизменном виде от поколения к поколению в единстве с примитивными орудиями труда и формирующимся субъектом общественной деятельности. В эту эпоху практически отсутствуют или находятся в стадии становления специальные "языковые" информационные структуры, предназначенные для аккумуляции и хранения социальной информации.

2. Усвоение каждым новым поколением зафиксированной в обычаях и традициях информации осуществляется главным образом путем имитации (подражания), поскольку еще не сформировались иные более эффективные механизмы передачи накопленного опыта новым поколениям.

3. Свособразие традиционного регулирования находит выражение также в незначительной роли индивидуальной человеческой психики в накоплении и преобразовании социальной информации в связи со слабым уровнем ее развития в этот период.

4. Коренная перестройка основного содержания социальной памяти осуществляется путем смены старого традиционного комплекса социальности новым, более прогрессивным. При этом приобретение и распространение новых обычаев и традиций, в силу слитности и нерасчлененности первобытной социальной деятельности, одновременно означает и возникновение более прогрессивного типа физической организации человека и переход к использованию более совершенных орудий труда.

Традиционное управление выступает в качестве исходного способа социальной регуляции, который в существенно модифицированном виде воспроизводится в качестве структурного элемента всех последующих более сложных исторических форм социального управления.

* * *

Второй крупный этап в эволюции первобытного общества представляет собой начальный период в развитии культуры *homo sapiens* и одновременно является эпохой становления, расцвета и упадка родовой общины.

Заселение земли *homo sapiens*, как полагают исследователи, произошло около 40 тысяч лет тому назад. С его появлением связывают второй крупный скачок в развитии первобытной культуры и самого человека. Качественный сдвиг выглядит тем более разительным, если принять во внимание, что, "сопоставляя начало позднего палеолита с мустье, мы тем самым сравниваем зачаток культуры современного человека с расцветом, достигнутым неандертальцем в зените его культуры. ...Значение нового физиологического уровня человеческого мозга показала лишь вся последующая деятельность человека" (5, 332). Существенное ускорение культурного развития, которое произошло после появления *homo sapiens*, многие исследователи уподобляют взрыву.

Роль человека разумного в развитии первобытной культуры противоречива. С одной стороны, он является "правопреемником" всех ее предшествующих форм. С ним она достигает своей зрелости и расцвета. С другой стороны, с ним же связано ее разрушение и преодоление, восхождение на новую ступень культурного и социального прогресса. В силу этого и сама первобытная культура *homo sapiens* противоречива, двойственна. Она с самого начала содержит в себе элементы, которые в последующем позволят самым радикальным образом изменить традиционный уклад общественной жизни.

В отличие от неандертальца, который еще не умел создавать синтетических конструкций и действовал преимущественно путем деструктивных операций - откалывания, разламывания, дробления, расчленения, *homo sapiens* уже в позднем палеолите научился создавать сложные составные орудия труда, существенно увеличил их количество и ассортимент, научился строить крупные благоустроенные жилища. "В своих рисунках он воспроизводил образы прошлого; в инструментах, изготовленных для последующей выделки орудий,

он как бы овладевал своим будущим; в составных предметах, складывая сложные конструкции, он управлял связями между целым и частями. Не имеется ни одного доказательства того, что неандерталец обладал указанными способностями в такой же степени, как его потомок" (5, 329).

В области социальной с появлением homo sapiens был совершен переход от первобытного стада к родовой организации. Значение родовой организации многие исследователи связывают с подчинением социальному контролю половых инстинктов. Среди разнообразных табу, регулирующих в роде отношения между полами, наиболее важной является экзогамия. Суть последней заключается в требовании вступать в брак вне данной социальной группы. Обратной стороной экзогамии является агамия, то есть абсолютный запрет всех половых (как брачных, так и внебрачных) отношений между членами определенной группы. Экзогамия - следствие действия в группе агамных запретов. Именно в агамии, полагает Ю.И.Семенов, а не в наличии общего предка заключается сущность рода. "Род может не иметь предка, и ранний первоначальный род его не имел. Но без агамии рода нет и быть не может... Агамный запрет был единственной нормой поведения, нарушение которой каралось смертью. Убийство сородича, как правило, прощалось, нарушение агамного запрета - никогда" (3, 42).

Охота, рыболовство, собирательство, зачатки ремесленного производства - таковы основные виды занятий в родовой общине. Взрослые мужчины занимались охотой и рыболовством, женщины и дети - собирательством, умудренные опытом старики - изготовлением орудий. Род являлся одновременно и хозяйственной, и социальной организацией. Единственным собственником всего того, что создавалось в общине, являлся родовой коллектив в целом. Полная собственность рода на продукты питания выражалась в "распределении пищи между всеми его членами причем совершенно независимо от того, участвовали они в ее добывании или нет" (3, 40). Такое распределение обычно характеризуется как уравнительное. Однако, как отмечают исследователи, оно не предполагает с необходимостью разделения созданного продукта поровну между всеми членами коллектива. "Суть такого распределения заключалась в том, что каждый член общины имел право на часть созданного в нем продукта

исключительно лишь в силу своей принадлежности к нему" (3, 41). Фактически же учитывались различия в потребностях по полу и возрасту, а в чрезвычайных обстоятельствах последние куски пищи отдавались трудоспособным, в то время как их иждивенцы оставались голодными.

Раннепервобытная община получала, как правило, лишь жизнеобеспечивающий и только как исключение избыточный продукт. Поэтому без коллективистских уравнилельных отношений она просто не смогла бы выжить. Иная ситуация складывалась там, где первобытный коллектив мог получать не только жизнеобеспечивающий, но и избыточный продукт. "В этих случаях, наряду с уравнилельным, или равнообеспечивающим, распределением, возникало также и трудовой распределение, то есть получение продукта в соответствии с затраченным трудом" (8, 185). А вместе с избыточным продуктом и трудовым распределением зарождались обменные отношения.

При раскопке памятников культуры верхнего палеолита исследователи обнаруживают явные следы наличия у *homo sapiens* специфических форм духовной жизни. "В позднем палеолите, - отмечают Я.Я.Рогинский, М.Г.Левин, - появляются сделанные рукой нового человека изображения животных на стенах пещер, на орудиях и других изделиях. Эти изображения изумляют своим реализмом и свидетельствуют о необычайной точности воспроизведения виденных ранее объектов по памяти" (5, 328).

Первобытный период культуры *homo sapiens* - это эпоха интенсивного развития ранних форм устного языка и, следовательно, становления специфических форм общественного и индивидуального сознания.

Можно выделить следующие аспекты формирующейся в эту эпоху "сознательности" людей: а) накопление в языке, словах и их сочетаниях системы коллективных представлений; б) использование слов и их значений в качестве приказов, просьб, сообщений в межиндивидуальном общении; в) интериоризация систематически актуализируемых в языке знаний, т.е. формирование внутренней речи и самосознания. Таким образом, в начальный период культуры *homo sapiens* шли процессы и образования специальной знаковой системы для накопления и хранения социальной информации, и формирования высших психических функций человека. Соответственно проис-

ходило и формирование специфического механизма социальной регуляции, связанного с использованием языка и возможностей человеческой психики.

Как не малочислен род, включавший в среднем 25-30 человек, все же разделение труда как в сфере материальной, так и духовной в нем уже имело место. Каждый вид деятельности требовал определенных знаний, навыков и умений. Все это говорит о том, что развитие языка, мышления, воли в эпоху родовой общины было весьма значительным. В родовой общине уже заметно обособление духовной деятельности, которое выражается в отправлении женщинами жреческих функций, систематическом проведении воспитательных мероприятий с молодым поколением, осуществлении функций лидерства на охоте и в организации повседневной жизни родовой общины.

Изложенное выше позволяет сделать вывод, что в случае первоначальной стадии в развитии *homo sapiens* мы имеем дело с особым этапом в развитии первобытной культуры, которая существенно отличается от культуры эпохи первобытного стада. В этой связи напомним, что развитие традиционного комплекса социальности в эпоху первобытного стада существенно лимитировалось свойствами физической организации человека: уровнем развития прямохождения, набором возможных положений руки, возможностями головного мозга для накопления и использования социальной информации. Здесь прогресс в технике выделывания орудий труда сопровождался изменением морфофизиологической организации человека. Поэтому каждый новый рубеж в развитии социокультурной реальности означал в известной мере и снятие биологических лимитов, и закрепление в морфофизиологической структуре гоминид достигнутых результатов общественного развития. Только с возникновением *homo sapiens* произошла по существу полная эмансипация социокультурного развития от физической организации человека. Преодоление биологических лимитов позволило *homo sapiens* достичь такого уровня развития специализированных информационных структур и изобрести такие формы взаимосвязанного использования социального и индивидуального опыта, при которых он получил по существу безграничные возможности для совершенствования техники и общественных структур при сохранении практически в неизменном виде своей био-

логической природы. "Очевидно, - отмечают в связи с этим Я.Я.Рогинский и М.Г.Левин, - что между современным и неандертальским человеком проходит важная граница. По ту сторону границы, т.е. у сформировавшегося человека, его трудовая деятельность имела теснейшее отношение к его морфологической эволюции. По эту сторону границы, т.е. у современного "готового" человека, его трудовая деятельность протекает без всякого отношения к его морфологическому прогрессу" (5, 333).

И поразительные качественные сдвиги в развитии первобытной культуры *homo sapiens*, и существенное ускорение социально-экономического развития в сравнении с эпохой первобытного человеческого стада, находит объяснение в том, что на рубеже между мустьерской и ориньяжской эпохами, разделяющими палеоантропов и неолит, человечество пережило первую информационную революцию, выразившуюся в становлении языка (как специфической культурной системы, предназначенной для накопления, хранения и преобразования информации) и формированием в связи с этим высших психических функций отдельного человека, т.е. речи, сознания, мышления и воли индивидов. В этой связи в эпоху первобытной культуры *homo sapiens* над традиционным способом социального управления начинает надстраиваться другой, связанный с созданием специализированных (языковых) информационных структур и использованием высших психических функций человека.

Как и в период первобытного стада, в эпоху родовой общины господствующим остается традиционный механизм социального управления. Как отмечают исследователи, изучение "этнографического материала по австралийцам, тасманийцам, попуасам, бушменам и многим другим отсталым народам показывает, что сила обычаев и племенных традиций, регулирующих жизнь и поведение человека, очень велика; они касаются всех сторон жизни - правил участия в производительной деятельности и раздела добычи, брачных порядков, взаимоотношения полов, повиновения старшим, междообщинных отношений и пр. Человек может восстать против обычая во имя личной склонности, симпатии или антипатии, такие случаи засвидетельствованы. Но в возникающем неизбежно конфликте победа всегда остается за коллективом и за ограждающим

интересы коллектива обычаем. Любой протест против обычая обречен на неудачу" (11, 516).

Вместе с тем функционирование традиционного регулятора существенно модифицируется в сравнении с эпохой первобытного стада. Обычаи и традиции начинают выражаться в языке и осознаваться индивидами. Выделяется прослойка авторитетных людей, как правило, старших по возрасту и вследствие этого умудренных опытом, являющихся хранителями накопленных родовой общиной обычаев, традиций, умений, знаний. На этой почве формируется и получает развитие нетрадиционный способ социального управления, базирующийся на использовании языка, сознания, мышления и воли индивидов. Такое управление носит сознательный и властный характер. Оно возникает в связи с революцией в средствах накопления, преобразования и передачи социальной информации, происшедшей на рубеже между мустьерской и ориньякской эпохами и базируется на использовании языка в качестве специфической информационной структуры и психических способностей людей, развившихся в ходе социокультурного процесса.

В связи с развитием культуры родовой общины, зарождением и становлением опосредованных форм общественных связей (господства-подчинения, обменных) происходит постепенное развитие различных видов нетрадиционного регулирования. В эпоху родового строя новые регуляторы занимают подчиненное положение по отношению к традиционному способу социального управления. Но с каждым крупным достижением в развитии культуры *homo sapiens* возрастает их роль, что в свою очередь приближает качественные сдвиги в регулятивной системе общества.

Глава II

Генезис социального управления

Любое управление есть процесс использования информации. И поэтому, если ставится задача рассмотреть происхождение определенной формы управления, то это предполагает исследование возникновения характерных для данного вида управления механизмов использования информации. Для социального управления - это прежде всего процесс возникновения надбиологических, культурных способов накопления, хранения, преобразования и передачи информации, которые сформировались в ходе антропосоциогенеза и благодаря которым были сняты лимиты и ограничения использования информации в биологических системах.

С постановкой проблемы происхождения социального управления мы вступаем в область исследований антропосоциогенеза. К важнейшим составляющим этого процесса (антропо-социогенеза) относятся: а) возникновение свойственного человеку орудийного взаимодействия со средой; б) генезис небιологических, культурных механизмов программирования общественной жизни; в) антропогенез (формирование свойственных человеку свойств); г) социогенез (возникновение общественных отношений). Генезис социального управления является одной из важнейших сторон антропосоциогенеза. Его содержанием является формирование культурных механизмов программирования человеческой деятельности.

Важно избежать ошибочной постановки проблемы о генезисе специфически социальных способов хранения и использования информации. И.Л. Андреев, к примеру, правильно отмечает, что сознание выступает специфически общественной надбиологической формой накопления и передачи информации. Однако он ошибается, когда полагает, что внегенетическая система социального наследования сложилась благодаря сознанию (9, 139). Как раз напротив. Именно сознание возникает благодаря внебиологическим, культурным способам накопления и передачи информации, а не наоборот. Язык, сознание, мышление - это лишь модификации более фундаментальных особенностей, отличающих использование информации в обществе в сравнении с аналогичными процессами в живой природе.

де. И возникают они, не одновременно с орудийной деятельностью, программируемой посредством обычаев и традиций, а на много тысячелетий позднее. Между ставшей орудийной деятельностью, с характерным для нее культурным механизмом программирования в виде обычаев и традиций и появлением языка, сознания, мышления, как свидетельствует палеоантропологический материал, перерыв примерно в 1,5 млн. лет. Так что в истории первобытного общества был период, когда человек создавал, наследовал, применял орудия труда, но не обладал ни языком, ни сознанием, ни мышлением.

Выше отмечалось, что имевшая место в науке общая классификация деятельности на инстинктивную (животных) и разумную (человеческую) нуждается в уточнении. Родовой и исторически первой для человека является деятельность, связанная с научением. Разумная же сознательная деятельность "является высшей формой активности живых систем, основанной на научении" (103, 125). От инстинктивного программирования к сознанию и мысли нет прямого, без посредствующих звеньев, пути. Если бы информация, используемая человеком для программирования своей деятельности, накапливалась у него, как у животных, внутри организма и кодировалась бы посредством молекул, то не могли бы возникнуть ни язык, ни сознание, ни абстрактно-логическое мышление. Первоначально необходимо было вынести процессы хранения информации с молекулярного уровня за пределы организма, начать ее накапливать при помощи культурных средств (орудий труда, обычаев, табу и т.д.) и лишь на базе функционирования последних в течение достаточно длительного периода возникают язык и сознание. В течении всего этого периода деятельность человека, хотя и являлась по преимуществу бессознательной, но программировалась культурными средствами, характерными для человека.

Аккумуляция информации посредством иных, надбиологических, культурных механизмов, их данность в качестве внешнего, обособленного по отношению к человеку, объекта - необходимое условие для возникновения языка, а тем самым сознания и мышления. Непосредственный переход от инстинктивного к осознанному программированию без предварительного накопления социального опыта в средствах культуры невозможен. Отсюда следует, что вначале необходимо объяснить возникновение культурных способов про-

граммирования в виде обычаев и традиций, и лишь затем с учетом этой первичной информационной структуры для хранения и передачи социального опыта рассматривать генезис языка, сознания, мышления.

Известно, что процесс порождения новой системы начинается задолго до ее появления в действительности и корнями своими уходит в жизнь исторически предшествующих форм. Именно в последних при определенных условиях возникают и развиваются элементы, которые впоследствии выступают в качестве предпосылок нового системного образования. Когда предпосылки достигают зрелости, начинается эпоха структурных изменений, представляющая собой период перехода к новой системе. Генезис завершается возникновением исторически первой формы бытия новой системы. По мнению А.Н.Аверьянова, процесс порождения нового образования можно подразделить на два этапа: 1) скрытый, когда в недрах старого появляются новые элементы, происходит их количественный рост и 2) явный, когда новые элементы в процессе борьбы со старым берут верх и тем самым радикально преобразуют существовавшую до этого структуру, т.е. способ связи элементов в единое целое (3, 70).

Исследование генезиса какой-либо системы должно сочетаться с рассмотрением этой системы в ее развитом состоянии. Анатомия человека, как известно, ключ к анатомии обезьяны. Благодаря такому подходу обнаруживаются намеки, истоки, предпосылки новой системы в рамках старой формы, которые сами по себе еще не выражают специфики возникающего системного образования.

При изучении какого-либо явления для исследователя принципиальное значение приобретает более строгое и точное фиксирование характерных особенностей каждой из систем (старой и возникающей новой), их отличий друг от друга. Ибо только в том случае, когда это сделано более или менее удовлетворительно, можно приступить к поиску предпосылок высшего в пределах предшествующего типа организации. В противном случае установление предпосылок становится проблематичным, ибо отсутствует необходимая подготовительная работа для данного этапа генетического исследования.

Применительно к нашей проблеме это означает, что знание атрибутивных, родовых характеристик человеческой деятельности и соци-

ального управления является необходимым условием для обнаружения их предпосылок в рамках биологического типа организации жизни. При этом, как отмечено выше, важно проводить различие между атрибутивными (родовыми) характеристиками деятельности человека и социальной регуляцией, присущими им всегда, и видовыми, свойственными им лишь на определенных этапах развития. Напомним в связи с этим, что человеческой деятельности присущи специфически социальные, надбиологические средства и механизмы хранения, передачи и преобразования информации. Во-первых, в отличие от животных, для которых характерно инстинктивное программирование и хранение информации внутри организмов на молекулярном уровне, человек нашел иной способ хранения своей "видовой" информации - за пределами своего организма, посредством культурных механизмов. Во-вторых, если передача видовой информации у животных происходит путем размножения, то трансляция социального опыта новым поколениям осуществляется посредством разнообразных форм научения. Обычай и традиции, к примеру, выступают в качестве исторически первой формы накопления, хранения и передачи общественного опыта, а тем самым и социального управления. В связи с этим было бы ошибкой в качестве предпосылок трудовой деятельности человека рассматривать "инстинктивный труд" животных. Данный тезис вполне заслуженно был подвергнут критике. "Прежде всего, - пишет в связи с этим Э.С.Маркарян, - само понятие "инстинктивный труд" противоречиво в своем основании. Как бы мы различно ни понимали понятие инстинкт, ... за ним закреплена вполне определенная смысловая нагрузка. В любом случае под инстинктом понимается врожденные, наследственно запрограммированные формы деятельности. Что касается понятия "труд", то опять-таки, как бы различно данное понятие ни понималось, оно призвано выразить формы деятельности, основанные на научении. Понятие "труд" выражает тем самым не врожденные, а приобретенные модели деятельности. Если в этой связи искать непосредственные предпосылки труда в животной деятельности, то их нужно усматривать не во врожденных видах деятельности животных, какой бы сложный характер они ни носили, а тех видах животной деятельности, которые базируются на научении и передаче внегенетически приобретенного, индивидуального опыта. (103, 104-105). И именно этот весьма существенный момент упускают из виду те авторы, которые рассматривают инстинктивную орудийную деятель-

ность животных в качестве предпосылок трудовой деятельности человека.

Чтобы выявить предпосылки социального управления в биологическом программировании, важно различать два рода деятельности животных: деятельность инстинктивную, врожденную, в основном одинаковую у особей определенного вида животных, и деятельность, связанную с фиксацией и хранением прижизненно полученного опыта, передачей его другим особям и тем самым превращением его в групповой опыт.

Если для человека характерно не врожденное программирование, а основанное на научении, то, следовательно, и предпосылки социального управления в мире биоэволюции следует усматривать в тех формах деятельности животных, которые строятся на основе прижизненно приобретаемого опыта и передачи этого опыта внегенетическим путем.

Накопленный современной наукой материал безусловно свидетельствует о наличии в мире живой природы элементов внегенетического поведения животных, которые существенным образом отличаются от инстинктивного программирования их деятельности. Истоки социального управления коренятся именно в этом роде деятельности, связанного с возникновением и развитием в биологическом мире средств фиксации, преобразования и передачи опыта, полученного в процессе индивидуального приспособления к среде.

Так как культурное программирование в жизни людей играет решающую роль (в сравнении с использованием врожденных программ), то в свете этого факта можно сказать, что возникновение первых форм такого управления у высших животных по сути означало появление элементов, отличающих биологический регулятивный механизм от самого себя. Здесь есть как бы тождество биологического регулятивного механизма с собой, но тождество диалектическое, конкретное, предполагающее отличие его от самого себя. И, следовательно, с возникновением внегенетически программируемой деятельности животных, существенно отличающейся от деятельности, направляемой врожденными видовыми программами, связаны наиболее глубокие истоки социального управления в мире живой природы.

Выше отмечалось, что в биоэволюции заметно выделяются два направления. Это, во-первых, сообщества насекомых (пчелы, термиты, муравьи) с их сложной высококодифференцированной структурой, и, во-вторых, стадная жизнь приматов. Первое в определенном отношении можно рассматривать как тупиковое направление биоэволюции. Природа здесь как бы попыталась создать "общественную жизнь" при помощи жестко-инстинктивного программирования. Поведение, связанное с опытом, приобретаемым посредством научения, здесь почти полностью элиминировано.

Другое направление биоэволюции связано с развитием у позвоночных и особенно млекопитающих способности трансформировать индивидуальный опыт в стадный, а также использовать стадный опыт в индивидуальном приспособительном поведении. "Приматы, в первую очередь высшие, относятся именно к числу тех групп животных, у которых способность не только к научению, но и к аккумуляции прижизненно приобретенного опыта проявляются на уровне стада наиболее полно, несмотря на наличие рамок и лимитов, которые накладывает на них биологический тип организации" (104, 16). Современные исследования показывают, что в сообществе гоминиоидных приматов приобретаемый опыт откладывается "уже не в форме "видового знания", а в форме общественных традиций" (159, 300). От биологических механизмов хранения и передачи информации этот способ отличается тем, что здесь стадный опыт "записывается" не внутри организмов, а за его пределами, при помощи иных, по существу, небологических средств. В то время как биологический механизм уже исчерпал возможности своего развития, новый стоит у начала своей эволюции, представляя ту клеточку, из которой развились разнообразные способы социальной регуляции.

Способом фиксации внегенетической информации (т.е. приобретаемой в ходе онтогенетического обучения) является само поведение особи, имеющее приспособительный характер, и вследствие этого регулярно воспроизводимое в определенных ситуациях. А каналом, служащим для передачи индивидуального приспособительного опыта другим особям и тем самым превращения его в стадный опыт, является заимствование соответствующих образцов поведения путем подражания.

Приведем пример превращения индивидуального опыта в стадный, полученный японскими исследователями в результате экспериментов и наблюдений за живущими в заповеднике макаками. "Давая макакам клубни сладкого картофеля, исследователи зафиксировали следующие факты. Одна из самок, вместо того, чтобы оттереть клубень от песка лапами, как обычно делалось в стаде, вымыла его в ручье. Через 9 лет в стаде так поступали уже 70% обезьян и 90% тех, кто родился после появления этого обычая. Другая молодая обезьяна пошла, по всей видимости случайно, к морю, а не к ручью, и вымыла клубень картофеля в соленой воде. Привкус соли понравился ей, и она стала поступать так постоянно. Вслед за ней это стали делать и другие члены стада. Как выяснилось, сначала новые привычки появились у молодняка, который передавал их своим матерям. Животные же, родившиеся после возникновения нового обычая, перенимали его от своих матерей" (104, 161).

Появившаяся новая приспособительная деятельность направляется уже не врожденными программами, а опытом, зафиксированном в обычаях стада. Процесс этот протекает по следующей схеме: возникновение и закрепление приспособительного поведения отдельной особи в виде регулярно воспроизводимых действий в определенной ситуации; заимствование путем подражания индивидуального приобретенного опыта другими животными и тем самым превращения его сначала в групповой, а затем в стадный; использование стадного опыта живущими и рождающимися поколениями животных. Здесь хорошо видно, что новый механизм программирования неразрывно связан с новациями в самой приспособительной деятельности и отдельно от них сам по себе возникнуть не может.

В той или иной степени элементы внегенетического программирования обнаруживаются у высших приматов, в жизни которых они играют хотя и значительную, но все же второстепенную роль в сравнении с врожденно обусловленным поведением. Как полагают, ныне проживающие антропоиды, вследствие далеко зашедшей специализации, являются тупиковой ветвью биоэволюции в смысле возможностей дальнейшего развития. В их жизнедеятельности намеки на более высшее, с одной стороны, подверглись консервации, подавлению, с другой - превратились в необходимый элемент, пол-

ностью интегрированный в характерный для них биологический способ приспособления к среде.

Элементы внегенетического программирования в значительно более развитом виде были свойственны вымершим ископаемым человекообразным обезьянам - австралопитековым. Их орудийная деятельность направлялась посредством совокупности "стереотипных условнорефлекторных программ, автоматически запускаемых той ситуацией, в которой данная эмпирически найденная программа неоднократно приводила к достижению соответствующей конечной цели" (146, 156).

Вероятно, с австралопитековых берет начало период перехода к социальному управлению, в ходе которого происходили структурные изменения и способы программирования, характерные для человека, в единстве с соответствующими формами жизнедеятельности, все более упрочивали свое положение.

Выше отмечалось, что у высших приматов наблюдается хранение информации в способах, аналогичных обычаям и традициям, и формируется механизм передачи такого опыта путем подражания. Это как раз и есть то, что можно назвать предпосылками социального управления, формирующихся в пределах биологического способа программирования. Но необходимо, чтобы предпосылки превратились в решающий элемент нового регулятивного механизма и, напротив, специфически биологические элементы управления заняли в новой системе подчиненное положение. Процесс этот начинается с переходом к систематическому употреблению, изготовлению и наследованию орудий деятельности. У общественных животных, объединение которых включает в себя представителей различных поколений, наследование орудий труда не является проблемой. Отметим, что огромная роль принадлежит здесь естественному групповому отбору. Выживали те группы, в которых способности к манипулированию, изготовлению, наследованию орудий труда были более развиты чем у других. Вместе с орудием наследовался и способ манипулирования им, который вследствие систематического повторения в течение длительного времени превращался в традицию или обычай использования орудия труда в условиях совместной жизнедеятельности. В отличие от животных человек вынес процессы преобразования вещества, энергии за пределы собственного организма. Тем самым

он создал специфический, свойственный только ему, способ разрешения противоречия между собой и природой. Но тем самым он приобрел и специфический механизм объективирования своей "видовой" информации, ее фиксации, накопления и хранения. А вместе с наследованием орудий труда и традиционными способами их применения он изобрел специфически социальный способ трансляции своего опыта новым поколениям. Таким образом, радикальное изменение в способе взаимодействия со средой высших ископаемых обезьян положило начало не менее революционным сдвигам в информационном обеспечении их жизнедеятельности.

Как правило, исследователь в поисках отличительных особенностей человека ставит себя в заведомо выгодное положение, когда он начинает сравнивать деятельность ныне живущих антропоидов, представляющих собой тупиковую ветвь на много миллионов лет раньше свернувших с той дороги, которая ведет к человеку, и деятельность современных людей, изготавливающих и применяющих сложные орудия труда, пользующихся языком и другими знаковыми системами, обладающих уникальными психическими способностями. Зафиксировав эти бесспорно существующие различия, он полагает, что обнаружил особенности, отличающие человека от его обезьяноподобных предков. Однако не замечает, что зафиксировал не сами субстанциональные различия, а лишь наиболее развитые формы их проявления, которые довольно ярко выражены в жизнедеятельности ныне существующих антропоидов и современных людей, представляющих две крайние точки, между которыми на эволюционной лестнице располагается целый ряд посредствующих форм.

При более строгом подходе исследователь должен бы сравнивать исторически последнее стадо предлюдей и исторически первое человеческое стадо. Тогда бы он обнаружил, как об этом свидетельствуют данные современной науки, что как в том, так и другом случае имеют место все необходимые составляющие социокультурного комплекса. Как отмечает Э.С.Маркарян, "ни использование орудий, ни сложная специализация деятельности в сообществе, ни способность передавать из поколения в поколение внешнегенетически приобретенную информацию, ни целый ряд других черт, традиционно приписываемых человеку как его исключительное достояние сами по себе еще не отличают человека от животных, ибо они, как свидетель-

ствует исследовательская практика, могут иметь место "в пределах чисто биологического типа организации" (104, 49).

Но если это так, то в чем следует видеть различие между биологическим объединением высших животных и первобытным человеческим стадом? Такое различие заключается в закономерном способе связи форм жизнедеятельности в единое целостное образование. В рамках предшествующей системы элементы, которым принадлежит будущее, выступают в качестве намёков, предпосылок для высшей организации, то есть занимают подчиненное положение. В структуре же ставшей новой системы они играют решающую роль, выражая характер ее родовой активности. То, что было господствующим в старой системе, здесь также имеет место, но функционирует на положении подчиненных элементов, по отношению к основным структурным элементам, выражающим характер жизнедеятельности ставшей новой системы. Таким образом феномен "культурного" отличают не просто сами по себе специфические виды активности людей, а тип, структура, закономерный способ связи их в целостное образование. В философском отношении это означает, что сферу сущности какой-либо системы, составляет не просто само по себе содержание (совокупность элементов, из которых она состоит), а единство содержания и внутренней формы, то есть закономерного способа связи элементов в единое целое.

Итак, генезис социального управления, как отмечалось, включает в себя два этапа: а) период складывания предпосылок и б) переходный период, в ходе которого происходит восхождение к новому качественному состоянию. Социальное управление можно считать ставшим, когда завершаются структурные изменения, в ходе которых культурные механизмы накопления и использования информации занимают доминирующее положение по отношению к врожденным и генетически воспроизводимым информационным структурам. Первоначальная форма социального бытия, необходимыми моментами которой являются: изготовление и наследование орудий деятельности, программирование посредством обычаев и традиций, первобытные формы общественной связи, как бы надстраиваются над биологическим способом жизнедеятельности, не разрушая его совсем, а модифицируя вследствие возникших новообразований. Как исторически первому человеку, так и "последней обезьяне" были

свойственны как биологические, так и культурные формы жизнедеятельности, но у человека социальные формы жизнедеятельности играют решающую роль, в то время как в жизни предлюдей преобладает биологическая жизнедеятельность.

Орудийная деятельность и внегенетическое программирование посредством обычаев первоначально выступили в качестве форм приспособления высших обезьян к условиям их существования. В ходе биосоциального отбора жизнеспособными оказались лишь те сообщества, в которых были более развиты примитивные формы этой жизнедеятельности. Произошедшие структурные изменения не сразу превратили такого рода коллективный опыт в осознаваемую социальную информацию. Первоначально средством накопления и хранения социального опыта была сама повторяющаяся деятельность людей, поскольку иных средств для хранения человеческой информации не было. И лишь "на известном уровне дальнейшего развития ...люди дают отдельные названия целым классам предметов, которые они уже отличали на опыте от остального внешнего мира... Но это словесное наименование лишь выразит в виде представления то, что повторяющаяся деятельность превратила в опыт" (106, 19, 377).

РАЗДЕЛ III.

ЦИВИЛИЗАЦИЯ И СОЦИАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

ГЛАВА I. Цивилизация как особая эпоха культурной эволюции человечества

Цивилизация есть вторая, в известной мере сопоставимая с первобытностью, крупнейшая эпоха в развитии культуры homo sapiens. Эта эпоха включает в себя и наш современный мир. Поэтому учет своеобразия цивилизации позволяет акцентировать внимание на некоторых существенных аспектах систем управления, свойственных современному обществу.

В классической и современной литературе можно встретить самые различные подходы к раскрытию содержания понятия "цивилизация".

Согласно Н.А.Бердяеву, "цивилизация означает большую степень объективации и социализации, культура же более связана с личностью и духом. Культура означает обработку материала актом духа... Она более связана с творческим актом человека". Цивилизацией же "можно назвать такую эпоху, в которой преобладающее значение получают массы и техника" (17, 308). Недостаток этой точки зрения, на наш взгляд, заключается в чрезмерном противопоставлении культуры и цивилизации, в абсолютизации момента различия между этими понятиями.

Зигмунд Фрейд, исходивший из вполне приемлемой трактовки культуры (культура - это все то, чем жизнь человека возвысилась над жизнью его биологических предков в планах как взаимодействия с природой, так и отношений между людьми), все же пренебрегает различием между культурой и цивилизацией (180, 95). Отождествляет эти два понятия и Э.Тайлор (158). При таком подходе, напротив, абсолютизируется момент единства, тождества между культурой и цивилизацией. Как справедливо отмечается в литературе, термин "цивилизация", к примеру, неприменим для обозначения первобытной культуры. А это означает, что между ними есть различия.

Н.Я.Данилевский и О.Шпенглер понятием цивилизации обозначают завершающую фазу в цикле развития культурно- историче-

ского типа (по Данилевскому), самобытной локальной культуры (по Шпенглеру). При данном подходе сохраняется чрезмерное противопоставление цивилизации культуре. Цивилизация понимается лишь как завершающая фаза в развитии самобытной культуры. При этом данному феномену (цивилизации) свойственна ущербность. Она либо - растрата сил и ресурсов, накопленных самобытной культурой в предшествующий период (Данилевский), либо - ее старость, угасание, умирание (Шпенглер). Кроме того с этой точкой зрения связана абсолютизация многообразия и самобытности в культурном развитии народов и недооценка единства и преемственности в эволюции культуры человечества.

Кроме названных существует еще один подход, который рассматривает цивилизацию как качественно определенный этап в развитии культуры человечества, следующий за последней стадией в развитии первобытной культуры - эпохой варварства. Эта позиция вбирает в себя положительные моменты предшествующих точек зрения, т.е. сохраняет моменты как различия, так и тождества между культурой и цивилизацией, учитывает наличие как многообразия и самобытности, так и единства и преемственности в культурном развитии человечества. При таком подходе понятие культуры выступает в качестве родового для понятия цивилизации. Другими словами, цивилизация - это тоже и та же культура, но в иной период общественного развития. Цивилизация, по характеристике известного культуролога Э.С.Маркаряна, - "это этап в развитии культуры человечества, связанный с классобразованием, урбанизацией общества, возникновением письменности и государства" (103, 29-30). Внешними признаками цивилизации исследователи считают: наличие городов с населением более 5000 человек, письменности и монументальной архитектуры (107, 23).

Конечным основанием для разделения первобытного и цивилизованного периодов в развитии культуры является характер господствующей технологии деятельности людей. По мнению Г.С.Гудожника, от первобытного периода, для которого была характерна собирательная технология, цивилизация отличается господствующей ролью технологии преобразующей. "В эпоху до цивилизации, - пишет он, - преимущественное значение имело присвоение готовых продуктов природы, цивилизация же - это та ступень обще-

ственного развития, когда происходит овладение обработкой продуктов природы. В доцивилизованную эпоху господствовала собирательная общественно-производственная технология. Цивилизация развивает преобразующую общественно-производственную технологию" (53, 35). Однако в приведенном выше высказывании Г.С.Гудожника речь скорее идет об особенностях цивилизации, выделяемых с точки зрения господствующих в эту эпоху форм деятельности людей. Для первобытности действительно характерны присваивающие виды деятельности (охота, рыболовство, собирательство), в то время как цивилизация связана с производящим хозяйством. Что касается технологического переворота, то при переходе к цивилизации он также имел место. В отличие от традиционных технологий эпохи первобытности цивилизация развивает инновационные технологии, базирующиеся на использовании высших психических функций человека, его способностей к интеллектуальному творчеству. В цивилизованный период такая технология проходит ряд качественно определенных ступеней, начиная от инструментальной (ручной) и кончая информационно-компьютерной.

Переход от первобытности к цивилизации происходил в ходе грандиозных изменений в жизни людей в эпоху неолита, представлявших собой величайшую революцию в истории человечества. "Неолит, - отмечает в связи с этим Тейяр де Шарден, - период, игнорируемый учеными, изучающими предысторию, потому что он слишком близок к нам. Период, игнорируемый и историей, потому что его стадии не могут быть точно датированы. Однако это самый критический и величественнейший из всех периодов прошлого - период возникновения цивилизации" (130, 164).

Цивилизация является преемницей всех достижений первобытной эпохи. Но одновременно она представляет собой специфическую социокультурную ступень, несравненно более развитую и дифференцированную в сравнении с первобытной культурой, над которой она надстраивается и которую включает в себя в существенно преобразованном виде.

Революционные изменения в технологии и в структуре деятельности людей повлекли за собой лавинообразное порождение новых характерных для цивилизации элементов культуры, которые в

последующем в результате структурных изменений начали играть решающую роль в жизни общества.

Основой жизни первобытного общества являлось присваивающее хозяйство. Разделение труда здесь имело половозрастной, малодифференцированный характер. Для цивилизации, напротив, характерна производящая экономика и специализированная, разделенная на многие роды и виды, деятельность.

Следствием технологического переворота в Неолите явились коренные изменения в структуре жизнеобеспечения общества. Производящие виды деятельности (земледелие, животноводство, ремесло, а затем и промышленность) окончательно утверждаются в качестве основных видов занятий человека. Первоначально они возникают в условиях первобытности. В течение нескольких тысячелетий происходит их постепенное развитие, в ходе которого заметно возрастает их роль и значение. Затем в связи с появлением и распространением металлических орудий труда наступает радикальное преобразование структуры занятий. Решающая роль начинает принадлежать производящим формам. Присваивающие виды (охота, собирательство, рыболовство) не исчезают, но уже и не играют решающей роли в жизни общества.

Фундаментальным отличием цивилизации от первобытности, учет которого имеет принципиальное значение для исследования проблем социального управления, является обособление духовной сферы общественной жизни от материальной с последующим разделением труда в каждой из них.

Традиционная орудийная деятельность по преобразованию вещества, энергии, информации является той исходной основой, из которой в ходе последующего развития возникают все иные виды человеческой деятельности. Подобно тому как "скрытая в товаре внутренняя противоположность потребительной стоимости и стоимости выражается ... через внешнюю противоположность, т.е. через отношение двух товаров" (106, 23, 71), так и внутренняя противоположность вещественно-энергетической и информационной сторон в человеческой деятельности в наличном бытии общества в эпоху цивилизации выражается в существовании внешне обособленных и в то же время взаимосвязанных материальных и духовных сфер общественной жизни. Отметим, что обособившиеся виды деятельности

нельзя рассматривать в качестве "чисто" материальных или "чисто" духовных форм труда, ибо каждая внешне обособленная сторона содержит в себе самой свою собственную противоположность. Тем самым каждый вид деятельности является конкретной формой разрешения противоречия между материальной и духовной сторонами в жизни человека.

Как в сфере материальной, так и духовной имеет место дифференциация и выделение более специальных видов труда. Духовная жизнь общества подразделяется на светскую и религиозную. Относительно самостоятельными видами разделения труда становится деятельность в сфере политики, в области гражданского и военного управления. Приобретают профессиональный характер художественное творчество и философия.

Переход от первобытности к цивилизации связан с появлением большого количества избыточного продукта, быстрым ростом населения, возникновением новых форм поселения людей, формированием значительно более широких социокультурных общностей в сравнении с родоплеменными коллективами.

Важная роль в возникновении и последующем развитии цивилизации принадлежит городам, которые, являясь центрами промышленного производства, политической и духовной жизни, как бы в концентрированной, яркой и зримой форме выражают своеобразие цивилизации, ее отличие от первобытной культуры.

Переворот в технологии и структуре деятельности людей, лежащий в основании перехода от первобытной культуры к цивилизации, в конечном счете обусловил и революционное изменение общественных отношений.

В отличие от культуры родового общества, субъекты и элементы которого объединяются в единое целое посредством кровнородственных традиционных связей, цивилизация базируется на общественных отношениях, имеющих территориальный и опосредованный характер. Специфической особенностью структуры общественных отношений эпохи цивилизации является доминирование в ней опосредованных форм общественных связей. Этим цивилизация существенно отличается от первобытности, где преобладают различные виды непосредственных общественных отношений. Опосредованный характер общественные отношения приобретают в

связи с присущим цивилизации развитым разделением труда, обособлением друг от друга материальной и духовной сфер общественной жизни. Понятие опосредованности означает, что отношения людей, между которыми разделена деятельность, стали упорядочиваться при помощи исторически возникших, созданных при посредстве сознания и воли людей социальных институтов, норм и идеалов.

В связи с тем, что между людьми "вклиниваются" в качестве посредствующего звена функционирующие на основе сознания учреждения, нормы, ценности, иным становится механизм преобразования общественных отношений в сравнении с эпохой первобытности. Поскольку общественные отношения в первобытную эпоху выступали как обычаи и традиции, то механизм их смены предполагал стихийное формирование и распространение новых обычаев и традиций социальной жизнедеятельности, тем самым происходило изменение традиционных отношений. Но в эпоху цивилизации регулятивное начало приобрело относительно самостоятельное бытие в виде исторически возникших, созданных при посредстве сознания и функционирующих на основе сознания общественных институтов, социальных норм и идеалов. Вот почему в цивилизованный период несоответствие прежних общественных отношений новым культурно-историческим условиям, помимо потери эффективности производства, всегда выражается также и в несоответствии старой регулятивной системы новым реальностям. С этим связано и то обстоятельство, что в цивилизованный период при коренном преобразовании общественных отношений в качестве относительно самостоятельной выступает задача критики и замены регулятивной системы, служившей средством укрепления прежних общественных отношений. Революции в общественном сознании выступают прологом радикальной перестройки общественных отношений в ту или иную историческую эпоху.

Опосредованные формы общественной связи возникают в эпоху первобытности. Но там они играют подчиненную роль по отношению к непосредственным традиционным связям между людьми. Лишь в цивилизованный период опосредованные формы общественных отношений начинают играть решающую роль в сравнении с

неопосредованной традиционной связью, доминировавшей в эпоху первобытности.

С возникновением цивилизации существенно изменяется социально-экономическая природа общественных отношений. Если общественным отношениям первобытности был свойственен естественно возникший коллективистский характер при незначительной роли частного начала в сфере присвоения, то цивилизация, напротив, характеризуется многообразием видов собственности, каждая из которых является определенной формой разрешения противоречия между частным и общественным началом.

Частная и публичная формы собственности являются противоположностями, но противоположностями диалектическими, предполагающими как тождество, взаимопроникновение, так и различие между ними. Подобно тому как в действительности нет общего и единичного в их чистом виде, так и в цивилизованном мире нет общественной и частной формы собственности как таковых. Есть особые формы: государственная, акционерная, кооперативная, семейная, индивидуальная и т.д., каждая из которых является специфической формой разрешения противоречия между частным и общественным присвоением. Общественные интересы с момента возникновения цивилизации было призвано выражать государство. Частное же присвоение концентрируется на стороне семейных и индивидуальных форм собственности. Понятно, что все названные формы присвоения не являются абсолютно общественными или частными. В том или ином соотношении через них реализуются интересы как общества в целом, так и отдельных лиц.

С развитием противоположности между общественной и частной собственностью коррелирует становление и эволюция опосредствующих звеньев между публичной и частной властью. Особенностью цивилизации в отличие от первобытности является наличие многих центров власти. Способ присвоения и устройство власти - два стержневых начала цивилизации, имеющих ключевое значение для понимания особенностей общественного строя и организации социального управления в ту или иную эпоху цивилизованного развития.

Разнообразие видов деятельности и способов обмена ею в эпоху цивилизации обуславливает и разнообразие общественных связей между людьми. Однако обобщая можно сказать, что для цивилизации харак-

терно сосуществование и определенное сочетание двух основных типов сознательно регулируемой общественной связи: принудительной, механизм реализации которой предполагает насилие, принуждение, и добровольной (либеральной), связанной с принципами свободы воли и равноправия сторон. В области хозяйственной способом бытия первой является кругооборот труда и продуктов в их натуральном выражении, способом бытия второй - преимущественно товарно-денежный обмен.

Развитие, как свидетельствует опыт истории, идет от превалирования принудительных отношений в начальный период цивилизации к решающей роли либеральных связей на последующих стадиях ее эволюции.

В цивилизованный период в модифицированном виде продолжают функционировать и традиционные отношения. В определенном сочетании традиционная, принудительная и либеральная формы связи образуют достаточно сложную систему общественных отношений, характер которой на различных ступенях исторического развития выразится в превалировании или, напротив, подчиненной роли составляющих систему общественных связей.

Таким образом, цивилизация - это следующий за первобытностью период в развитии культуры человечества, для которого характерны инновационная орудийная технология, производящая деятельность, разделение и обособление материальной и духовной сфер общественной жизни, специализация и институализация основных видов и сфер человеческой деятельности. Она базируется на отделении промышленности от земледелия, города от деревни, военного дела от сфер жизнеобеспечения. Ее существенной особенностью в отличие от первобытности является наличие противоположностей между частной и публичной собственностью, между частной и публичной властью. Способом бытия цивилизации является жизнедеятельность крупных и многочисленных социальных организмов. Им присуща глубоко дифференцированная социальная структура, характеризующаяся разнообразием как субъектов деятельности, так и типов связи между ними. Творцом цивилизации является *homo sapiens* - существо, в отличие от других представителей рода *homo*, способное к знаковым формам накопления, передачи и использования информации и приобретающее вследствие этого возможность создавать инновационные, то есть опосредуемые сознанием и абстрактно-логическим мышлением, технологии и формы социальной жизни.

Глава II. Особенности цивилизационного управления

Усложнение социальной жизни в эпоху цивилизации неизбежно порождает потребность в более высокой ее организации. Без этого невозможно использовать в развитии возникшие новые элементы и появившиеся в связи с этим возможности.

Необозримое разнообразие видов деятельности и результатов человеческого труда, характерное для цивилизации, должно быть определенным образом упорядочено, интегрировано, объединено в социальную систему, подчинено ее сохранению, воспроизводству и развитию.

Эта роль в системе общественных отношений принадлежит управлению, которое осуществляет свои функции посредством сбора, переработки и передачи информации по каналам прямой и обратной связи. Понятно в связи с этим, что возникновение цивилизованных форм общественной жизни, помимо коренных изменений иного плана, предполагало также радикальное преобразование регулятивного механизма, свойственного эпохе первобытности.

Определенная упорядоченность (организованность) социальной системы есть результат функционирования соответствующей системы управления. С коренным преобразованием регулятивного механизма происходит закрепление возникшего вследствие революционных изменений социального порядка. Управление в связи с этим выступает как важнейший элемент общественных связей, конституирующий закон (порядок) устройства социальной системы.

Сказанное выше неверно интерпретировать в том духе, что управление является конечным источником нового способа организации и упорядочения социальной системы. Истоками являются инновации в технологии деятельности людей. Возникнув, они неизбежно порождают изменения в структуре занятий и социальных формах деятельности, то есть в общественных отношениях. В свою очередь это ведет к преобразованию регулятивных связей, внутренне присущих любой системе общественных отношений. И лишь с преобразованием регулятивной системы происходит закрепление и упрочение новой системы отношений между людьми. Таким образом, истоки преобразования определенной исторической формы общественных

отношений коренятся в существенных изменениях в технологии человеческой деятельности, а завершение связано с формированием новой системы управления, которая закрепляет возникший общественный порядок.

Переход от первобытности к цивилизации - это революция не только в технологии человеческой деятельности, структуре занятий, системе общественных отношений, но и в управлении обществом. Суть революции заключалась в кардинальном изменении структуры регулятивного механизма, в котором начинают доминировать способы управления, базирующиеся на использовании специализированных (языковых) структур и уникальных психических способностей людей, развившихся в ходе социокультурного процесса. К названным уникальным свойствам психики человека относятся: речь, сознание, мышление, воля, способности к интеллектуальному (духовному) творчеству и другие. Поэтому специфический для цивилизации способ управления в отличие от традиционного может быть охарактеризован как знаковый, сознательный, рациональный, властный и инновационный. Ему свойственны следующие черты: 1) накопление и хранение "видового" социального опыта в таких культурных системах как язык и формы общественного сознания; 2) передача накопленного человечеством опыта новым поколениям посредством специализированных форм обучения и воспитания с использованием языка, сознания, мышления; 3) активная роль высших психических функций человека (речи, сознания, мышления, воли, творчества) в процессах накопления, преобразования и передачи полезной для управления информации; 4) изменение содержания социальной памяти путем выражения в языке и иных знаковых формах результатов индивидуального творчества.

С возникновением осознаваемых и фиксируемых устно или письменно норм и идеалов человек начинает строить свою деятельность с учетом различий между сущим и должным, между реальным (невыдуманным) общественным порядком и его выраженным идеально желаемым состоянием.

В традиционном управлении, осуществляемом посредством обычаев и традиций, нет дихотомии сущего и должного, между тем, что есть, и тем, что должно быть. "В обычае должное и сущее полно-

стью совпадают: нечто является должным именно потому, что оно сущее, что так поступают все" (63, 266).

Пока люди еще были не способны судить о потребностях их общественной жизни, они просто апеллировали "к уже накопленному историческому практическому опыту, к тем формам поведения и взаимоотношений, которые уже выработаны стихийно, сложились помимо их сознания, путем отбора" (63, 266).

Возникновение критически мыслящего сознания, способного задаваться вопросом о том, является ли сущее во всех отношениях должным, "оправданным", единственно возможным и наилучшим общественным состоянием "относится к эпохе уже начавшегося разложения родовых, традиционалистских по своему характеру отношений" (63, 267).

Первоначально идеальный и более совершенный общественный порядок видели как бы в более правильном, "ортодоксальном" истолковании порядка жизни прежних поколений и, соответственно, "золотой век" человечества помещали в прошлом. Но затем появляются идеологические концепции, в которых идеальная модель должного социального устройства связывается с будущим и рассматривается как результат социокультурного прогресса.

Управление, базирующееся на учете различий между сущим и должным, между тем, что есть, и тем, что должно быть, неизбежно включает в себя элемент социального творчества, совершенствования и развития деятельности и общественных отношений и поэтому, в отличие от традиционного, его следует рассматривать как инновационное по своему характеру управление.

Цивилизованному управлению в отличие от первобытности свойствен также властный характер. Некоторые исследователи полагают, что управление относится к числу основных проявлений власти (28). При таком подходе связь власти и управления трактуется по аналогии с категориями сущности и ее проявления. Однако вряд ли можно рассматривать управление как форму проявления власти.

При рассмотрении взаимосвязи власти и управления важно учитывать, что между этими явлениями имеется тождество. Оно заключается в том, что властные процессы также имеют информационно-управленческую природу и выполняют функции координирования, упорядочения, программирования деятельности людей. Вме-

сте с тем власть представляет собой такую форму управления, которой присущ волевой характер.

Согласно М.Веберу, "власть означает любую возможность проводить внутри данных общественных отношений собственную волю даже вопреки сопротивлению, вне зависимости от того, на чем основана такая возможность" 33, 244). Если власть имеет волевой характер и выражается в передаче воли властвующего подвластному, а воля - это сформировавшаяся в ходе социокультурного развития способность человека к выбору осознаваемых целей и мобилизации усилий для их достижения, то, следовательно, лишь на определенном этапе исторического развития социальное управление приобретает властный характер. Был период в истории общества, когда социальное управление не имело волевого, а тем самым властного характера. И, следовательно, наоборот, власть является одной из исторически конкретных форм бытия управления, а тем самым и выражения его сущности.

С переходом к цивилизации в регулятивном механизме общества важную роль начинает играть новая информационно-управленческая структура, непосредственно базирующаяся на письменности (как специфическом способе аккумуляции и хранения "видового" социального опыта) и ведущей роли высших психических функций человека в процессах управления.

Возникновение письменности можно уподобить изобретению долговременной знаковой памяти человечества. Благодаря этому культурному явлению, человек приобрел новый, в определенном отношении значительно более эффективный, чем устный язык, способ накопления, хранения и трансляции социальной информации новым поколениям. В свою очередь это повлекло за собой существенные сдвиги в развитии высших психических функций человека (речи, сознания, логического мышления, воли, способности к духовному творчеству и др.).

Сознательное управление, базирующееся на использовании языка и уникальных свойств психики человека, возникает в связи с революцией в средствах накопления, преобразования и передачи информации, происшедшей на рубеже между мустьерской и ориньякской эпохами, и означавшей возникновение устного языка и психических способностей, в отличие от животных свойственных лишь

человку. Данный способ социального управления получает значительное развитие уже в эпоху родового строя, особенно на последней стадии его развития. Однако в родовом обществе это зародыши, предпосылки будущего, которые лишь в цивилизованный период в программировании общественной жизни начинают играть решающую роль, а в первобытную эпоху интегрированы традиционными структурами общественной жизни и служат их укреплению. В этой связи возникновение и становление homo sapiens, создавшего язык и обладающего речью, мышлением, волей, следует рассматривать в качестве истоков и предпосылок регуляторов, характерных для цивилизации, поскольку именно в эпоху цивилизации способы управления, связанные с накоплением информации: в языке и иных знаковых системах, с осознанием, переработкой посредством абстрактно-логического мышления, волевыми усилиями, занимают в регулятивном механизме общества доминирующее положение.

С переходом к цивилизации традиционное управление не исчезает. В преобразованном в соответствии с новыми историческими условиями виде оно интегрируется в регулятивный механизм цивилизованного общества в качестве его подчиненного элемента.

Глава III. Виды информационного воздействия на людей и способы их интеграции в регулятивную систему общества

В условиях цивилизационного управления основными средствами информационно-регулирующего воздействия на людей являются: 1) команды, приказы, распоряжения; 2) социальные нормы; 3) разнообразные учения о мире, человеке, смысле его жизни, устройстве общества; 4) совокупность ценностных ориентаций и предпочтений, возникающих у каждого человека под влиянием конкретной культурно-исторической среды, в которой он живет; 5) планы, проекты, прогнозы, рекомендации, вырабатываемые на основе рационально-научного освоения действительности; 6) совокупность цен на товары и услуги, формирующаяся в процессе рыночных отношений. Соответственно, к основным видам цивилизационного управления относятся:

1. Распорядительное управление, координирующее совместную деятельность людей в определенных условиях места и времени.

2. Нормативное регулирование. Здесь важно различать институциональное и неинституциональное нормативное регулирование. Важнейшим видом первого (то есть институционального) является государственно-правовое регулирование. Примером неинституционального может служить нравственное регулирование общественной жизни.

3. Идеино-мировоззренческое регулирование общественной жизни. В данном случае имеется в виду регулятивное воздействие на людей разнообразных учений о мире, человеке и устройстве общества. Важно разграничивать две формы такого управления: управленческое воздействие на массы официальной идеологии (государственной, партийной) и идеино-личностное регулирование, действенность которого обусловлена приверженностью людей к определенным учениям, идеалам.

4. Ценностно-оценочное регулирование поведения людей. В данном случае речь идет о регулирующем воздействии на людей той системы ценностных ориентаций, которая складывается у них под влиянием исторически конкретного типа общественных отношений.

Важно различать три, имеющих фундаментальный характер, системы ценностных ориентаций: традиционалистскую (характерную для докапиталистических обществ), рыночную ("дух капитализма" по М.Веберу), гуманистическую (ориентацию не на то, чтобы "иметь", а на то, чтобы "быть" по Э.Фромму), и, соответственно, три основные формы ценностного регулирования деятельности людей. В жизни любого человека всегда наличествуют все три ориентации, однако одна из них берет верх, является доминирующей.

5. Рационально-научное регулирование, которое опирается на специальное изучение условий деятельности и на рекомендации, вырабатываемые на основе научных знаний о природе, обществе, человеке.

6. Стоимостное регулирование, которое следует рассматривать в качестве специфического способа информационно-управляющего воздействия на людей, связанного с возникновением особого рода сигналов - цен, используемых в такого рода управленческих процессах.

Различные виды информационно-регулирующего воздействия несут в известной мере предвзятый характер в том смысле, что выбор альтернатив поведения в конечном счете остается за субъектом информационной активности. Обусловлено это тем, что homo sapiens есть существо, по своей природе способное к сознательному выбору альтернатив поведения и потому свободное. В цивилизованном мире он, если воспользоваться выражением Сартра, "осужден быть свободным". Отсюда пристрастна ключевая роль в процессах социальной регуляции управленческих решений, которые в каждом конкретном случае в известной мере могут рассматриваться в качестве специфической формы как учета, так и снятия различных видов информационно-регулирующего воздействия на людей.

Принципиальное значение имеет подразделение всех управленческих решений на два вида. Это, во-первых, команды, приказы, распоряжения, принимаемые с целью управления деятельностью других людей, во-вторых, решения, служащие средством саморегуляции. С этим связано разграничение двух способов управления: а) распорядительного (командно-приказного), организуемого как отношения господства-подчинения или бюрократического соподчинения, и б) спонтанного (самопроизвольного), возникающего в тех случаях,

когда субъекты деятельности сами принимают и реализуют собственные решения в конкретных обстоятельствах места и времени. Разграничение указанных видов управления важно в связи с тем, что при превалировании того или другого возникают либо иерархизированные управленческие структуры принудительного типа, со специальными каналами управленческой связи, либо спонтанные информационно-управленческие процессы. В связи с тем, что данное положение имеет важное значение для понимания последующего изложения остановимся на нем более подробно.

Разнообразная деятельность различных субъектов общественной жизни (частных лиц, их объединений, религиозных и иных общественных организаций, государственных органов) в зависимости от культурно-исторических условий может быть упорядочена двояким способом: принудительным и спонтанно-статистическим. При соподчинении указанных выше субъектов общественной жизни в единую иерархическую структуру, соединенную специальными каналами управленческой связи, возникает принудительный способ управления, предполагающий подчинение воли исполнителей воле руководителей и нижестоящих уровней управления вышестоящим. При таком способе управления решающая роль в регулятивной системе принадлежит вертикальным управленческим связям, в то время как горизонтальные носят подчиненный характер.

Если же частные лица, их объединения, общественные и иные организации, государственные органы в определенных границах равноправны по отношению друг к другу и в то же время постоянно взаимодействуют, то возникает спонтанно-статистический способ социальной регуляции. При данном способе управления решающая роль в регулятивной системе принадлежит уже не вертикальным, а горизонтальным управленческим связям. Классическим примером такого управления является рыночный способ координации деятельности миллионов людей.

Отметим, что аналог двух, указанных выше, способов организации регулятивной системы общества обнаруживается исследователями уже в рамках биоэволюции. Академик А.А. Ляпунов обозначает их соответственно как структурный и статистический. Способ организации является структурным, если он представлен управляющей системой, которая при помощи специальных каналов связи на-

страняет управляющие системы нежелезжащих уровней управления (101, 77-78). Таким, к примеру, является управление любым организмом. Специфика статистического способа организации системы управления состоит в том, что большое число относительно независимых друг от друга управляющих систем взаимодействуют друг с другом в некотором случайном режиме. Это взаимодействие складывается из эпизодических встреч, сопровождающихся обменом информацией и, может быть, совместными действиями (101, 78). В данном случае примером может служить механизм регуляции жизнедеятельностью популяции.

Соотношение принудительного и добровольного (спонтанно-статистического) способов координации деятельности людей в различные периоды истории может быть разным, что в решающей степени детерминируется структурой общественных отношений данной эпохи.

Нередко принудительный способ социальной регуляции, со свойственными ему принципами построения системы управления (наличие специальных управленческих связей вертикального типа, иерархическая соподчиненность уровней управления, разделение на руководителей и исполнителей) рассматривают в качестве единственной формы социального управления. Однако такой подход ошибочен, ибо не учитывает, что помимо систем управления с решающей ролью вертикальных управленческих связей, существуют также системы социального регулирования, в которых господствующее положение принадлежит спонтанным управленческим процессам и, соответственно, управленческим связям горизонтального типа.

Как известно, в действительности не существует абсолютно чистых противоположностей. В любых исторических условиях имеется определенное сочетание принудительного и добровольного способов сотрудничества людей. Однако, как правило, один из них в силу наличных обстоятельств берет верх. Вследствие этого любая историческая форма сотрудничества людей по преимуществу носит либо принудительный, либо добровольный характер.

Итак, своеобразие регулятивных систем цивилизованных обществ в отличие от первобытных заключается в том, что в них решающая роль принадлежит способам управления, имеющим знаковый (языковый), сознательный, рациональный, творческий

(инновационный) и властный характер. Регулятивный механизм любого цивилизованного общества представляет собой сложное системное образование, соответствующее сложности и разнообразию общественной жизни в эпоху цивилизации. В качестве основных видов информационно-регулирующего воздействия на людей выступают: распорядительное, нормативное, идейно-мировоззренческое, ценностно-оценочное, рационально-научное, стоимостное. Существует два способа интеграции различных видов информационного воздействия на людей в единую регулятивную систему: принудительный и спонтанно-статистический. С этим связано наличие в системе управления любого цивилизованного общества двух подсистем социальной регуляции: принудительной и основанной на принципе свободы воли. На каждой стадии цивилизации эти подсистемы функционируют в тесном взаимодействии друг с другом. Их способ взаимосвязи образует устойчивую структуру, в которой выражаются специфические черты того или иного исторически конкретного типа социального управления.

Глава IV Стадии эволюции мировой цивилизации и типы социального управления

Мировая цивилизация проходит ряд ступеней восходящего развития. Каждая ступень характеризуется собственной структурой общественных связей и соответствующим ей регулятивным механизмом. Глубинным основанием для выделения исторически конкретных ступеней эволюции цивилизации являются качественно определенные этапы развития инновационной орудийной технологии.

При изучении исторически конкретных форм технологии важная роль принадлежит понятию "технологический способ производства". Применяемая людьми орудийная технология всегда является единством: а) деятельности (процесса по преобразованию вещества, энергии, информации), б) личностных и вещественных факторов, посредством которых реализуется человеческая активность, в) связей между ними. При этом особенности каждой исторической ступени в развитии технологии непосредственно определяются характером связей между составляющими ее элементами, а опосредованно (то есть в конечном счете) детерминируются теми орудиями труда, которые люди применяют на определенной стадии общественного развития. Каждый технологический способ производства выражает специфику исторически определенной формы технологии как со стороны содержания (элементов, преобразующих вещество, энергию, информацию), так и со стороны внутренней формы (характера связей элементов технологии в единое целое). Благодаря этому вскрывается сущностная определенность исторической ступени в развитии орудийной технологии. Было бы неверно сущность исторически конкретного технологического способа производства сводить к содержанию или к форме, рассматриваемых в отдельности друг от друга.

Каждый технологический способ производства представляет собой элементарную структуру, или, другими словами, субстанциональную основу определенного типа инновационной технологии, которая находит конкретное выражение в различных сферах деятельности людей (сельском хозяйстве, промышленности, информационном секторе). Отношение технологического способа производст-

ва и конкретных форм деятельности в определенный исторический период аналогично отношению сущности и форм ее проявления.

В ходе развития цивилизации сформировалось три технологических способа производства: инструментальный, машинный, автоматический. Первый характеризуется господством инструментальной технологии. Основу второго составляет механизация. Для третьего типа характерна автоматическая самоуправляемая технология. Первый исторически конкретный тип инновационной технологии явился следствием неолитической революции, в ходе которой ручные орудия труда из металлов и связанные с ними инновационные технологии получили широкое распространение. Он составил технологическую основу докапиталистических классовых обществ. Второй, характеризующийся господством машинной индустрии, возник в результате технологической революции конца восемнадцатого - начала девятнадцатого веков. Он продолжает играть существенную роль и в настоящий период развития человечества. Третий тип, в котором господствующие позиции занимает информационно-компьютерная технология, рождается в ходе современной научно-технической революции.

Три названных периода в развитии преобразующей технологии одновременно являются качественно определенными этапами эволюции цивилизации. Первый можно обозначить как инструментальный. Но возможна его характеристика и как аграрного этапа, в связи с решающей ролью земледелия в структуре занятий людей в этот период. Вторая стадия, индустриальная, начинается после завершения технологического переворота на рубеже конца XVIII - начала XIX веков. С этого момента промышленность в структуре хозяйственной деятельности занимает доминирующее положение.

Развернувшаяся в мире, начиная с середины 50-х годов новая технологическая революция свидетельствует, что человечество приступило к решению задачи перехода к третьему периоду в развитии цивилизации, для которого характерно господство компьютерных технологий и информационного сектора в структуре занятий. Оно, таким образом, переживает период перехода от индустриальной к информационной стадии цивилизации. В ряде наиболее развитых стран мира (Америке, Японии и некоторых других) в результате структурных преобразований в последнее десятилетие производство

и применение информационно-компьютерных технологий выросло настолько значительно, что многие исследователи считают возможным говорить о возникновении в этих странах постиндустриального, информационного общества, и, следовательно, о достижении этими странами новых рубежей культурно-исторического прогресса - информационной стадии развития мировой цивилизации.

На основе достигнутой ступени в развитии инновационной технологии и складывающейся в связи с ее распространением структуры занятий формируется исторически конкретный тип общественных отношений, характеризующийся преобладанием определенного вида связи между людьми, который, в свою очередь, обуславливает своеобразие регулятивной системы общества на данной стадии цивилизации, место и роль в ней различных регуляторов.

В рамках нашей работы выделены характерные для цивилизации виды общественных отношений, а также исторически конкретный способ их связи в единое целое имеет ключевое значение. Обусловлено это тем, что каждая из конкретных форм общественной связи заключает в себе и свойственный ей механизм социального управления. Более или, напротив, менее широкое распространение определенной формы общественной связи означает вместе с тем и более или менее значительную роль соответствующего способа управления в жизни общества.

Проблема своеобразия общественных отношений в доиндустриальный период и на индустриальной стадии развития общества исследовалась представителями самых разнообразных направлений общественной мысли. Так Г.Спенсер различал принудительный и добровольный типы сотрудничества людей, связанных соответственно с военными и промышленными обществами. И.С.Кон в связи с этим отмечает, что "спенсеровская схема описывала реальный исторический процесс перехода от общества, с преобладанием натурального хозяйства и жестко иерархической системы, к обществу, основанном на товарном производстве и разделении труда" (84, 32).

К.Марксом развиты положения о последовательно сменяемых двух типах общественных отношений. Первым являются отношения личной зависимости, предполагающие натуральное ведение хозяйства и производство преимущественно потребительных стоимостей, вторым - отношения вещной зависимости, соответствующие эпохе бур-

жуазного товарного производства. "Отношения личной зависимости, - пишет К.Маркс, - (вначале совершенно первобытные) - таковы те первые формы общества, при которых производительность людей развивается лишь в незначительном объеме и в изолированных пунктах. Личная независимость, основанная на вещной зависимости, - такова вторая крупная форма, при которой впервые образуется система всеобщего общественного обмена веществ, универсальных отношений, всесторонних потребностей и универсальных потенций" (106, 46, ч.1, 100-101).

Исторически отношения личной зависимости предшествуют вещным отношениям, которые связаны с производством меновых стоимостей, предполагают существование товара в качестве необходимого посредника между людьми, а также рынка. С развитием капитализма отношения личной зависимости перестают играть решающую роль в жизни общества, уступая место вещным отношениям. В новых условиях взаимная зависимость производителей друг от друга, согласно Марксу, выражена в "постоянной необходимости обмена и в меновой стоимости как всестороннем посреднике" (106, 46, ч.1, 99). Однако отношения личной зависимости в эпоху господства вещных отношений не исчезают совсем. В снятом, преобразованном виде, на положении подчиненной формы общественной связи они включаются в новый тип общественных отношений. Аналогичное положение занимали вещные отношения в докапиталистических формах, когда в структуре общественных связей господствовали отношения личной зависимости в виде патриархальных, античных и феодальных отношений (106, 46, ч.1, 101).

Итак, исходя из сказанного выше и отправляясь от современных исследований данной проблемы, можно выделить две исторически конкретные системы общественных отношений, связанных соответственно с аграрным и индустриальным этапом в развитии цивилизации. Первая характеризуется решающей ролью в структуре общественных связей отношений принудительного типа. В литературе они получили название отношений: господства-подчинения, личной зависимости, внеэкономического принуждения. Особенностью отношений этого рода, является включение элементов насилия, принуждения в механизм реализации общественной связи.

Для индустриальной стадии в развитии цивилизации, характерна иная структура общественных отношений, в которой решающая роль принадлежит либеральным общественным связям. Принципами функционирования последних являются: добровольность, равноправие, автономия личности.

Названным историческим системам общественных отношений, характеризующихся господством определенной формы общественной связи соответствуют и два исторически конкретных типа социального управления: принудительный и спонтанно-статистический. Если в регулятивном механизме аграрных обществ доминируют принудительные способы социальной регуляции, то в индустриальный - спонтанно-статистические, среди которых решающая роль в координации хозяйственной деятельности миллионов людей принадлежит рыночному регулированию.

Цивилизация не завершается индустриальным периодом ее развития. В конце XX века на Западе возникают первые информационные общества. В связи с этим приобретает актуальность вопрос о специфике общественных отношений и регулятивного механизма информационной стадии в развитии цивилизации. Эти проблемы мы рассмотрим в соответствующем разделе данной работы.

РАЗДЕЛ IV

АГРАРНАЯ СТАДИЯ ЦИВИЛИЗАЦИИ И СОЦИАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

Глава 1. Общая характеристика принудительного типа социальной регуляции

Аграрная стадия является первой в развитии цивилизации и охватывает период культурной эволюции человечества продолжительностью около пяти тысячелетий. Она начинается с появления в долинах Нила и Евфрата во второй половине 4-го тысячелетия до н.э. первых очагов цивилизации и завершается переходом группы стран в Европе и Америке в конце XVIII - начале XIX вв. к новому индустриальному этапу цивилизованного развития.

Характерные для аграрной стадии элементы культуры возникают в процессе перехода от родового строя эпохи варварства к ранним формам классовых обществ.

Применение ручных орудий труда из металлов как характерная особенность инновационной орудийной технологии и господствующая роль земледелия в структуре производящей деятельности позволяют обозначить данный этап как инструментальный, или аграрный.

В результате революции в технике, которая состояла в открытии и широком распространении способов изготовления ручных орудий труда из металлов (первоначально из меди и бронзы), качественные изменения претерпевают технология деятельности, структура занятий, экономический и социальный строй, система социальной регуляции.

В области занятий решающая роль начинает принадлежать производящим формам хозяйствования, а среди них - аграрной деятельности, в то время как в эпоху первобытности первостепенное значение имела присваивающая деятельность (охота, собирательство, рыболовство). Приобретает относительную самостоятельность духовная сфера общественной жизни. Обособляются друг от друга и институализируются сферы организации власти и культовая деятель-

ность. Существенной становится роль военной деятельности, а в социальной структуре аграрных обществ - военного сословия.

Повышение эффективности человеческой деятельности, рост населения повлекли за собою формирование более широких социальных общностей в сравнении с первобытными родовыми коллективами. На этой ступени теряют свое былое значение кровнородственные отношения, цементирующие родовую общину. Формы социальности, олицетворяющие эту эпоху, уже не являются объединениями людей, связанных кровными узами. Решающую роль приобретают общественные отношения между различными группами населения, проживающими на определенной территории. Соседские земледельческие общины, сформировавшиеся на базе позднеродовых общин, выступают в качестве социальных и территориальных единиц всех обществ аграрного периода в развитии цивилизации.

Складывается новый тип поселения людей, связанный с существенными различиями между городом и деревней. Города - важнейшая примета и вместе с тем наиболее динамичный срез аграрных раннеклассовых обществ. В период их становления города выступают как бы средоточием всех качественно новых элементов общественной жизни, характерных для цивилизации, а в период кризиса в них идет интенсивный процесс формирования предпосылок для нового витка в истории культуры.

В аграрных цивилизациях превалирует натуральное, ориентированное на самообеспечение производство. Соответственно основным способом бытия общественных отношений является кругооборот труда и продуктов в их натуральном выражении. На эту особенность докапиталистических обществ в свое время обращал внимание К.Маркс. Так, характеризуя общественные отношения феодализма, он писал: "Личная зависимость характеризует тут как общественные отношения материального производства, так и основанные на нем сферы жизни. Но именно потому, что отношения личной зависимости составляют основу данного общества, труду и продуктам труда не приходится принимать отличную от их реального бытия фантастическую форму. Они входят в общественный кругооборот в качестве натуральных служб и повинностей" (106, 23, 88). Обмен деятельностью и продуктами труда в их натуральном выражении в аграрных обществах имел место наряду с товарно-денежным обменом.

ном. Однако в структуре "общественного круговорота" деятельностей и продуктов труда ему принадлежит решающая роль. "При древнеазиатских, античных и т.д. способах производства, - отмечал К.Маркс, - превращение продукта в товар, а, следовательно, и бытие людей как товаропроизводителей играют подчиненную роль, которая однако становится тем значительнее, чем далее зашел упадок общинного уклада жизни" (106, 23, 89). Превалирование натурального производства свидетельствует, что эффективность производящих видов деятельности еще недостаточна для широкого распространения товарного производства, а тем самым и рыночных форм общественной связи.

В аграрных обществах складываются три основных сектора экономики: публичный, общинный и частный. Основанием их соответственно являются государственная, общинная и частная формы собственности. Существует и функционирует также сектор экономики, связанный с собственностью храмов, монастырей и иных культовых учреждений.

Весьма специфичной в сравнении с первобытностью и современностью является социальная структура аграрных обществ. Ее своеобразие выражается в идеологически санкционированном и юридически оформленном политическом и социально-экономическом неравенстве людей. Все население аграрных обществ подразделялось на два неравноправных в социальном отношении слоя: свободных и подневольных. К подневольным относились рабы, колонны поздней античности, крепостные средневековой эпохи. Сословие подневольных (рабов и иных несвободных людей) было ранжировано в соответствии со степенью и мерой несвободы, свойственной каждой прослойке этой группы населения.

Среди свободных в свою очередь выделялись два различных по своему социально-экономическому и политическому статусу сословия. Первое, зависимое, было занято в сфере материального производства и обмена. Его составляли земледельцы, ремесленники и торговцы.

Второе, привилегированное сословие, занималось отправлением функций власти и управления, военным делом, культовой деятельностью.

Человек в аграрных обществах еще не выступает в качестве обособленного, автономного индивида. Он, как правило, член более широкой общности: общины, касты, сословия и т.д., благодаря принадлежности к которым он приобретает определенный экономический и политический статус и соответствующие этому статусу права и обязанности.

Существенной особенностью аграрных обществ является ярко выраженная в их жизни тенденция к наследственному закреплению за различными социальными группами (кастами, сословиями) определенных родов общественной деятельности: в сфере политики, военного дела, культа, земледелия, ремесла и т.д. От этого перзичного распределения и присвоения различных видов общественного разделения труда оказывались зависимыми все иные виды присвоения, в том числе и собственность на землю и иные блага. Так, к примеру, социально-экономическое положение человека в азиатском обществе прямо зависело от его ранга в государственной иерархии. В античном мире необходимой предпосылкой владения землей являлась принадлежность к общине-полису. В европейском средневековье феодал всегда оставался членом привилегированного сословия, даже если он терял землю. Как замечает К.Маркс, хотя "государственные определения являются социальными продуктами", а не порождениями природы, однако при феодальной системе "природа непосредственно производит королей..., пэров и т.д., подобно тому как она производит глаза и носы" (106, 1, 342).

С переходом к цивилизации особую остроту приобретает проблема обеспечения средствами существования сословий и классов, занятых военным делом, в сфере власти и управления, в области духовного производства. В аграрных обществах данная проблема решается путем формирования и развития особой системы общественных отношений, в основе своей имеющей принудительный характер и по своему существу представляющей насильственное перераспределение материальных благ от их создателей к тем, кто их не производит. Ситуация верно подмечена древнекитайским мыслителем Мэн-цзы (3-2 век до н.э.). "Одни работают умом, - пишет он, - другие используют в работе силу своих мышц. Те, кто напрягает свои умственные силы, управляют другими людьми, а те, кто использует в работе силу своих мышц, управляемы другими людьми.

Управляемые содержат тех, кто управляет. Те, кто управляет, получает средства от тех, кем они управляют. Это всеобщий принцип Поднебесной" (11, 207). Положение, сформулированное Мэн-цзы, может быть уточнено в том смысле, что принцип общественного устройства, о котором он говорит, характерен для всех аграрных обществ, а не только для Поднебесной.

Уже в эпоху позднепервобытной родовой общины с появлением систематического избыточного продукта возникают разнообразные формы присвоения привилегированными социальными группами труда производителей материальных благ. К их числу относятся: сбор дани, рабство, личная зависимость и другие. Специфической особенностью данных форм сотрудничества людей является включение элементов насилия и принуждения в механизм реализации общественных связей.

С переходом к аграрному этапу в развитии цивилизации отношения господства-подчинения в структуре общественных связей занимают доминирующее положение. Всем докапиталистическим формам, отмечает А.Гуревич, "соответствует натуральное хозяйство, внеэкономическое принуждение, господство вооруженной знати и духовенства" (56, 318).

Отношения господства и подчинения, характерные для аграрных обществ, нашли выражение в самых разнообразных формах: в деятельности аппарата государства во главе с деспотом на Древнем Востоке, в частнорабовладельческих отношениях древних Греции и Рима, отношениях личной зависимости эпохи феодализма.

Понятно, что в структуре социальных связей в докапиталистический период функционируют и другие общественные отношения. Например, различные виды товарно-денежных отношений. Однако в эту эпоху они находятся в стадии формирования, менее распространены и поэтому в структуре общественных отношений занимают подчиненное положение.

* * *

Существуют значительные трудности при характеристике особенностей социального управления аграрной эпохи в развитии ци-

визации. Они связаны прежде всего с большим количеством и разнообразием форм цивилизационного развития в этот период, среди которых можно выделить такие регионально-исторические формы, как Древний Восток, рабовладельческие общества древних Греции и Рима и феодальные общества эпохи средневековья. С методологической точки зрения ясно, что есть как общие, свойственные всему начальному периоду, так и специфические, присущие лишь регионально-историческим формам, особенности социального управления. При этом выделение общих черт социального управления является необходимым условием для понимания его особых регионально-исторических форм.

Выше было обосновано, что основная роль в системе общественных связей аграрного периода принадлежит отношениям господства-подчинения. Данной форме общественных связей соответствует и исторически конкретный тип регулятивной системы общества, с решающей ролью принудительного способа организации социального управления.

Специфика принудительного регулирования выражается: а) в особом иерархическом устройстве регулятивной системы, базирующемся в основном на систематическом применении насилия к управляемым; в) в создании специальных (вертикальных) управленческих связей между лицами, органами, уровнями, образующими систему управления; г) в наличии достаточно отчетливо выраженного центра, осуществляющего управленческую деятельность в соответствии с принципом подчинения воли одних воле других. В условиях принудительной регуляции одни социальные группы выступают в качестве управляемых, другие управляющих; имеется иерархия высших и низших органов управления, образующих единую систему посредством управленческих отношений вертикального типа.

Разделение на управляемых и управляющих может стать принципом организации общества в целом (как это и было свойственно в той или иной мере аграрным обществам), но может быть локализовано и ограничено определенными условиями места и времени (то есть иметь место, к примеру, на предприятии в течение рабочего дня). В раннеклассовых обществах разделение на управляемых и управляющих выражалось в социальной структуре, представляющей иерархическую пирамиду из неравноценных в социальном

отношении групп и сословий. связь между которыми состояла в господстве одних социальных групп над другими, нижестоящими на социальной лестнице. Возникновение иерархической социальной структуры означало, что одни социальные группы стали выступать в качестве субъектов социального управления, а другие лишь в качестве его объектов.

В аграрных обществах право быть субъектом власти и политических отношений, а, следовательно, право на участие в управлении распространялось лишь на представителей господствующего сословия. Общинники Древнего Востока, рабы и метеки античности, зависимые держатели земли в эпоху феодализма - все они лишены возможности находиться в "политическом пространстве" и ведут за это борьбу. А именно от политического статуса в этот период зависело право на свободу, собственность, соответствующее социальное положение в общественной системе.

Такой порядок закреплялся специфической системой социальных норм и религиозно-мировоззренческих взглядов. Это находило выражение в том, что социальные нормы, как правило, являлись одновременно: и унаследованными от прошлых поколений традициями, и сакральными установлениями, и нравственными требованиями, и законами, санкционированными государством. Такой способ закрепления придавал особую устойчивость социальному строю аграрных цивилизаций.

Как в сфере материальной, так и духовной социальное управление в аграрный период приобретает специализированный, институциональный и принудительный характер.

В системе принудительного управления основными инструментами информационного воздействия на людей является уже не обычай, как это было в первобытном обществе, а выраженные устно или письменно приказы, социальные нормы, мировоззренческие установки, соблюдение которых гарантируется средствами физического насилия, имеющимися в распоряжении как частной, так и публичной власти. Этому способствует всеохватывающая сакрализация общественно-политического порядка, социальных норм, мировоззренческих установок и идеалов, культивируемых религиозными институтами.

Доминирующая роль принудительного управления на аграрной стадии цивилизованного развития не исключает действия в этот

период традиционного и спонтанно-статистического (в том числе рыночного) регуляторов. Но в структуре регулятивного механизма общества в эту эпоху им принадлежит подчиненная роль.

В аграрный период разнообразные виды информационно-регулирующего воздействия на людей (идеинно-мировоззренческое, нормативное, ценностно-оценочное, стоимостное) выступают в качестве самостоятельных, подчиненных авторитарным, принудительным формам социальной регуляции. Результатом являлось установление чрезмерной регламентации и контроля не только в сфере хозяйственной жизни, но и в области духовно-нравственного бытия личности.

Как отмечалось, социальному управлению аграрной стадии цивилизации, свойственны как общие черты, так и специфические модификации этих общих черт, выраженные в различных регионально-исторических формах аграрных обществ.

В давние времена возникла и до сих пор продолжается оживленная полемика о своеобразии трех крупных регионально-исторических форм раннеклассовых обществ, названных соответственно азиатским, античным, западноевропейским. Материальной основой названных обществ является земледелие и ремесло. Им свойственна определенная форма разрешения противоречия между частной и публичной собственностью на землю. В качестве господствующих сословий выступают родовая, военная и религиозная аристократия. Прибавочный продукт отчуждается в основном в натуральном виде. В системе общественных связей решающая роль принадлежит отношениям внеэкономического принуждения.

Помимо общих черт, указанных выше, всем регионально-историческим формам свойствен один и то же тип регулятивной системы, характеризующейся доминированием в ней принудительного управления. В то же время весьма отличны друг от друга регионально-исторические модификации этого типа социального управления. Иерархическая соподчиненность уровней управления, разделение субъектов общественной жизни на управляемых и управляющих, систематическое применение насилия к управляемым - все

это общие черты принудительной системы социальной регуляции, характерной для аграрного периода. В то же время ясно, что в различные эпохи (на Древнем Востоке, в античном мире, в европейском средневековье) эти черты в соответствии с культурными и региональными особенностями выражены специфическим образом. В чем выражаются эти различия, каковы факторы их обуславливающие - таковы некоторые из вопросов, которые встанут перед исследователем при изучении проблем своеобразия социального управления на различных стадиях аграрной ступени развития цивилизации.

Различия, как нам представляется, выражаются прежде всего в способе реализации принудительного управления. Ранее отмечалось, что способ присвоения и устройство власти - два стержневых начала цивилизации, имеющих ключевое значение для понимания особенностей общественного строя и организации социального управления в ту или иную эпоху цивилизованного развития. В этой связи принципиальное значение имеет разграничение двух противоположных и вместе с тем дополняющих друг друга способов общественно-политического устройства аграрных цивилизаций: государственно-бюрократического и частного, соответствующих двум основным началам в организации собственности (присвоения) и власти: публичному и частному. Этим двум началам устройства общества соответствуют и две основные формы организации принудительного управления в аграрный период цивилизованного развития. Первая характеризуется решающей ролью аппарата публичной государственной власти в регулятивном механизме общества. Вторая, напротив, связана с решающей ролью частного принуждения в осуществлении функций социального регулирования.

Названные способы осуществления принудительного управления - государственно-бюрократический и посредством власти частных собственников - в той или иной мере имеют место в любом аграрном обществе. Однако первенство в зависимости от культурно-исторических и региональных условий принадлежит одному из них. Так на Древнем Востоке получила широкое распространение форма принудительного управления с решающей ролью многочисленного и разветвленного аппарата централизованного государства, руководимого деспотом. Античный мир и западноевропейское средневековье, напротив, характеризуются решающей ролью частного начала в устройстве общества и системе социального регулирования.

Названные способы устройства общества и социального управления выражаются также в двух специфических формах отношения правительственной иерархии к религиозным организациям, законодательному и нравственному регулированию. Для первой характерно подчинение религиозных организаций бюрократически организованной государственной власти и, соответственно, превращение законодательства и нравственности в инструмент проведения в жизнь воли власти имущих. Для второй формы, напротив, специфично относительное обособление и определенная независимость религиозных организаций, права, нравственности от аппарата государственной власти. В этом случае религиозные учреждения в значительно большей мере имеют возможность ограничивать произвол светской публичной власти. Возрастает также действенность норм права и морали по отношению к лицам и органам, осуществляющим принудительное регулирование.

Первая форма отношения публичной государственной власти к религиозным организациям, правовому и нравственному регулированию была отчетлива выражена на Древнем Востоке, в средневековой Византии, а также, начиная с определенного периода, в России. Античный и католический мир являют собой примеры другой связи правительственной иерархии с религиозными учреждениями, правом и нравственностью. Именно на этом последнем пути стало возможным возникновение и практическое осуществление идей естественных прав человека, свободы совести и убеждений, верховенства права, разделения властей, то есть многого из того, что в наше время принято именовать общечеловеческими ценностями.

Характер регионально-исторических форм социального управления складывается под воздействием самых разнообразных факторов. К их числу относятся: уровень развития орудий труда, способ ведения земледельческого хозяйства, степень обособления человека от социального целого, своеобразие духовной культуры, региональные особенности. Однако в решающей степени, они, по-видимому, зависят от уровня развития института частной собственности и товарно-денежных отношений. Именно эти факторы, как нам представляется, оказывают весьма существенное влияние на формирование и закрепление государственно-бюрократического или частного способа осуществления принудительного управления в аграрный период.

Глава II Древний Восток и социальное управление (Азиатская форма социального управления)

Особая роль Древнего Востока в развитии мировой цивилизации связана по меньшей мере с двумя обстоятельствами. Во-первых, здесь впервые появляются очаги цивилизованной общественной жизни. Типичную для Древнего Востока социокультурную форму можно рассматривать как исходную в ряду всех последующих форм цивилизационного развития. Во-вторых, вследствие удивительной устойчивости данной социокультурной формы, ее сохранения вплоть до XX века, Древний Восток одновременно положил начало одному из наиболее влиятельных социокультурных направлений в развитии мировой цивилизации. Проблема своеобразия рожденной на Древнем Востоке ветви социокультурного развития, ее места в истории человечества до сих пор остается предметом оживленных дискуссий.

Характерный для Древнего Востока тип общества, с ведущей ролью аппарата централизованного государства в землеустройстве и перераспределении материальных благ от классов, занятых в сферах жизнеобеспечения, к привилегированным сословиям, получил в научной литературе название азиатского. Сразу же следует отметить не географический, а социокультурный характер этого наименования. Как отмечают исследователи, форма общественного устройства, получившая название азиатской, была широко распространена в странах Азии, Древнем Египте, Америке (государствах ацтеков, инков) и некоторых других. Типичными ее примерами могут служить государства, возникшие в третьем тысячелетии до н.э. в долинах Нила, Тигра и Евфрата (200, 43).

Материальной основой цивилизаций Древнего Востока являлось использование орудий труда из меди и бронзы. Однако в связи с высокой стоимостью последних применялись также орудия труда из камня и других материалов. Применение более совершенных орудий труда и связанное с этим повышение эффективности земледельческого хозяйства выступили в качестве тех изменений, которые в конечном итоге привели к возникновению на Древнем Востоке первых очагов цивилизованного развития. Именно земледелие представляло тот вид материального производства, интенсификация которого вела к появлению значительного объема избыточного про-

дукта и соответственно к росту населения в масштабах, несравнимых с эпохой первобытности. В городах, ставших центрами политической власти и религиозного культа, значительного развития достигает ремесленное производство, ориентированное на нужды представителей господствующих сословий и соседней земледельческой округи. Имело место также развитие товарно-денежных отношений.

К специфике цивилизаций Древнего Востока исследователи обычно относят особое устройство земледельческого хозяйства, выражающегося в поливном земледелии. Для поддержания в порядке ирригационных сооружений требовалось проведение в больших объемах общественных работ. Роль организатора общественных работ в масштабах страны возлагалась на государство. Особый тип земледелия на Древнем Востоке, как отмечают историки, требовал "объединения усилий многих общин, руководимых единой государственной администрацией, чтобы создать систему каналов, водохранилищ, дамб и плотин, которые могли противостоять капризам таких рек, как Нил, Евфрат, Тигр, Ганг, Инд, Хуанхе" (74, 7).

Своеобразие азиатской формы общества иногда видят в той значительной роли, которую играет государство в организации поливной аграрной экономики. Однако более глубокое знакомство с конкретным историческим материалом позволяет сделать вывод, что цивилизации с поливным земледелием относятся лишь к одной из модификаций общества азиатского типа. Правда это такая модификация, в которой особенности данной формы общества выражены наиболее ярко.

В качестве основной социальной и территориальной единицы аграрных обществ Древнего Востока (за исключением немногочисленных городов) выступает особая разновидность земледельческой общины. Одной из наиболее характерных ее черт является доминирование общинной собственности на землю при весьма незначительном развитии элементов частной собственности. Способ присвоения в такой общине уже является специфической формой разрешения противоречия между частной и общинной собственностью. Вместе с тем это весьма неразвитый способ бытия такого противоречия. Для общин азиатского типа "характерны большой удельный вес совместного коллективного труда, практически полное отсутствие у общинников личной хозяйственной

инициативы, жестко регламентированный и уравнилельный характер их жизни в общине" (209, 45).

Некоторые исследователи, отрицая специфику азиатской формы общества, в качестве аргумента ссылаются на тот факт, что наличие общины - особенность всех докапиталистических обществ (116, 27). И это, конечно, так. Но каких общин? Азиатская община с неразвитыми элементами частной собственности качественно отличается от гражданской земледельческой общины эпохи античности. Не сводима она и к общине древних германцев, в которой частная собственность по отношению к общинному землевладению приобрела доминирующие позиции. Качественные различия между историческими формами общин, как бы выступающих в качестве генетического основания раннеклассовых обществ, в значительной степени обуславливают различие трех особых путей движения народов от эпохи варварства к цивилизации.

К особенностям земледельческих общин азиатского типа исследователи относят их изолированность друг от друга, отсутствие устойчивых связей между ними, что обуславливалось преобладанием натурального производства внутри общин. Общины, производя одни и те же продукты и услуги, практически не нуждались во взаимном обмене между собой. Вследствие этого в качестве основной силы, объединяющей такие изолированные "микрососмы" в крупное социально-экономическое и политическое образование, выступало сильное централизованное государство. Поэтому типичную для Древнего Востока форму общества обычно характеризуют как совокупность земледельческих общин с возвышающимся над ними объединяющим началом в виде деспотического государства, располагавшего многочисленным и разветвленным бюрократическим аппаратом, присваивавшим прибавочный продукт общин.

Общины и государство образовывали единый государственно-общинный сектор аграрной экономики, который и выступал в качестве экономической основы азиатского общества, при незначительном развитии частного сектора.

До сих пор существуют разные мнения по поводу отношений собственности на Древнем Востоке. Некоторые исследователи полагают, что земля и вода являлись собственностью государства, за

общинами оставалось право пользования ими. Частного же земледелия при этом не существовало (200, 43).

Другие отмечают, что государство, выступая в роли организатора системы искусственного орошения, хотя и рассматривало орошенную землю в качестве государственной или царской земли, однако понятие полной собственности в строгом и точном смысле этого слова вряд ли применимо к государственной или царской земле на Древнем Востоке. Это была скорее не собственность в современном смысле слова, а право распоряжения и контроля, получения определенного налога. "Фактически большая часть орошенной и пригодной к возделыванию земли находилась в наследственном владении многочисленных сбщин (а внутри общин распределялась между общинниками). Часть земли раздавалась придворным воинам, аристократии, создававшим частные хозяйства. Все эти хозяйства за право пользования землей обычно платили поземельный налог в пользу государства, несли некоторые повинности. Однако после выплаты налога и выполнения повинностей владельцы могли распоряжаться землей вплоть до ее продажи" (2, 8).

В то же время значительная часть земли была сосредоточена в руках древневосточного правителя и, как правило, зависимого от него жречества. На этих землях были организованы крупные царские и храмовые хозяйства, где трудились многочисленные арендаторы. Таким образом, в руках государства сосредоточивалось большое количество производимой в стране сельскохозяйственной и ремесленной продукции, других материальных ценностей, получаемых непосредственно из царских хозяйств или в виде налогов со всего населения (74, 8).

Некоторые исследователи полагают, что для Древнего Востока специфичен феномен власти-собственности. При этом под последним понимают "не столько собственность, сколько власть, так как функции собственника ...опосредованы причастностью к власти, т.е. к должности" (31, 69).

При всех спорах не подлежит сомнению, что в азиатском обществе именно бюрократический аппарат централизованного государства выступает в качестве основного субъекта устройства порядка землепользования и перераспределения материальных благ от классов, занятых в сфере материального производства, к сословиям и социальным группам, составляющим привилегированную общность. Такой социально-экономический порядок существенно отличается от

последующих (античной или феодальной) форм общества, в которых не государственный, а частный сектор экономики (гражданский, феодально-вотчинный) несет основную тяжесть по реализации отношений внеэкономического принуждения.

Социальная структура аграрных обществ Древнего Востока включала в себе три неравноправных группы населения: господствующую социальную общность, свободных общинников и рабов. В состав господствующего класса входили: государственная бюрократия, представители знатных родов, жречество, командный состав армии, крупные землевладельцы и другие. Основную часть древневосточных обществ составляли свободные общинники. Рабы и близкие к ним подневольные люди составляли незначительное количество населения. "Труд собственно рабов применялся в царских и храмовых хозяйствах, но в целом по стране они были немногочисленны, основная их масса использовалась для услуг" (200, 43). В связи с этим весьма проблематично рассматривать аграрные общества Древнего Востока как рабовладельческие.

В обществе азиатского типа весьма слабой была степень обособления отдельного человека от социальной общности, к которой он принадлежал. Хотя в сравнении с первобытностью в этом отношении имел место определенный прогресс, но все же человек в значительной степени оставался зависимым либо от общины, в которой он получал определенный надел, либо от государства, с которым он оказывался так или иначе связан. Иными словами, частное начало, независимость индивида от общественного целого в азиатском обществе были развиты значительно меньше, чем это было свойственно формам социальности, которые исторически следовали за ним.

Азиатский тип общества формировался "путем выделения в общине военной аристократии, захвата ею власти и объединения общин в результате завоеваний" (200, 43). Служилой аристократии, возглавляемой правителем, в этой борьбе противостояла родовая и общинная знать, терявшая по мере упрочения типичных для азиатского общества структур свои привилегии. Как отмечают исследователи, в период формирования раннеклассовых обществ "процесс борьбы между традиционной родоплеменной знатью и новой аристократией, военной по происхождению, носил универсальный харак-

тер. И заканчивался он, как общее правило, победой новой аристократии, а старая оттеснялась сю на второй план" (75, 234).

Особенности азиатской формы общественной жизни нашли выражение не только на Древнем Востоке. Микенской цивилизации, которая в 12 веке до н.э. погибла под натиском вторгшихся в континентальную Грецию дорических племен, также были свойственны ее особенности. Ученые характеризуют микенскую цивилизацию как весьма близкую к восточным царствам того времени. К характерным чертам микенского царства исследователи относят следующее: 1. Военизированный характер. Царь опирается "на военную аристократию и воинов-колесничих, которые подчинены его власти, но которые в общественной системе и в военной организации царства образуют привилегированную группу со своим особым статусом, своим образом жизни" (34, 54). 2. Сельские общины путем поставок, подарков, более или менее обязательных повинностей кормят царя и местную знать. 3. Посредством централизации, письменного учета, учреждения архивов на обширной территории установлен строгий государственный контроль. Иерархически организованная система власти, подчиненная правителю, контролировала "все богатства страны, сосредоточивала под единым руководством ресурсы и значительные военные силы, обеспечивала военные походы в далекие страны для захвата новых земель или доставки из-за морей металлов и товаров, которых недоставало на греческом континенте" (34, 56).

В связи со сказанным, азиатскую форму общественного устройства вряд ли следует рассматривать как характерную лишь для Древнего Востока. По существу она нашла выражение всюду, где происходил переход к классовому обществу от исторически более ранних ступеней в развитии позднепервобытной земледельческой общины, то есть в эпоху, когда элементы частной собственности в рамках земледельческой общины еще не получили значительного развития.

Обществу азиатского типа свойствен специфический механизм принудительного управления, для которого характерно отчуждение права быть субъектом управления от большинства членов общества, счи-

тающихся по своему социальному статусу свободными, и сосредоточение всей полноты власти (распорядительной, законодательной, судебной, военной, хозяйственной, идеологической) в руках аппарата государства во главе с правителем, или у контролируемых этим аппаратом лиц.

Формально, как отмечено выше, большую часть азиатского общества составляли свободные общинники, которые в силу этого являлись одновременно и субъектами управления. На самом же деле участвовать в управлении могли лишь слои, составлявшие привилегированную социальную общность. Последняя по существу совпадала с аппаратом государства. Но и в самой привилегированной общности мера участия в отправлении функций власти была дозирована в соответствии с рангом, который та или иная группа занимала в иерархии государственного управления. Господствующая общность сама выстраивалась в многоступенчатую бюрократическую иерархию со множеством рангов и статусов, обуславливающих социально-экономическое и политическое положение человека в обществе.

К функциям управления, которые выполнялись государственным аппаратом, относились "учет, контроль, планирование объема и структуры производства, накопления и распределения ресурсов, руководство общественными работами" (200, 44). Как отмечают исследователи, применительно к азиатскому обществу вполне можно говорить о наличии единого государственного сектора экономики. "где не только царские поместья, но и крестьянские общины были участниками общественного разделения труда, которое, как правило, было фиксировано и детализировано законодательно" (200, 44). В древнем Египте, к примеру, "регулярно проводились переписи населения, урожаев, были установлены нормы сбора зерна (земельный кадастр), нормы выработки на других работах" (200, 44). Таким образом, в обществе азиатского типа на аппарат государства возлагалось выполнение целого ряда функций по упорядочению и программированию общественной жизни. К их числу относятся: внешнеполитические, военные, судебные, идеологические (контроль за формированием и формами выражения религиозного мировоззрения). Аппарат государства выступал в качестве организатора общественных работ по поддержанию в порядке ирригационных сооружений, направлял и контролировал производство сельскохозяйственной и ремесленной продукции, взимал налоги. Одновременно он выступал в качестве той силы, которая перераспределяла материальные блага и

ценности, производимые земледельцами и ремесленниками к привилегированным социальным группам, занятых военным делом, государственным управлением, отправлением религиозного культа.

Своеобразие азиатского управления находило специфическое выражение в сфере организации высшей политической власти, которая, как правило, существовала в виде неограниченной монархии, получившей название "древневосточной деспотии". При таком способе бюрократически организованная распорядительная власть одновременно являлась и законодательной и судебной. Иными словами, для древневосточной политической организации характерен синкретизм, нерасчлененность различных видов властей. На вопрос, кто правит человек или закон, ответ применительно к данной форме правления может состоять в следующем. Правит не закон, а человек, ибо никаких законодательных ограничений власти правителя, как правило, не существовало. Данное обстоятельство находило специфическое отражение в общественном сознании. А.Я.Гуревич отмечает, что, согласно принятой в традиционном Китае точке зрения, закон в силу присущей ему абстрактности не может учесть многообразие бесчисленных конкретных ситуаций и поэтому представляет собой не добро, а зло. Процветание общества, по убеждению китайских мыслителей, зависит в первую очередь от лиц, управляющих государством (55, 168-169).

Суть деспотизма исследователи обычно усматривают в ничем не ограниченном, произвольном господстве, предполагающем на другой стороне "бесправность и слепое повиновение" (179, 114). По мнению многих исследователей, деспотизм является типичной формой организации высшей политической власти на Древнем Востоке. Правитель здесь считался "не только носителем всей полноты власти: законодательной, исполнительной, судебной, но нередко признавался сверхчеловеком, ставленником богов, их потомком или даже одним из богов" (74, 8). Обожествление личности царя - характерная черта аграрных обществ азиатского типа.

Возникновение централизованного государства хотя и деформировало, но не разрушило общину с присущими ей органами самоуправления. В связи с этим в обществе азиатского типа заметно выделяются два уровня организации принудительного управления: общегосударственный и общинный. При азиатском деспотизме, пишет А.Мигранян, "в политическую и экономическую систему включен не индивид сам по

себе, а община как целостность, на способ функционирования которой и присущий ей механизм социального контроля государственная регламентация не распространяется" (109, 81). Государство на Древнем Востоке, пишет другой автор, "регулируя хозяйственные связи между общинами, не вмешивается в их внутреннюю жизнь" (81, 336).

Таким образом, земледельческой общине азиатского типа свойствен собственный механизм принудительной социальной регуляции, представленный органами и учреждениями общинной власти, сформировавшимися в ходе ее развития. В то же время следует учитывать, что государство видоизменяет общинный механизм саморегуляции, приспособлявая его к своим нуждам.

В азиатском обществе контроль государства распространялся и на религиозно-мировоззренческое регулирование общественной жизни. Первое лицо государства либо само являлось первосвященником, либо достаточно жестко посредством приближенных лиц контролировало религиозную жизнь общества. Это не означает, что в азиатском обществе не было разногласий и конфликтов между правителем и служителями культа. Такие конфликты были, но, как правило, принцип подчинения духовной власти светской сохранялся.

Азиатскому обществу было свойственно наличие жестко очерченных границ между различными качественно неравноценными по своему социально-экономическому и политическому положению группами населения. При этом социальные характеристики приобрели характер естественных, наследственных различий. Получалось, что люди уже с момента рождения обладали разными социальными качествами, которые определяли их положение в обществе. Такой социальный строй закреплялся действием целого ряда регуляторов: юридического, нравственного, религиозно-мировоззренческого, традиционного. Культивирование религиозной по своему характеру веры в изначальную социальную неравноценность людей, юридическое оформление и закрепление социальных статусов и рангов, трансляция такого порядка новым поколениям посредством механизма традиции - все это позволяло воспроизводить свойственную азиатскому обществу социальную структуру практически в неизменном виде в течение длительных периодов исторического развития.

При этом между юридическим, нравственным, религиозно-мировоззренческим и традиционным регулированием по существу не

проводилось различий, так что имел место "естественный синкретизм", различных аспектов социальной регуляции, корни которого уходили глубоко в религиозное мировоззрение. "Право Древнего Востока, - отмечают в связи с этим юристы, - неразрывно связано с религией и религиозной моралью. Правовая норма имела здесь религиозное обоснование. Правонарушение - это одновременно нарушение нормы религии и морали" (73, 27-28).

В целом систему принудительного управления, характерную для азиатского общества, можно охарактеризовать как государственно-бюрократическую (по доминирующему структурному элементу регулятивной системы), учитывая при этом, что термины "бюрократ", "администратор", "чиновник" к данной системе управленческих отношений могут быть применены лишь с оговорками. Ибо лица, составляющие аппарат государства, не бюрократы в строгом смысле этого слова, а слуги правителя. Власть последнему дана не народом и реально гарантируется силой и идеологическими средствами.

Территориальное деление, централизм, иерархическая соподчиненность звеньев управления, наделение первого лица в государстве неограниченной властью, назначение должностных лиц, синкретизм различных видов властей - таковы основные принципы построения системы принудительного социального управления, свойственной азиатскому обществу.

Оригинальный подход к объяснению азиатской формы общественного устройства предложен в книге М.Восленского "Номенклатура". С его точки зрения, так называемый "азиатский способ производства" не есть формация, а есть "метод, применяемый для преодоления трудностей и решения сложных задач. Этот метод не связан с определенной формацией. Для его применения есть только одна предпосылка: деспотический характер государства. При наличии этой предпосылки метод тотального огосударствления может накладываться на любую формацию и в любую эпоху" (40, 583).

В самом деле, пишет далее М.Восленский, "азиатская деспотия существовала и в царствах Древнего Востока, и в государствах восточного средневековья, да и в новое время. Что же, была это все одна и та же формация? Конечно, нет: формации сменялись, а метод оставался. ...Как и в царствах Древнего Востока или у инков Перу, этот метод "социализма", метод тоталитарного огосударствления нало-

жился на существовавшую там социально-экономическую формацию, на имевшиеся общественные структуры. Ничего большего этот метод не мог сделать, ибо не формация зависит от метода, а метод обслуживает формацию" (40, 584).

М.Восленский поднимает важную проблему методологического плана о соотношении формы общественного устройства и методов регуляции деятельностью людей в соогвествующий исторический период. Однако решение проблемы, которое он предлагает явно не выдерживает критики. Если к примеру, на общество классического капитализма "наложить" метод "тотального огосударствления", учредить централизованное директивное планирование, установить власть политбюрократии, то от капитализма мало что останется, а итогом применения таких методов явится разновидность тоталитарного строя. Методологический источник ошибки М.Восленского заключается в чрезмерном противопоставлении методов социального управления исторически конкретной системе общественных отношений. Методы оказываются настолько внешними соответствующей форме общественного устройства, что не затрагивают ее сущности. В действительности же конкретная форма общественных отношений включает в себя регулятивную систему в качестве существеннейшей своей стороны. Регулятивная система и общественные отношения, конечно, качественно отличаются друг от друга. В то же время это взаимосвязанные, взаимопроникающие стороны общественной жизни, так что безразличными друг к другу они быть не могут.

Вследствие сказанного выше, азиатский деспотизм, характеризующийся решающей ролью аппарата государства в реализации отношений внеэкономического принуждения, есть не только метод тотального огосударствления и господства политбюрократии. Одновременно в нем выражены существенные черты специфической исторически конкретной системы общественных отношений.

То обстоятельство, что азиатская форма общества сохраняется и воспроизводится в эпоху античности, средние века, новое время, говорит о том, что мы здесь имеем дело не просто с формацией, которая, подобно античному рабству, была преодолена историей, а ветвью социокультурного развития, устойчивым и своеобразным направлением цивилизации, получившим в литературе название восточно-азиатского. Естественно, речь идет не о географии, а о типе общественной структуры, которая

может появиться и на Западе, в Европе, как это случилось, например, в фашистской Германии или странах Восточной Европы середины XX века.

Общество азиатского типа, как об этом свидетельствует исторический материал, при качественных сдвигах в развитии материальной и духовной культуры в аграрную эпоху (например, при переходе к широкому применению орудий труда из железа, а также в связи со вступлением в средневекový период истории) не превращается в принципиально иную форму общественного устройства. Однако оно переживает периоды модернизации, выражающиеся помимо всего прочего в совершенствовании и приспособлении централизованной государственности к новым культурно-историческим условиям. В ходе модернизации появившиеся достижения и новые элементы культуры интегрируются в реформируемый общественный организм, а вся система государственно-бюрократического управления, обогащаясь достижениями культуры, приобретает иной вид.

Древний Восток обогатил мировую цивилизацию многими открытиями и изобретениями. К их числу относятся обработка железа и получение стали, стеклоделие, приручение лошади, изобретение колеса, пороха, компаса. Вместе с тем многие исследователи отмечают застойный характер обществ азиатского типа. "В случае цивилизаций бронзового века, - пишет С.Лилли, - старое общество не просто преобразовалось в новое. Оно окаменело и существовало в таком виде до тех пор, пока его не повергли общества нового типа (греки), выросшие на его окраинах" (100, 407).

Яркую картину застойности древнекиргайского общества рисует Тейяр де Шарден. "Странную картину являет собой эта огромная страна, еще вчера представлявшая собой лишь едва изменившийся живой осколок мира, таким, каким он мог быть десять тысяч лет назад... Конечно, несравненно рафинированная цивилизация, но подобно письму, в котором она себя столь непосредственно выражает, не меняющая методов со времени своего начала. В конце 19 века - еще неолит, не обновленный, как в других местах, а просто бесконечно усложненный, не только по тем же линиям, но в том же плане, как будто он не мог оторваться от той Земли, где он сформировался" (130, 169).

Изучение проблемы показывает, что причиной застоя являлась сама государственно-бюрократическая форма принудительной социальной регуляции, свойственная обществу азиатского типа. Контроль со

стороны централизованного государства практически над всеми сторонами общественной жизни препятствовал образованию и развитию новых элементов, способных качественно изменить сложившийся в течение тысячелетий социальный порядок. Тормозом общественного развития в Азии, полагает Ф.Хайск, являлись сами могущественные правительства, которые, сосредоточив в руках огромную власть, успешно подавляли любую частную инициативу. В императорском Китае продвижение вперед происходило "в периодически повторяющиеся "эпохи смут", когда правительственный контроль временно ослаблялся. Однако мятежи умирлялись и отклонение от правильного пути регулярно выправлялось мощью государства, готового любой ценой сохранять в неприкосновенности традиционные порядки" (187, 59). В Древнем Египте в период восемнадцатой династии сформировалось сильное централизованное государство, контролировавшее посредством многочисленного аппарата чиновников все основные сферы общественной жизни. Оно господствовало в течение последующих двух тысяч лет, и именно оно, по мнению Ф.Хайска, повинно в застойном характере египетской цивилизации этого периода (187, 60).

Застойному характеру общественно развития в азиатском обществе способствовал традиционно-уравнительный, натурально-авторитарный порядок жизни в земледельческой общине, препятствовавший проявлениям творчества и инициативы со стороны ее членов.

Наконец, мощным фактором упрочения и урегулированности социального строя являлось совокупно-синкретическое действие находившихся под контролем государства религиозно-мировоззренческого, традиционного и нормативного регуляторов. Обратной стороной их действия было нетерпимое отношение к инновациям в устройстве общественной жизни.

Итак, резюмируя изложенное выше, можно сделать следующие выводы.

Азиатское управление является конкретной регионально-исторической формой бытия принудительного типа социальной регуляции. Это означает, что в структуре регулятивного механизма общества решающая роль принадлежит принудительным способам упорядочения жизнедеятельности людей в сравнении с регуляторами традиционного и спонтанно-статистического типа. В качестве основного субъекта социального управления выступает иерархически организованный аппарат

государства, подчиняющий и контролирующий всех иных субъектов социального управления (религиозные учреждения, частных землевладельцев, органы общинного управления). Вследствие этого основным способом его реализации является деятельность аппарата и органов публичной власти, прежде всего государственной бюрократии. Частнопринудительное управление в условиях азиатской формы также может получать значительное развитие. Однако во всех случаях по отношению к государственно-бюрократической организации принудительного управления носит подчиненный характер. Основным объектом социального управления в обществах азиатского типа выступают формально свободные, а фактически находящиеся в различных формах зависимости от государства крестьяне (преимущественно общинники) и ремесленники. К специфическим особенностям азиатского управления относятся: решающая роль правительственной иерархии в регулятивной системе общества, подчиненное положение по отношению к ней религиозных организаций, учреждений правосудия, жесткая бюрократическая соподчиненность органов управления, антидемократический и деспотический характер публичной государственной власти, бесправие личности и другие. Азиатское управление возникает путем сосредоточения в руках аппарата государства, возглавляемого правителем, важнейших функций публичной власти, установления контроля над основными сферами аграрного общества и создания системы принудительной регуляции, функционирующей в соответствии с принципами деспотического централизма и бюрократической соподчиненности органов социального управления. Государственно-бюрократический способ организации социального управления, получивший значительное развитие на Древнем Востоке в сферах как материальной, так и духовной жизни, вызвал к жизни и привел в действие мощные рычаги принудительной регуляции и упорядочения общественной жизни. Вместе с тем, выступив в качестве эффективного средства упрочения и стабилизации социального строя, решения разнообразных проблем (военных, хозяйственных и иных), он в то же время явился причиной застойного характера развития обществ азиатского типа.

Глава III Античная форма социального управления

Исследователи с давних времен обращают внимание на два качественно отличающихся направления развития аграрных цивилизаций. Первое оформилось на Древнем Востоке, второе - в античном мире. Оба направления вырастают из одного корня - первобытной земледельческой общины. При разложении земледельческой общины эпохи варварства в принципе возможно движение и по тому, и по другому пути. Однако культурно-исторические и региональные особенности подталкивают общество к выбору определенного направления.

В отличие от цивилизаций Древнего Востока, базировавшихся на использовании орудий из меди и бронзы, материальным основанием античных обществ явилось широкое употребление орудий труда из железа. Век железа предоставлял новые неизвестные ранее возможности для повышения эффективности земледелия и ремесленного производства, а тем самым, возникновения новых форм общественного устройства.

Специфический характер носит производственная технология применяемая древними греками и римлянами. В технологической цепочке человек - орудие - предмет труда акцент сделан на эксплуатации личностных факторов производства. Вследствие этой ориентации древние греки и римляне в материальном обеспечении своей жизни по-настоящему не сумели воспользоваться ни энергией ветра и воды, ни тягловой силой животных. Довольно быстро выявляются пределы общественного развития на основе такой технологии, обуславливаемые естественными биологическими границами, на которые наталкивается интенсификация личностных факторов производства.

Территориальной формой устройства общественной жизни в античную эпоху являлся особый тип земледельческой общины - полис. Принято проводить различие между двумя видами земледельческих общин: родовой и территориальной. Территориальная община в свою очередь имеет две модификации: соседскую (сельскую) и гражданскую (городскую). Гражданская городская община и есть полис (171, 20). Полис включал в себя одно или несколько городских по-

селений с примыкающей к ним сельской местностью и обладал практически полной политической независимостью. "Вся территория полиса была хорошо знакома его жителям, его границы были легко обозримы" (137, 286).

В истории античной цивилизации выделяют три этапа развития: ранний, средний (классический) и поздний.

В ранний период господствующим являлось мелкое производство крестьян и ремесленников с незначительным применением рабского труда. Труд рабов использовался в основном в домашнем хозяйстве. Этот период характеризуется также невысоким уровнем развития торговли, товарного и денежного обращения. Стадия становления античной цивилизации охватывает для греческих полисов VIII-VI вв. до н.э., для Древнего Рима соответственно конец VII века до н.э. - первая половина III в. до н.э..

Классический период античной цивилизации характеризуется усилением товарного характера производственной деятельности и превращением рабства в основу производства. На этом этапе "на место парцеллярного крестьянина, ремесленника как основных производителей и вместе с тем владельцев - собственников условий производства и прибавочного продукта приходит лишенный всяких средств производства, да и собственной личности, раб, с одной стороны, а с другой - рабовладелец, собственник условий производства, включая средства существования: земли, орудий труда, денежных сумм, располагающий рычагами политической власти. Такой собственник имеет экономические возможности завести крупное хозяйство как в земледелии, так и в ремесле" (88, 89).

В этот период существенно возрастает товарность как земледельческих хозяйств, так и ремесленных мастерских. Однако и в классическую эпоху, как отмечают исследователи, натуральное производство и натуральный обмен занимают основные позиции в экономике страны. "В рабовладельческих поместьях и мастерских, основанных на рабском труде, большая часть получаемого продукта шла на потребление производителя и его семьи..., на поддержание известного образа жизни, на выплату налогов и повинностей в пользу государства, а на рынок поступали излишки основной продукции (88, 108).

Экономика античного полиса включала в себя два основных сектора: государственный и частный. Но в отличие от Древнего Востока решающая роль здесь принадлежит частному (гражданскому) сектору.

Особенности полиса как формы организации общественной жизни во многом детерминировались отношениями собственности. Античности свойственна иная, более развитая форма разрешения противоречия между частной и публичной собственностью, чем на Востоке. В древневосточных обществах частное начало оставалось слабо развитым. Вследствие этого обособление и независимость индивидов от общины были незначительны. В античной общине полисе ее гражданин выступает уже в качестве частного собственника, рабовладельца. "Именно в Средиземноморье отдельная личность впервые получила право самостоятельно распоряжаться в узаконенной сфере частной жизни." (187, 53). По мере исторического развития, следовательно, все заметней становилась относительная обособленность индивида от общины, все больше крепла в противовес общинной его индивидуальная, частная связь с объективными условиями производства.

Принцип неотчуждаемости участков и наделов "был одним из краеугольных камней не только материальной, но и социальной основы полиса" (171, 29). И хотя принцип неотчуждаемости не всегда соблюдался на практике, его реализация обеспечивала граждан полиса не только прожиточным минимумом, но и известной политической независимостью. В античном обществе впервые было продемонстрировано великое значение гарантированной частной собственности и как необходимого условия для эффективной хозяйственной деятельности, и как экономической основы для политической и духовной свободы личности.

Несравненно более развитая чем на Древнем Востоке гарантированная частная собственность стала препятствием на пути экспансии государственно-бюрократической организации социального управления. Как свидетельствуют ученые, перед гражданами полиса вставал вопрос: либо получать доход с общей земли при посредстве аппарата государства, либо раздать землю в частную собственность и вести хозяйство каждому на свой страх и риск. Выбор был сделан в пользу второго, поскольку дальнейшая рационализация использова-

ния земли связывалась гражданами полиса с усилением гарантий частной собственности на землю, а отнюдь не с укреплением ее публичного характера и возрастанием в связи с этим роли госаппарата в жизни полиса (217, 79).

Вместе с тем своеобразие античного строя заключалось в том, что при столь значительном развитии частной собственности верховным собственником земли все же оставалась община - полис. Собственность на основное условие производства (землю) выступала как бы в двойной форме - в качестве общинной (полисной) и в качестве частной собственности, но так, что верховной являлась первая. Вследствие этого только гражданин государства мог быть частным собственником. Статус землевладельца и гражданина член общины получал от полиса, благодаря принадлежности к нему. Указанная выше особенность античной социальной организации означает, что "личная связь равноправных граждан друг с другом еще доминирует над слабой и неокрепшей связью каждого непосредственного производителя с землей" (209, 51-52).

С данной особенностью отношений собственности связано такое характерное для античного мира явление, которое, используя современную терминологию, можно назвать социальной защищенностью граждан полиса. Если член гражданской общины по тем или иным причинам терял средства к существованию, то полис обязан был взять на себя заботу о его материальном обеспечении. Пока человек оставался гражданином полиса, он мог, как свидетельствует история римского плебса, рассчитывать на хлеб и зрелища. Тем самым закрывался путь к превращению граждан, лишившихся земли, в наемных работников, как это было в эпоху первоначального накопления капитала в Европе. На этом этапе исторического развития еще весьма значительной была роль гражданской общины как гаранта материальной обеспеченности и политических прав своих членов. В этом одна из причин того, что при наличии товарного производства превращение лишившихся земли членов общины в наемных работников и капиталистический уклад не получили заметного развития в античном мире.

Все население античного полиса делилось на две категории. К первой - относились свободные граждане, имеющие право на участие в политической жизни, к второй - все другие слои. Среди последних

особой группой являлись рабы, не имевшие по существу никаких прав. К примеру, в Афинах в 5 веке до н.э. они составляли около 1/3 всего населения полиса. Рабы в свою очередь делились на государственных и частных. В Афинах государственные рабы были заняты в лаврийских серебряных рудниках. Им также поручалась работа, которой чуждались свободные граждане (в полиции, тюремной охране).

Частные рабы выполняли функции домашней прислуги, а также работали в поместьях и ремесленных мастерских. Количество рабов, занятых в ремесленных мастерских, заметно увеличилось в Афинах в 4 веке до н.э.. В 5 веке до н.э., в период экономического расцвета Афин, они стали составлять заметную конкуренцию труду свободных ремесленников. В то же время крестьянский труд по-прежнему оставался в основном занятием свободных граждан (137, 297).

В античном мире государственно-бюрократическое управление не играло столь значительной роли как, например, на Древнем Востоке. В связи с этим возникает вопрос о своеобразии системы социального управления, свойственной античному обществу.

Известно, что ряд зарубежных и отечественных исследователей рассматривают Древнюю Грецию и Рим по аналогии с современным западным обществом. Исследователи, примыкающие к этому направлению, полагают, что основным регулятором в античном обществе являлся рынок. По мнению П.Вострикова, в Древней Греции, в отличие от восточных обществ была создана своеобразная форма гражданской общины и новый "рыночный тип координации общественного труда" (42, 44). Примерно то же утверждает М.Посидченко. В рабовладельческом обществе, пишет он, "регулирование на национальном уровне имело полностью децентрализованный, рыночный характер" (209, 47).

Античному миру, как отмечено выше, было свойственно довольно значительное развитие товарного производства и товарно-денежных отношений. Однако ни на одном этапе античной истории они не играли основной роли в структуре общественных связей. Производство в основном ориентировалось на самообеспечение. Превалировал кругооборот труда и продуктов в их натуральном выражении. Натуральное хозяйство, пишет в связи с этим

В.И.Кузищин, "безраздельно доминирует при патриархальной системе рабства", и оно же остается "основой производства и на следующем этапе развития античной экономики, когда создается рабовладельческая система, направленная на создание прибавочной стоимости, а сам процесс производства осуществляется в рабовладельческих поместьях и крупных ремесленных мастерских" (88, 108).

К факторам, которые препятствовали развитию товарно-денежных отношений в античном мире относятся: ограниченность материальной основы (рабство, ручной труд), специфическая форма разрешения противоречия между публичной и частной собственностью на землю, невысокая оценка занятия торговлей в общественном сознании античного общества и другие.

Так как товарно-денежные отношения хотя и получили значительное развитие, но все же не занимали доминирующего положения в системе общественных связей античности, то, следовательно, и рыночное регулирование не играло здесь решающей роли в структуре регулятивного механизма античного общества.

Античную форму социального управления нельзя понять, если не учитывать противоречивый характер жизни рабовладельческого общества. Свобода и порабощение, эквивалентный обмен и безвозмездное отчуждение результатов чужого труда, демократическая форма организации политической жизни и одна из наиболее жестоких систем принудительного труда - все эти противоположности существуют как бы рядом и вместе с тем неразрывно связаны друг с другом. Налицо два противоположных социальных мира. При этом один, в рамках такого типа общественной организации, служит необходимым условием существования для другого. Бытие свободы обусловлено существованием крайней формы порабощения человека, равенство граждан полиса - его отсутствием на другом полюсе, наличие развитых форм экономической, политической и духовной жизни - полнейшей их элиминацией из жизни противоположного социального мира.

Те авторы, которые называют рыночное регулирование в качестве господствующего в античном мире, не учитывают, что в системе общественных связей в эту эпоху решающая роль принадлежит не товарно-денежным отношениям, а отношениям господства-

подчинения. А это означает, что в структуре регулятивного механизма античного общества основным являлся механизм принудительной социальной регуляции.

Вместе с тем организация принудительного управления в античном мире имела принципиально иной характер, нежели на Древнем Востоке.

В регулятивном механизме античного общества основная роль в осуществлении функций управления принадлежит не аппарату публичной власти, а самим гражданам полиса. В конечном счете такое соотношение частного и публичного начала в управлении социальными процессами обусловлено той значительной ролью, которую играла частная собственность в жизни античного общества. "Главным итогом становления античной цивилизации стал выход на передний план почти неизвестных или по крайней мере слабо развитых в то время во всем остальном мире частнособственнических отношений, особенно в сочетании с господством частного товарного производства, ориентированного преимущественно на рынок, с эксплуатацией частных рабов (т.е. рабов, принадлежащих не государству, а частным лицам. - В.Г.) при отсутствии сильной централизованной власти и при самоуправлении общины, города-государства (полиса). После реформ Солона (начало VI в. до н.э) в античной Греции возникла структура, опирающаяся на частную собственность, чего не было более нигде в мире" (31, 17).

Вследствие превалирования частного (гражданского) сектора экономики в соотношении с государственным социальное управление в античном полисе по форме организации выступает прежде всего как частнопринудительное, то есть осуществляется средствами и способами принуждения, которые находятся в распоряжении частных лиц - граждан полиса.

Античное управление представляет собой своеобразную противоположность азиатской форме социального управления. На Древнем Востоке политически господствующая общность представлена аппаратом централизованного государства. Каждый ее член имеет определенный ранг в иерархии управления и соответствующий этому рангу социально-экономический и политический статус. Право на участие в управлении, хотя и имеется у каждого члена господствующего сословия, однако с самого начала является неравным.

В античном обществе, напротив, центр тяжести по осуществлению функций управления, в том числе внеэкономического принуждения, смещен в область частной гражданской жизни. Основными субъектами социального управления здесь выступают не функционеры государственного аппарата, возглавляемого правителем, а частные собственники земельных поместий и ремесленных мастерских - граждане полиса. При этом все они обладают правом на управление жизнью античного общества.

Принципиально иными в сравнении с Древним Востоком являлись формы устройства высшей власти в античном полисе, а также способы ее формирования и обновления. Верховная власть в античном полисе представлена в основном формами прямого "народоправства" и представительными учреждениями. Аппарат исполнительной власти был небольшим и находился под контролем институтов непосредственной и представительной демократии. Высшие органы власти формировались на основе демократических принципов. Избранию (по жребью или иным образом) нередко подлежали и должностные лица.

Устройство и функционирование власти в античном обществе в значительной мере выступают в качестве сознательного творчества и волеизъявления граждан полиса, обладающих экономическими и политическими правами. Здесь сами граждане полиса контролируют высшую власть и определяют сферу ее компетенции. В то время как в азиатском обществе, напротив, верховная власть в лице правителя и подчиненного ему аппарата государства контролирует своих подданных и определяет формы взаимоотношений с ними в разнообразных сферах общественной жизни.

Институт гарантированной частной собственности создавал предпосылки для свободы экономической, в известной мере политической и интеллектуальной, то есть сфер деятельности, где гражданин полиса мог по своему усмотрению распоряжаться принадлежащими ему вещами и знаниями. Развитие частной собственности во взаимосвязи с товарно-денежными отношениями стимулировало инициативу и предприимчивость субъектов экономической и политической жизни. И то, и другое порождало потребность в праве, то есть в совокупности правил, очерчивающих границы свободы субъектов общественной жизни, и тем самым регулирующих разнооб-

разные связи между ними. Вследствие этого в регулятивном механизме античного общества в отличие от азиатского существенная роль принадлежит правовому регулированию. По существу в античном обществе впервые в истории был создан институт гражданства, в том смысле, что за гражданами полисами посредством юридических норм, гарантированных государством, была закреплена совокупность экономических, политических и иных прав и обязанностей. К числу основных прав относились: право на землю, право на участие в управлении общественной жизнью полиса.

Генезис античной формы социальной регуляции существенно отличается от процесса формирования азиатского управления. Напомним, что становление азиатской формы социального управления проходит два этапа. На первом происходит отчуждение от позднепервобытной общины функций военного, хозяйственного, религиозного и т.д. лидерства, бывших вначале выборными, а затем превращаемых в наследственные. Следствием этого процесса явилось формирование родоплеменной и общинной знати. Это лишь начальный этап. Он еще не выходит за пределы старой формы, но свидетельствует о наступлении эпохи кризиса и разложения первобытнообщинного строя. На втором этапе в ходе становления цивилизации военные вожди, опираясь на служилую аристократию, оттесняют родоплеменную знать от управления общественной жизнью и создают особую бюрократическую форму устройства принудительной социальной регуляции, в которой различные уровни, органы и учреждения управления объединены в иерархически организованную систему возглавляемую правителем.

Становлению такой формы управления на Древнем Востоке способствовали: слабое развитие частной собственности, незначительная социальная дифференциация, застойный характер жизни в общинах азиатского типа. По существу не было сил (за исключением сопротивления родоплеменной знати), способных воспрепятствовать становлению государственно-бюрократической системы социального управления.

В сравнении с народами Востока греки (и римляне) находились в гораздо более благоприятных культурно-исторических условиях. Начавшееся на рубеже первого тысячелетия до н.э. применение орудий труда из железа заметно ускорило общественное развитие.

Довольно быстро шел процесс социального расслоения. Условия Средиземноморья способствовали развитию торговли. В связи с этим высокого уровня достигли частнособственнические отношения. Поэтому в Древних Греции и Риме уже на первом этапе, то есть в эпоху узурпации родовой знатью функций власти и управления, накопления ею богатств и порабощения свободных общинников, народ решительно выступил против знатных и богатых. Смута, как отмечает Аристотель, была великая.

В результате вектор общественного развития был изменен на прямо противоположный. Исторический процесс пошел как бы в обратном направлении. В Афинах, к примеру, право на участие в управлении общественной жизнью с каждой новой реформой (Солона, Клисфена, Перикла) к разочарованию родовой знати и формально и фактически все более приобретало равный характер. При Перикле демократическая форма социального управления достигла своего расцвета.

Интересно, что в Древнем Китае (5 век до н.э.) в связи с наступлением века железных орудий труда, быстро развивались частнособственнические отношения. Однако там ни родовая аристократия, ни сословие частных собственников не смогли противостоять тенденции к модернизации государственно-бюрократического управления. В результате век железа как бы придал "второе дыхание" бюрократической форме организации социального управления в этой стране.

На поздней стадии эволюции античной цивилизации широкое распространение получают нерабовладельческие отношения личной зависимости, снижается товарность производства, устройство власти и управления приобретает черты восточных централизованных государств. Свободные граждане полисов превращаются в подданных императора. Упадку и окончательному разрушению античной цивилизации, полагает Ф.Хайек, способствовало усиление центральной власти в Риме и настойчивое вытеснение ею свободной инициативы (187, 58). Гибель античной цивилизации датируется историками концом 5-го века н.э..

Если рассматривать античную цивилизацию с точки зрения свойственной ей ограниченной культурной основы, характеризующейся самой жестокой формой порабощения человека, ориентацией на интенсификацию личностных факторов производства, то в этом

отношении она предстает в качестве своеобразного отклонения от магистрального направления цивилизации. В то же время античный мир завещал последующим поколениям ряд великих идей в области устройства социального управления, которым принадлежало будущее. Это идеи гражданства, республиканизма, демократии. В отличие от Древнего Востока, античный мир стоит у истоков качественно иного принципа общественного устройства и организации социального управления, суть которого заключается в приоритете частного начала в сравнении с бюрократическим способом организации общественной жизни. Тем самым античность кладет начало новой ветви социокультурного развития мировой цивилизации, существенно отличающейся от той, которая нашла яркое выражение в социальном устройстве аграрных обществ на Древнем Востоке. Достижения античной цивилизации не исчезли бесследно. В известной мере они были восприняты феодальной цивилизацией средневекового Запада, а затем капитализмом, которые унаследовали и развили в новых исторических условиях принцип примата частного-индивидуалистического начала в устройстве общества и в организации социального управления.

Резюмируя изложенное, отметим следующее.

Античное управление является специфической формой бытия принудительной системы социального регулирования. В качестве управляемых (т.е. объекта принудительной регуляции) здесь выступают рабы и приравненные к их положению подневольные и зависимые люди. Субъектами социального управления являются частные собственники (земли, орудий труда, мастерских, рабов) - свободные граждане полиса. По способу реализации античное управление является частнопринудительным, что обусловлено решающей ролью частного (гражданского) сектора в экономике полиса. Следовательно, отношения господства - подчинения реализуются главным образом при помощи средств и способов принуждения, находящихся в распоряжении частных собственников - граждан полиса. Субъекты социального управления объединены в специфическую социально-политическую организацию - гражданскую общину, принципами функционирования которой являются: демократическое формирование институтов непосредственной и представительной власти, контроль за деятельностью должностных лиц, равное (или в соответствии

с имущественным цензом) участие граждан в управлении. Развитие института частной собственности во взаимосвязи с товарно-денежными отношениями, демократический порядок образования и функционирования учреждений власти и управления способствовали значительному развитию спонтанно-статистических видов регулирования (идейно-мировоззренческого, нравственного, рыночного). Однако в структуре регулятивного механизма античного общества основной все же являлась подсистема принудительной социальной регуляции.

Глава IV Феодалная форма социального управления

Становление западноевропейского феодализма связано с третьей крупной "волной" перехода народов от эпохи варварства к цивилизации. Начало этого процесса датируется 6 веком н.э. К этому времени произошли существенные сдвиги в культурном развитии как первобытных, так и раннеклассовых обществ.

В период кризиса античной цивилизации человечество пережило величайшую революцию в области духовной культуры, выразившуюся в возникновении и распространении христианства. В отличие от античного мировоззрения, апеллировавшего к разуму и к избранным и делившего всех людей на свободных и рабов по природе, христианство, апеллируя к вере и народным массам, рассматривало каждого человека в качестве высшего существа, сотворенного богом по своему образу и подобию, и в этом плане свободного и равного другим людям, достойного сострадания и поддержки в любых условиях. По существу это был первый абрис выраженных в специфической религиозной форме идеалов свободы, равенства, солидарности, рассматриваемых не в отношении к избранным, к примеру, гражданам полиса, а по отношению ко всем людям.

Европейское средневековье в технологической цепочке человек - орудие - предмет труда, в отличие от античности, ориентируется не на эксплуатацию личностных факторов производства, а на развитие и совершенствование вещественных элементов технологии.

Античное общество, основанное на рабстве, было весьма консервативным в отношении внедрения в производство технических изобретений. Оно не сумело должным образом распорядиться такими изобретениями, как водяное колесо, превращение кругового движения в возвратно-поступательное и наоборот, а также многими другими достижениями человечества. Средневековье же начинает с аккумуляции опыта, накопленного различными народами, широкого распространения машин, применение которых раньше сдерживалось наличием рабского труда. Самой интересной особенностью средневекового общества, считает С.Лилли, была его способность к перениманию и совершенствованию технических новинок, созданных в других странах. Древние народы в большинстве случаев сильно про-

тивились всяниям из других государств. Техника в Древнем Египте оставалась до его покорения греками на уровне бронзового века. Римляне не сумели воспользоваться техническими изобретениями, сделанными в соседних государствах или даже в самой империи. Но средневековая Европа, напротив, собирала изобретения из всех стран и создавала из них фундамент современной цивилизации (100, 61).

В отличие от античной эпохи в европейском средневековье начинается широкое использование в производстве сил ветра и воды, а также тягловой силы животных. Тягловую силу животных из-за плохой упряжки и ориентации на рабский труд древние греки и римляне использовали в незначительной степени. "Эти три источника силы, которые наконец человек научился рационально использовать, коренным образом изменили положение... Прежде высоты цивилизации были достоянием лишь господствующей кучки. Ее фундаментом служили огромные массы рабов, используемые не как рабочие руки, а как машина, как источник двигательной силы. Но лошадь в усовершенствованной упряжке заменяла теперь в этой роли 10 рабов, а хорошее водяное колесо или хорошая ветряная мельница - работу ста рабов" (100, 67).

Так как движение к цивилизации в Европе вновь было начато от общинно-родового строя, уровень развития производительных сил здесь в эпоху раннего средневековья был значительно ниже в сравнении с поздней античностью и продолжавшими существовать в это время обществами азиатского типа. Однако важно учитывать, что сравнивается ранний, начальный этап в развитии цивилизации средневекового Запада с поздними или зрелыми стадиями в развитии цивилизаций античного или азиатского типа. Через несколько веков ситуация в этом отношении изменилась на прямо противоположную.

В истоках европейской цивилизации лежит иной тип позднепервобытной земледельческой общины. Одна из ее существенных особенностей выражалась в том, что община утратила принадлежавшую ей ранее роль главного собственника земли. Доминирующей стала частная собственность на землю. "Чтобы община обрела действительное существование, свободные собственники земли должны сходиться на собрания" (106, 46, ч.1, 471). Здесь в сравнении с античностью "не собственность отдельного индивида выступает опосредствованной общиной, а, наоборот, в качестве опосредствованно-

го выступаст существование общины и общинной собственности" (106, 46, ч.1, 471).

В ходе дальнейшего развития данная форма собственности эволюционирует в феодальную: свободные производители, пользующиеся землей на правах частной собственности, превращаются в зависимых от крупного землевладельца крестьян - держателей земельный наделов.

В эпоху феодализма оказывается уже существенно подорванной связь производителей с исходной социальной общностью, их "срашенность" с общиной. Однако по-прежнему остается прочным их единство с объективными условиями производства и прежде всего с землей. И только в эпоху так называемого первоначального капиталистического накопления происходит разрыв связи производителей с вещными предпосылками их труда, что означает формирование частной буржуазной собственности.

К числу характерных особенностей развитого феодализма (в Западной Европе - 11-13 вв.) исследователи относят (57, 111-113): 1) господство крупного частного землевладения вотчинного типа (при отсутствии или относительной слабости государственного); 2) условный характер феодальной земельной собственности и наличие связанной с этим вассально-ленной иерархической структуры господствующего класса феодалов; 3) связь крупной земельной собственности с теми или иными формами политической власти, основанной на частноправовых отношениях (вотчинные суды, иммунитеты, полицейские силы); 4) политическую раздробленность феодальных государств при сохранении формального единства, представляемого королевской властью; 5) преимущественно частный (негосударственный) характер эксплуатации крестьян при помощи средств внеэкономического принуждения, находящихся в распоряжении феодалов; 6) относительную, слабость, аморфность, несамостоятельность общинных организаций, многообразие их типов и форм; 7) значительное развитие городов, товарно-денежной экономики и их все более и относительно быстрое возрастающее влияние на феодальные отношения; 8) сословно-корпоративный характер общества с большей или меньшей выраженностью сословных градаций (сословные привилегии, элементы замкнутости сословий, цеховой строй в городах); 9) сильное влияние церкви и преобладание религиозной идеологии. Исходя из обозначенных выше особенностей, можно конста-

тировать, что феодализм, как и античная форма, принадлежит к тому типу аграрных обществ, в экономике которых решающая роль принадлежит частному сектору в сравнении с государственным. Здесь в качестве субъектов социального управления выступают сами частные собственники, организованные определенным образом, а не чиновники аппарата государства. В этом плане и античность и феодализм существенно отличаются от обществ азиатского типа, с решающей ролью в экономике государственного сектора и, соответственно, администрации государства в контроле над всеми сферами общественной жизни.

В качестве же управляемых в средневековой Европе выступают ранее свободные крестьяне-общинники, а в условиях зрелого феодализма превратившиеся в класс зависимых от крупных собственников земли - держателей земельных наделов. Большую их часть составляли мелкие частные собственники земли, самостоятельные хозяйства, находящиеся в разных формах зависимости от крупного феодала. Число других категорий крестьянства (холопов, наемных работников, государственных крестьян) было незначительным.

Эксплуатация ранее свободных, а затем ставших зависимыми крестьян, носит "преимущественно частновладельческий (негосударственный) характер в форме получения от них ренты (в различных видах) с помощью частновладельческих же средств внеэкономического принуждения" (57, 112).

Социально-экономическое положение крестьянства в Западной Европе существенным образом отличается от положения как общинников Древнего Востока, так и рабов и колонов античного мира.

Общинники Древнего Востока, в силу уравнительного характера землепользования в общине и контроля со стороны аппарата государства практически были лишены заинтересованности в интенсификации и совершенствовании земледельческого труда. Рабы и колоны как правило не являлись собственниками земли. Положение колонов в эпоху поздней античности более походило на положение рабов.

Что касается средневекового крестьянства, то право быть собственником земли хотя и было отчуждено у них в пользу феодалов, однако не полностью. Даже представители наиболее зависимых слоев имели участки земли, были заинтересованы в результатах своего

труда, могли создавать семьи, обладали некоторой гражданской правоспособностью.

Для феодального общества характерен особый вид отношений господства-подчинения. В литературе они получили название отношений личной зависимости. Вследствие превалирования этого вида отношений внеэкономического принуждения, социальное управление при феодализме, так же как и в предшествующих ему аграрных обществах, носит принудительный характер. Вследствие доминирования частного сектора в экономике (в сравнении с государственным), оно так же, как и в античную эпоху, является преимущественно частнопринудительным. Вместе с тем регулятивный механизм западноевропейской средневековой цивилизации имеет и свойственные лишь ему специфические черты.

Решающая роль в системе принудительной регуляции феодального общества принадлежит сеньориальной власти, заменившей территориальные органы государственного управления. Вследствие этого каждое феодальное владение превращается в обособленное политическое образование, а между высшей государственной властью и населением встает сеньор, через посредство которого население выполняет теперь свои государственные повинности. Господствующую социальную общность при таком положении дел составляет сословие крупных земельных собственников, наделенных одновременно и судебно-административными полномочиями.

Каждый феодал в своих владениях практически обладал полным набором функций публичной власти. Во Франции, к примеру, феодалы могли: иметь суд и администрацию, чеканить монету, не спрашивая короля, вести войны. В связи с этой особенностью феодализм иногда рассматривается как такая форма, для которой характерно нарушение "нормального" политического и общественного устройства.

Внеэкономическое принуждение выражалось в подвластности и подсудности крестьян феодалам (56, 316). Специального судебно-административного аппарата в поместье, как правило, не было. Судили сам сеньор и его служащие. Они налагали штрафы, подвергали наказаниям и тюремному заключению, выносили смертные приговоры. Территориальная организация судебно-административной власти раннего феодализма в развитый его период была заменена многоступенчатой вассально-ленной иерархией. Место в ней определялось знатностью,

размерами земельных владений, количеством вассалов. Король стал верховным сюзереном по отношению к крупным феодалам. Последние в свою очередь становились сеньорами над более мелкими вассалами. Вследствие этого члены господствующей общности не обладали равными правами на управление общественной жизнью, как это, например, было свойственно эпохе античности. Право быть субъектом управления между ними было распространено неравномерно, так что господствующий класс выстраивался в некую иерархию, конституируемую особым типом управленческих отношений.

Однако в отличие от жесткой централизации и соподчинения в системе управления азиатского типа, феодализму присущ условно-договорный характер связей между вышестоящими и ниже стоящими уровнями в иерархии управления. Их содержанием являлись отношения "личного служения и покровительства". Для управленческих связей с таким содержанием, при всем том, что ее полюсы обладают разным объемом властных полномочий, характерен элемент взаимности, "так что, если невыполнение вассальных обязательств лишает вассала прав на феоде, то и отказ сеньора оказывать покровительство вассалу освобождает последнего ему служить и повиноваться". (56, 316).

Условно-договорный характер феодальных связей порождал потребность в праве. Вследствие этого правовое регулирование выступает здесь значительно более развитым чем, например, в древневосточных обществах. "В средние века, - отмечает А.Я.Гуревич, - существование признавалось лишь за тем, что обладало правовым статусом... . Без санкции права общественное отношение не считалось действительным" (55, 183). Закону подвластны все, в том числе и государь. "Обязанность соблюдать право вытекает не из договора, а из представления об универсальной силе права, которому все подчинены" (55, 181).

Роль центральной публичной власти в феодальном обществе в выполнении функций социального управления (судебных, хозяйственных, административных и иных) была незначительной. Государство здесь "не централизовано и не унифицировано, в нем нет упорядоченной администрации. Единство государства в той мере, в какой оно все же существовало, воплощалось в личности государя" (55, 193). Суверенитет единого государства в эпоху развитого феодализма как бы разделен на множество неравноправных центров публичной власти, хотя и обра-

зующих во взаимосвязи единое государство, но тем не менее обладающих значительной независимостью. Реальные возможности по сохранению единства и целостности страны в эпоху "рассеянного" политическо-го суверенитета были весьма ограниченными. Власть короля в основном распространялась на его собственный домен. В феодальном обществе "государь не синоним и не единственный носитель власти, так как каждый мало-мальский крупный сеньор стремился, и подчас не без успеха, сосредоточить в собственных руках власть над своими людьми и управление ими" (55, 193). Король - это лишь первый среди равных. В некоторых странах король или император (в отдельные периоды) выбирался феодалами. И лишь в эпоху позднего феодализма, "когда возникло "третье сословие", нарождающаяся буржуазия, а огнестрельное оружие и пехота стали брать верх в бою с феодальной конницей, смогли возникнуть европейские "абсолютные монархии", опирающиеся на эти слои" (30, 376).

По мнению Ф.Хайека, "политическая анархия" явилась важным фактором динамизма европейского средневекового общества. К современному индустриализму, полагает он, пришли отнюдь не там, где правительства были сильнее, а в городах итальянского Возрождения, Южной Германии, Нидерландов, Англии, то есть там, где правили горожане, а не воины. Историки заблуждаются, представляя "появление сильного государства как кульминацию культурной эволюции: оно столь же часто служило признаком ее конца" (187, 60).

Особая и весьма существенная роль в системе феодального управления принадлежала католической церкви и религиозному мировоззрению. Усилению католической церкви способствовали специфические условия западноевропейского региона. Вследствие политической раздробленности церковь здесь не только не находилась в экономической и административной зависимости от государства, но и сама претендовала на политическое господство. При этом "господствующая католическая церковь экономически и административно была независима от государства, выдвигала универалистские, теократические притязания, стремилась утвердить примат духовной власти над светской, имела сильную централизованную организацию во главе с папством и в течение всего первого и второго периодов средневековья оказывала особенно заметное влияние на политическую, международную и идейную жизнь общества" (57, 113).

Феодализм и соответствующая ему форма социального управления возникают преимущественно "из разложения не рабовладельческого, а общинно-родового строя у варваров, завоевавших цивилизованные государства античного или азиатского типа, либо живших на периферии таких государств" (56, 316). Под воздействием порядков и культуры этих более развитых обществ у варваров заметно ускорились процессы классового расслоения и образования публичной власти. "Происходит разделение социальных функций между классом, сосредоточивающим в своих руках управление, суд, военное дело, законодательство, образование, религию, и классом трудящихся - крестьянами и ремесленниками, которые будучи оттеснены от общественного управления (доступного всем при родовом строе), оказываются под властью военного класса и духовенства и вынуждены содержать их своим трудом" (56, 316-317).

Раньше уже отмечалось, что основными конкурентами в борьбе за власть в ходе становления раннеклассовых аграрных обществ являлись служилая аристократия во главе с военным вождем и крупная наследственная родовая знать. Азиатская форма социального управления возникла в результате узурпации власти служилой аристократией. Становление феодального управления, напротив, связано с победой в борьбе за власть крупной и влиятельной наследственной аристократии, в течении всего аграрного периода выступавшей носителем сепаратистских тенденций.

В ранний период становления цивилизации средневекового Запада (5-8 вв.) общественно-политическое развитие как будто бы пошло в направлении к азиатской форме социальной организации. В государстве франков, хотя и весьма аморфном в сравнении с бюрократической государственностью цивилизаций Востока, видны черты сходства с азиатским управлением: централизм, наличие бюрократической иерархии, контроль над судопроизводством со стороны чиновников и т.д. Но уже при Каролингах вместо старогерманской системы общего государственного подданства и территориальных органов управления вводится сеньориальная форма общественно-политического и военного устройства, при которой право частной собственности на землю неразрывно связано с правом осуществлять функции публичной власти на принадлежащей сеньору территории.

Теперь уже не государственные органы, а он нес ответственность перед королем за правосудие, охрану порядка и сбор ополчения.

Становлению феодальной формы управления способствовала широкая раздача королем иммунитетных грамот, в силу которых территория, принадлежащая владельцу иммунитета, изымалась, частично или полностью, из ведения государственных властей в судебных, податных, административных делах. На этой территории без разрешения сеньора не могли появиться чиновники короля (173, 65).

В результате всего за полвека произошел развал прежней территориальной организации и замена ее многоступенчатой вассально-ленной иерархией.

Известно, что античная цивилизация была разрушена варварами, начавшими переход от первобытности к цивилизации. Восточные общества также начинают меняться только с появлением европейцев, то есть опять же после толчка извне (157, 19). В этой связи феодальное общество, в отличие от античной и восточной форм, примечательно в том отношении, что в его рамках были созданы предпосылки для самовосхождения на новую ступень культурного развития.

Носителем новаций стал торгово-промышленный город, представлявший собой своеобразную социальную лабораторию по опробованию и кристаллизации элементов общественной жизни, на которых будет основываться последующее социокультурное развитие. "Главной особенностью бюргерского города, столь разительно отличающей его и от античного, и от восточного, являлось то, что это был прежде всего город - производитель, 4/5 его населения составляли самостоятельные ремесленники, обеспечивающие себе "достойное пропитание" трудом рук своих, за счет разнообразных видов торгово-промышленной деятельности" (157, 33).

Если организация управления в любом феодальном поместье имела черты сходства с восточным деспотизмом, то в средневековом городе, напротив, развитие получают элементы демократического устройства власти. Высшим органом власти в городе являлось "собрание всех полноправных граждан города, которое по мере роста городской общины заменялось представляющим такое собрание городским советом" (157, 130).

В то же время, если на Востоке абсолютизировалась роль административного аппарата в ущерб институтам представительной власти, а з античный период гипертрофированными оказались демократические формы в ущерб профессионализму и компетентности, то в средневековом городе оба названных элемента принудительного управления развивались во взаимосвязи друг с другом. Чиновники и администраторы в бюргерском городе составляли "до 15% активного городского населения и обладали большим влиянием, проистекающим, однако, прежде всего из профессиональной компетентности" (157, 130).

Типичной фигурой среди городского населения являлся работающий собственник орудий труда, тесно связанный с рынком. С его деятельностью связано постепенное формирование гарантий для частной собственности, развитие товарно-денежных отношений, рыночного регулятора. Ренессанс товарно-денежных отношений в свою очередь способствовал развитию идей свободы и равенства. Товарно-денежный обмен, как отмечал К.Маркс, "не только уважает свободу и равенство, но и является их реальным базисом, а они являются его продуктом. Как чистые идеи они представляют собой идеализированные выражения различных моментов обмена основными стоимостями; будучи развиты в юридических, политических и социальных отношениях они лишь воспроизведены в других степенях" (106, 46, ч.1, 456).

Складывающиеся новые формы общественной жизни стимулировали развитие права и всей системы правовой регуляции, ибо в "городских объединениях, созданных политическими, конвенционально-учредительными методами, всякое деление на лучших и худших людей или высшие и низшие цехи воспринималось уже не как извечный порядок вещей, а как правовое соглашение, отражающее существующую расстановку сил и вполне доступное пересмотру с изменением этой расстановки" (157, 133).

Величайшим достижением позднего средневековья, существенно ускорившим формирование предпосылок индустриального общества, стало книгопечатание. Знания стали доступными самым широким слоям населения. Ускорился процесс их обновления. "Это была такая же революция, как и открытие железа. Последняя демократизировало орудия труда, а книгопечатание сделало то же самое с источниками познания" (100, 77). За три столетия после изобретения в 1445 г. печатного станка,

полагает Г.Р.Громов, "был подготовлен тот основной научно-технический задел, который привел к первой промышленной революции" (52, 13).

Позднеевропейское средневековье непосредственно стоит у истоков новой формации в развитии культуры человечества. В этот период во всех сферах и областях общественной жизни были созданы предпосылки для перехода от аграрного к индустриальному этапу в развитии мировой цивилизации.

Изложенное выше, можно резюмировать следующим образом.

Цивилизации средневекового Запада свойственен принудительный тип социальной регуляции, что обусловлено преобладанием отношений личной зависимости в структуре общественных связей феодализма. В структуре регулятивного механизма, как и в античном мире, решающая роль принадлежит специфической форме частнопринудительного управления при подчиненной роли регулирования, осуществляемого бюрократическим аппаратом государства. Вследствие этого феодализм как форма общественного устройства и социальной регуляции относится к тому направлению развития мировой цивилизации, которое берет начало в античном мире. В качестве основного объекта социального управления выступают зависимые от крупных собственников земли крестьяне-держатели земельных наделов, а также представители городского населения - ремесленные и торговые слои. Основным субъектом социального управления являются крупные собственники земли, одновременно осуществляющие функции публичной власти над зависимым по отношению к ним населением. Господствующее сословие объединяется в иерархическую корпорацию, в образовании которой решающая роль принадлежит специфической форме общественных связей вертикального типа, соответствующей иерархии форм частного землевладения. Особенности феодальной системы принудительной социальной регуляции являются: а) соединение функций публичной власти с частным землевладением; б) специфический иерархический порядок построения системы управления; выражающийся в условно-договорном характере связи между вышестоящими и нижестоящими уровнями в системе управления. И первое, и второе существенно отличает данный вид иерархии от бюрократического способа организации системы принудительной регуляции. В условиях феодализма, прежде всего в городах, были созданы предпосылки для перехода к новому исторически-конкретному типу социального управле-

ния, который в отличие от систем принудительной регуляции, характерных для аграрного периода, базируется на экономической и духовно-нравственной автономии личности, юридическом равенстве субъектов общественной жизни, добровольном характере общественной связи и некоторых других принципах. Эти предпосылки нашли выражение в становлении предпринимательских форм частной собственности, в распространении рыночной связи, предполагающей использование наемного труда, развитии идей свободы и равенства и в ряде других моментов.

Глава V Аграрная цивилизация России и социальное управление

Итак, в аграрный период цивилизационного развития возникли три крупных регионально-исторических формы общественной жизни. Это цивилизации Древнего Востока, античного мира и европейского средневековья. Все они явились результатом трех крупных исторических волн перехода народов различных регионов Земли от первобытности к цивилизации. Первая волна имела место в третьем и во втором тысячелетии до н.э. в Азии и Африке и связана с применением орудий труда из меди и бронзы. В первом тысячелетии до н.э. в эпоху распространения орудий труда из железа начался переход к цивилизации народов Средиземноморья. Следствием этой волны явилось возникновение античной цивилизации. Становление европейской цивилизации происходило в первом тысячелетии новой эры и связано с дальнейшим развитием материальной и духовной культуры человечества. Каждая последующая культурно-историческая форма, имея собственную специфику и будучи относительно самостоятельной, имела возможность использовать достижения предшественников. В этом отношении особенно выгодное положение занимала цивилизация средневекового Запада, сумевшая аккумулировать достижения как Древнего Востока, так и античного мира.

Решающая роль в системе общественных связей аграрного периода принадлежит отношениям господства-подчинения. Данной структуре общественных связей соответствует и исторически конкретный тип социальной регуляции, с решающей ролью принудительного способа организации социального управления.

В аграрный период принудительный тип социальной регуляции нашел выражение в ряде регионально-исторических форм: азиатской, античной, западноевропейской (феодальной). Исторически первой является азиатская форма, характерная для Древнего Востока. В этом регионе государственное регулирование общественной жизни, опирающееся на иерархически организованный аппарат и средства принуждения, постепенно достигло весьма значительного развития. В конечном итоге оно превратилось в основной структурный элемент регулятивной системы, видоизменив и подчинив все иные способы управления общественной жизнью.

На Древнем Востоке жестко централизованное бюрократическое управление, с одной стороны, способствовало устойчивости, стабильности и независимости обширных социально-политических образований, с другой стороны, порождало застои в социально-экономическом развитии. Возникавшая время от времени политическая раздробленность, хотя и создавала более благоприятные условия для проявления частной инициативы и предприимчивости, в то же время нередко вела к потере народами политической независимости. Наличие взаимоисключающих центробежных и центростремительных тенденций является одним из основных противоречий сферы социального регулирования древневосточных обществ. В поисках его оптимального разрешения аграрные общества Древнего Востока переходят от жесткой централизации системы социального управления к полной политической раздробленности и от этого состояния опять к централизованному управлению. Централизация и стабильность сменяются эпохами смутного времени, с характерной для них децентрализацией. А за ними по прошествии определенного времени вновь следует воссоздание централизованного государства, но уже с более совершенной бюрократической организацией. Цикл повторяется вновь и вновь. При этом в регулятивной системе не возникает ничего принципиально нового, ибо сами по себе переходы от централизации к децентрализации и наоборот не вели к излечению тех болезней, которые были свойственны азиатской форме социального управления.

К существенным недостаткам азиатской формы принудительного управления следует отнести тотальный, деспотический, антидемократический характер государства, поставившего под жесткий контроль правительственной бюрократии все основные сферы общественной жизни и превратившегося тем самым в тормоз соци-

ально-экономического развития. Государство на Древнем Востоке выступило в качестве такого института управления, в руках которого была сосредоточена по существу безграничная власть над обществом. При таком способе управления получалось, что не общество контролирует государство, а, напротив, государство стало господином общества, не народ является источником власти, а сам правитель рассматривал всех других членов общества в качестве своих подданных и слуг и управлял ими не в соответствии с законами, а согласно собственной воле. В итоге складывался мощный механизм социально-экономического торможения, обуславливавший застойный характер древневосточных обществ.

В то же время, как показал последующий исторический опыт, централизованное государственное управление общественной жизнью является таким же достижением цивилизации в сфере социальной регуляции как, скажем, право или рынок. Вследствие этого дальнейший прогресс в развитии социального управления предполагал, с одной стороны, преодоление всевластного, антиправового, антидемократического характера государства, с другой, - сохранение централизованной бюрократической государственности в качестве необходимого структурного элемента системы социального управления. Эта проблема была решена лишь с переходом от аграрного к индустриальному этапу цивилизованного развития.

Типичным для Древнего Востока формам общественного устройства и социальной регуляции по существу в течение всего периода развития мировой цивилизации была свойственна удивительная устойчивость к культурно-историческим влияниям. В модифицированном историческими условиями виде они сохранялись вплоть до XX века, образуя тем самым особую ветвь социокультурного развития, существовавшую наряду и с античной цивилизацией, и с западноевропейским феодализмом.

Вопрос о двух путях социокультурной эволюции имеет принципиальное значение для определения места России в развитии мировой цивилизации, а также особенностей ее регулятивной системы в аграрный период. Учитывая это, остановимся на данном вопросе более подробно.

Около 150 лет тому назад проблема "Восток - Запад" стала одной из основных тем историософских размышлений П.Я. Чаадаева.

Мир, - полагал он, - искони делился на две части - Восток и Запад. И это не только географическое деление, но также и два принципа, две идеи, обнимающие весь жизненный строй человеческого рода. "Сосредоточиваясь, углубляясь, замыкаясь в самом себе, созидался человеческий ум на Востоке; раскидываясь вовне, излучаясь во все стороны, борясь со всеми препятствиями, развивается он на Западе. Соответственно этим первоначальным данным естественно сложилось общество. На Востоке мысль, углубившись в самое себя, уйдя в типичную, скрывшись в пустыню, предоставила общественной власти распоряжение всеми благами человека; на Западе идея, всюду кидаясь, вступая за все нужды человека, алкая счастья во всех его видах, основала власть на принципе права; тем не менее и в той и в другой сфере жизнь была сильна и плодотворна; там и здесь человеческий разум не имел недостатка в высоких вдохновениях, глубоких мыслях и возвышенных созданиях. Первым выступил Восток и излил на землю потоки света из глубины своего уединенного созерцания; затем пришел Запад со своей всеобъемлющей деятельностью, своим живым словом и всемогущим анализом, овладел его трудами, кончил начатое Востоком и, наконец, воспринял все его достижения. Но на Востоке покорные умы, коленоприсклоненные пред историческим авторитетом истощились в безропотном служении священному для них принципу и в конце концов уснули, замкнутые в своем неподвижном синтезе;... между тем на Западе они шли гордо и свободно, преклоняясь лишь перед авторитетом разума и неба, останавливаясь только перед неизвестным, непрерывно вглядываясь в безграничное будущее. И здесь они еще идут вперед..."(205, 529-530).

В современной обществоведческой литературе (отечественной и зарубежной) выделение восточного и западного путей развития мировой цивилизации также широко распространено. За ними, как полагают исследователи, стоят существенные социокультурные и исторические реальности, одни из которых тяготеют к Европе, а другие к азиатскому типу общественного устройства. Исследователи, в зависимости от их научных интересов, фиксируют различные аспекты своеобразия западного и восточного направлений цивилизованного развития. "Исходным глубинным различием между тем, что называют "Западом" и "Востоком", - пишет, к примеру, А.Оболонский, - является базисная ориентация принципов социального устройства на индивида, либо на

некое общественное целое, на Систему. Главный водороздел проходит по тому, что считается первоосновой - личность или социальное целое (будь то племя, община, империя...) ...В персонцентристкой шкале ...все рассматривается через призму человеческой личности. ...В системоцентристкой шкале ценностей индивидуальный человек либо вообще отсутствует, либо воспринимается как орудие или строительный материал для достижения каких либо надьиндивидуальных -"системных"-целей, среди которых всегда были стабильность, неизменность социального порядка, словом, самоконсервация, а также по возможности, экспансия, расширение зоны влияния" (118, 85).

П.В.Востриков к числу особенностей восточного общества относит: сильную роль "центральной власти, преобладание государственной и слабость частной собственности, косность и застойность, отсутствие правовых гарантий и - как следствие - раболепие подданных перед властителями и чиновниками" (41, 43).

Американский историк Д.Тредголд следующим образом характеризует две модели социокультурного развития. Восточному обществу, полагает он, свойственны: политический монизм (сосредоточение власти в одном центре); социальный монизм, означающий, что права и собственность разных общественных групп определяются центральной властью; слабо выраженный принцип частной собственности, которая всегда условна и не гарантирована властью; произвол, суть которого состоит в том, что властвует человек, а не закон; отсутствие понимания личности как абсолютной ценности. Для западной модели, напротив, характерны - политический плюрализм, социальный плюрализм, сильная частная собственность, достаточно развитое правовое регулирование, распространение религиозного понятия абсолютной ценности индивида на все более широкие сферы социума (121, 88).

Таким образом, между восточным (азиатским) и западным (европейским) направлениями социокультурного развития аграрных цивилизаций имеются глубокие качественные различия. Как выше отмечалось, античный мир и цивилизация средневекового Запада относятся к западной модели социокультурного развития. Вследствие этого различия между азиатским типом общества и рабовладельческим или феодальным значительно глубже, чем, к примеру, различие между рабовладением и феодализмом, ибо последние относятся к

одному и тому же типу общественного устройства, характеризующегося решающей ролью частного начала в реализации отношений внеэкономического принуждения. В силу этого является ошибочным отнесение аграрных обществ азиатского типа (древних Египта, Китая, средневековой Византии) к рабовладельческим или феодальным формам общественного устройства. Прав В.С.Степин, который отмечает, что только "в античном мире, в регионе Средиземноморья обнаруживаются социальные состояния, которые можно было бы как-то идентифицировать с рабовладельческим способом производства. ...В древней Индии, древнем Китае, древнеславянском мире историки не находят рабовладельческой формации" (138, 47). Что касается феодализма, то им принято обозначать полицентрическое в экономическом и политическом отношении аграрное общество со слабой центральной властью. Поэтому зачислять по ведомству феодализма централизованное и бюрократически управляемое средневековое общество Византии можно лишь вопреки фактическому материалу.

К какому из двух обозначенных выше направлений цивилизованного развития следует отнести Россию в аграрный период ее истории? Или, может быть, в истории Руси нашло выражение третье направление? В наше время от ответов на эти вопросы во многом зависит выбор путей дальнейшего развития России.

Концепция особого, "третьего", пути России, при наличии рациональных моментов, связанных с подчеркиванием культурного своеобразия России, все же вызывает возражение. Если для России характерна особая модель социокультурного развития, то, как писал П.Я.Чаадаев, "надо еще доказать, что человечество, помимо двух своих сторон, определяемых словами - Запад и Восток, обладает еще и третьей стороной" (204, 176). В прошлом веке идею особого культурного пути России попытались обосновать славянофилы (И.В.Киреевский, А.С.Хомяков, К.С.Аксаков) - современники П.Я.Чаадаева, а затем Н.Я. Данилевский, создавший для этой цели оригинальную историческую концепцию (16). В двадцатые-тридцатые годы нашего столетия идея особого культурного пути России была возрождена движением "евразийцев". Последние видели самобытность России в особом "евразийском" типе цивилизационного развития. В наше время идея особого пути России также имеет своих сторонников.

В названных выше концепциях весьма неопределенна их центральная посылка - о русской самобытности. При ответе на вопрос, в чем она заключается, нередко говорят о дореволюционной России, имея в виду ее культурные традиции. Но, как отмечал Н.А.Бердяев, для русской истории характерна прерывность. "В противоположность мнению славянофилов, она (русская история - В.Г.) менее всего органична. В русской истории есть уже пять периодов, которые дают разные образы. Есть Россия киевская, Россия времен татарского ига, Россия московская, Россия петровская и Россия советская. И возможно, что будет еще новая Россия" (18, 80).

В евразийской же концепции явно абсолютизируется географическое положение России. И в первом, и во втором случае весьма заметна тенденция к абсолютизации особенностей отдельной страны и недооценке единства и преемственности в развитии мировой цивилизации.

Следует подчеркнуть, что возражение вызывает не сам тезис о самобытности русской культуры, а попытка рассматривать особенности культурного развития России как альтернативу усвоения ею ценностей мировой цивилизации, к числу которых относятся институт частного предпринимательства, наличие правовых гарантий свободы личности, правовое государство, демократия, рыночное регулирование и другие. Именно по этому вопросу идет идейная борьба, а не по вопросу признавать ли самобытность культурного развития России или не признавать.

Для раскрытия особенностей регулятивной системы российского общества в аграрный период и определения ее места в общей эволюции социального управления, остановимся кратко на истоках и историческом пути цивилизации России в аграрную эпоху.

Россия, как и страны Западной Европы, как нам представляется, относится к третьей исторической волне перехода народов от первобытности к цивилизации. Это сближает Россию с цивилизацией средневекового Запада. В то же время есть и специфика. В отличие от общины-марки древних германцев, где каждый общинник являлся самостоятельным собственником земли, восточно-славянская община представляла собой объединение родственников, сообща владевших землей, включая пашни, места охоты, реки и озера. Частное начало в восточнославянской земледельческой общине было разви-

то незначительно. Это факт можно расценить как определенную предрасположенность к азиатскому пути социокультурного развития. Как отмечал Ф.Энгельс, там где не образовалась частная собственность на землю, как у азиатских народов и у русских, там государственная власть появляется в форме деспотизма. "Напротив, на завоеванной германцами римской территории мы находим ...отдельные наделы пахоты и луга уже в качестве аллода, в качестве свободной собственности владельцев, связанных лишь обычными для марки повинностями" (106, 19, 497-498). Германская община марка, характеризующаяся господством частной собственности на землю в соотношении с общинным землевладением, под влиянием античной культуры, со свойственными ей еще более развитыми традициями частной собственности на землю, заключенных в системе римского частного и публичного права, легко эволюционировала в направлении к феодализму, принципами организации которого являлись: иерархия частной собственности на землю и наделение собственников функциями публичной власти.

К российской специфике следует отнести и территориальную удаленность России от центров античной культуры, что усиливало изоляционизм и препятствовало усвоению ею высших достижений культурного развития, накопленных человечеством к этому времени.

К концу X века на Руси складывается единое государство, состоящее из крупных территориальных единиц - волостей, управляемых князьями-наместниками киевского князя. С этим же периодом связано событие огромного исторического значения - принятие Русью восточной (византийской) ветви христианства - православия. Для Византии этого периода был характерен азиатский тип общественного устройства и социального управления с решающей ролью администрации государства по отношению к другим субъектам (частным собственникам, земледельческим общинам и т.д.). "Многоступенчатая феодальная иерархическая лестница в Византии так и не создалась, - пишет З.В.Удальцова, - что было закономерно при наличии в империи сильной централизованной власти и развитой бюрократии" (164, 139). В империи весьма слабо было развито правосознание, культивировалось пренебрежительное отношение к праву, власть императора имела деспотический характер. Церковная иерархия контролировалась светской властью.

Принятие православия приобщило Русь к духовным ценностям христианства, способствовало распространению письменности и грамотности, открыло доступ к античной культуре и прежде всего культуре Византии, достигшей в этот период значительных успехов, упрочило международное положение страны.

В то же время, как полагает А.Янов, Русь заимствовала от Византии не только свою религию, но и церковную иерархию, не только церковные обряды, но и навыки административного и политического управления. "Вторжение мощной и древней политической культуры, перманентно стагнирующего деспотизма, - пишет он, - не сумело разрушить первоначальный динамический европейский импульс, свойственный Киевской Руси, но привело к раздвоению ее политической традиции на европейскую и византийскую" (219).

По мнению Д.Е.Фурмана, выбор князя Владимира способствовал: а) созданию мощного централизованного государства, б) культурной изоляции России. Последнее еще усугубилось тем, что после завоевания в 1453 г. турками-мусульманами Византии "Россия фактически оказалась единственным православным государством, и контакты с единоверческими культурами, и без того ограниченные церковной независимостью и славянским языком богослужения, сводятся к нулю просто тем, что таких свободно развивающихся в условиях государственной независимости православных культур нет" (184, 98).

Согласно П.Я.Чаадаеву, культурная замкнутость России, застойный характер общественного развития, порабощение народа - все это в конечном итоге явилось следствием принятия восточной ветви христианства. В период, когда складывалась цивилизация, Россия обратилась к "жалкой, глубоко презираемой" народами Европы Византии, чей "нравственный устав" она положила в основу своей жизни. Когда же было свергнуто чужеземное иго "только наша оторванность от общей семьи мешала нам воспользоваться идеями, возникшими за это время у наших западных братьев,- мы подпали еще более жестокому рабству... Мы... замкнулись в нашем религиозном обособлении, и ничто из происходившего в Европе не достигало нас. Нам не было никакого дела до великой мировой работы... В то время, как христианский мир величественно шествовал по пути, предназначенному его божественным основателем, увлекая за собой поколения, - мы, хотя и носили имя христиан, не двигались с места.

Весь мир перестраивался заново, а у нас ничего не соиздалось, мы по-прежнему прозябали, забившись в свои лачуги, сложенные из бревен и соломы. Словом, новые судьбы человеческого рода совершались помимо нас" (204, 30-31).

В середине XII века на Руси наступает период феодалной раздробленности (в Западной Европе этот процесс был наиболее ярко выражен в X-XII вв.). Возникает целый ряд самостоятельных вотчин-княжеств: Киевское, Черниговское, Смоленское, Новгородское, Рязанское и другие.

Таким образом, несмотря на некоторые осложняющие факторы (относительно позднее, в сравнении с народами Европы, приобщение восточных славян к цивилизованным формам жизни, значительная удаленность от центров античной культуры, принятие христианства от деспотической Византии) в целом социокультурное развитие России в ранний период средневековья (Киевская Русь) шло по общевропейскому пути: от раннефеодалной государственности к сеньориальным (вотчинным) формам землевладения и отправления функций публичной власти. Но в отличие от Западной Европы, где развитые традиции частного землевладения способствовали быстрому росту сеньориального землевладения, на Руси этот процесс шел гораздо медленнее.

Татаро-монгольское нашествие усилило изоляцию России от Западной Европы, способствовало укреплению деспотического характера публичной власти, ощутимо замедлило развитие экономики и культуры в целом. "Общепринято мнение, - писал Н.А.Бердяев, - что татарское иго имело роковое влияние на русскую историю и отбросил русский народ назад" (18, 79). В наше время вопрос о влиянии татаро-монголов на Русь решается не столь однозначно. Согласно варианту евразийской концепции Л.Гумилева, "русские княжества, принявшие союз с Ордой, полностью сохранили свою идеологическую независимость и политическую самостоятельность. ...Русь была не провинцией Монгольского улуса, а страной, союзной великому хану, выплачивавшей некоторый налог на содержание войска, которой ей самой было нужно" (54, 134). Однако факты свидетельствуют, что татаро-монгольское нашествие усилило экономическую отсталость Руси, выступило в качестве фактора, способствовавшего эво-

люции России в направлении к азиатскому типу социально-экономической и политической организации общества.

После освобождения от татаро-монгольского ига в конце 15 века происходит объединение русских земель в единое государство с центром в Москве. Хронологически формирование русского централизованного государства совпадает с процессом становления систем абсолютизма в Западной Европе. Однако вследствие существенных различий в уровне развития материальной и духовной культуры, векторы этих двух процессов прямо противоположны друг другу. В Западной Европе абсолютизм являлся следствием усиления городов, развития промышленных форм частной собственности, экспансии товарно-денежных отношений, ослабления личной зависимости крестьян. В сущности западноевропейский абсолютизм являлся необходимым моментом формирования предпосылок для восхождения на индустриальную стадию цивилизованного развития.

В России же, с ее экономической отсталостью, создание разветвленного аппарата публичной власти во главе с царем, сопровождавшееся закрепощением крестьян, означало начало ее эволюции в направлении к восточной модели общественно-политического устройства. Конечным итогом явилось возникновение специфической модели азиатского общества, которую можно охарактеризовать как самодержавно-государственно-крепостническую.

Таким образом, в России, начиная с конца 15 и в течение последующих веков, получила развитие специфическая разновидность азиатской формы социального управления, характеризующаяся решающей ролью аппарата государства в системе общественных отношений, подчиненным положением по отношению к государству других субъектов социального управления (частных собственников, церкви), монархической формой правления, наличием системы крепостного права.

Реформы Петра I модернизировали эту систему социального управления, однако не изменили ее сути. В то же время с реформ Петра I начинается сближение России и Европы, ибо попытки преодолеть экономическую и культурную отсталость России неизбежно означали и шаг в этом направлении.

В 60-70 гг. XIX века в России были проведены реформы, означавшие серьезное продвижение в направлении к обществу запад-

ного типа. Реформы способствовали формированию начал гражданского общества. За периодом реформ Александра II последовала эпоха контрреформ, охватившая все царствование Александра III (1881-1894). В результате Россия к началу XX века подошла с государственно-бюрократической формой управления во главе с монархом-самодержцем и наличием некоторых предпосылок в экономике, политической, социальной и духовной сферах для перехода к западной модели общественного развития.

Упомянутый выше американский историк Д.Тредголд следующим образом оценивает эволюцию России, начиная с 15 века. Россия, по его мнению, начиная с 1450 года проходит стадию сдвига в сторону восточной модели и к 1700 году уже становится Востоком. Затем, после реформ Петра I, наблюдается медленный сдвиг в противоположную сторону, и к 1917 г. Россия оказывается на пороге институционального водораздела, создаются слабые, хрупкие предпосылки перехода в поле тяготения западной модели, но большевистская революция ломает эти предпосылки, и Россия вновь отбрасывается к типу восточного развития (121, 88).

Итак, Россию по времени перехода от первобытности к цивилизации можно отнести к странам третьей волны, то есть к семье европейских народов. Так же как западноевропейские страны она восприняла духовные ценности христианства и пережила период политической раздробленности, хотя и в специфической форме. Однако, вследствие татаро-монгольского нашествия, длившегося на Руси более 200, лет и целого ряда других факторов, Россия значительно отстала от Западной Европы в развитии промышленности, торговли, предпринимательства, гарантий прав собственности. В результате в России, начиная с конца XV века, складывается разновидность азиатской модели общественной организации и социального управления. И только во второй половине XIX века, когда в западных странах завершается промышленный переворот и упрочивается капитализм, со свойственной ему социальными, политическими и духовными катаклизмами, в России вновь приобретает остроту и актуальность проблемы, связанные с переходом к западноевропейской модели общественного развития.

РАЗДЕЛ V

ИНДУСТРИАЛЬНАЯ СТАДИЯ ЦИВИЛИЗАЦИИ И СОЦИАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

Глава I. Рыночный тип социального управления

Коренные изменения в структуре преобразующей технологии, свойственной аграрному периоду цивилизации, произошли в конце XVIII - начале XIX веков. В Англии, первой ставшей на путь радикальных изменений в культуре, промышленный переворот произошел в последней трети XVIII - первой четверти XIX веков. В результате был совершен переход от использования ручного труда в мануфактуре к машинному производству на фабрике. В сравнении с исходным рубежом во много раз возрасла производительность человеческой деятельности. "Производительность труда в английском обществе увеличилась ... в течение семидесяти лет на 2700 процентов, то есть в 1840 году за день производилось в 27 раз больше, чем в 1770 году" (106, 4, 125). В результате к 40-м годам 19 века Англия превратилась в передовую промышленную державу.

Вслед за Англией на путь радикальных изменений в сферах материальной и духовной культуры вступила Франция. Начало промышленного переворота совпало здесь с периодом наполеоновской империи. К началу 30-х годов фабричная индустрия, основанная на машинной технике, пришла на смену предприятиям мануфактурного типа. К середине XIX века промышленный переворот был завершен и Франция заняла второе (после Англии) место по количеству выпускаемой продукции и первое место на европейском континенте.

В Германии промышленная революция развернулась в конце 40-х годов XIX века, а к началу 70-х Германия вышла на первое место в Европе по многим видам промышленной продукции.

Начало промышленного переворота в США относится к концу XVIII века, а завершение произошло после окончания гражданской войны (1861-1865). Наличие рабства в Южных Штатах, нехватка рабочих рук, как и населения вообще, обусловили замедленный характер внедрения индустриальных технологий.

К 70-м годам XIX века в странах, ставших на путь промышленного развития, были созданы производительные силы, превосходящие в этом отношении все то, что было создано человечеством за весь предшествующий период. В ходе структурных изменений промышленность заняла доминирующие позиции по отношению к земледелию.

Еще в 19 веке, отмечает О.Тотфлер, аграрная цивилизация выглядела достаточно прочной и могло даже показаться, что она будет и дальше определять облик мира. Но случилось иначе. "Произошел взрыв, ударные волны от которого обошли всю землю, разрушая прежние общества и порождая совершенно новую цивилизацию. Таким взрывом была ...промышленная революция. Высвобожденная ею гигантская сила, распространившаяся по миру - вторая волна - пришла в соприкосновение с институтами прошлого и изменила образ жизни миллионов" (160, 85).

По мере созревания материальных предпосылок для технологического и экономического переворотов в последние столетия аграрного периода формировались идеологические концепции, выражавшие необходимость радикальных перемен в социально-экономическом и политическом устройстве общества. Буржуазные революции привели к возникновению систем свободного предпринимательства, положили начало изменениям в политико-правовой сфере, создав тем самым благоприятные условия для дальнейшего развития индустриального общества.

Качественно более высокий этап в развитии материальной и духовной культуры неизбежно порождает адекватную достигнутому состоянию структуру общественных связей. Отношения господства-подчинения, способом бытия которых являлся преимущественно натуральный кругооборот труда и услуг, перестают играть решающую роль в обществе, уступая место новому исторически конкретному типу общественных отношений.

Основу этого типа общественных отношений составляет машинное производство и развитое разделение труда. Бытие людей в качестве товаропроизводителей здесь играет основную роль. По характеристике К.Маркса, в это время впервые создается система всеобщего обмена веществ, универсальных отношений, всесторонних потребностей и универсальных потенций (106, 46, ч.1, 101). Промышленный труд с точки зрения разнообразия и эффективности существенно отличается от преобразующей деятельности аграрных

обществ. Отсюда проистекает и различие исторических типов обмена деятельностью, присущих аграрной и индустриальной стадии. В аграрный период преобладает натуральное производство и обмен деятельностью и ее продуктами в их натуральном выражении, в то время как на индустриальной стадии решающая роль принадлежит разнообразным видам товарного производства и товарно-денежному обмену.

Специфической особенностью рыночной связи является равноправный и добровольный характер обмена. Здесь к "определению равенства присоединяется еще и определение свободы... Ни один из обменивающихся не захватывает чужой собственности насильно. Каждый передает ее добровольно... Каждый из индивидов, рефлектирован в себя как исключительный и господствующий (определяющий) субъект обмена"(106, 46, ч.1, 190-191). Учитывая добровольный характер товарно-денежного обмена, структуру общественных отношений, в которой решающая роль принадлежит рыночной связи, можно обозначить как либеральный тип общественных отношений.

В условиях рыночной связи индивиды противостоят друг другу в качестве юридически свободных собственников, товаровладельцев, которые могут по собственному усмотрению распоряжаться своими товарами. Таковы, например, рабочий и предприниматель - основные фигуры капиталистического общества. Первый является собственником своей рабочей силы, второй - собственником средств производства.

Следует различать простое и капиталистическое товарное производство. Первое было широко распространено на аграрной стадии цивилизации. Однако даже при его значительном развитии доминирующие позиции все же сохранялись за натуральным хозяйством. Возникновение капиталистической или, другими словами, предпринимательской формы рыночной связи внесло существенные коррективы в организацию сотрудничества людей, что выразилось, прежде всего, в переходе от принудительных форм организации общественного труда к основанным на добровольном соглашении. В результате многократно повысилась производительность труда, стало возможно снятие натуральных форм хозяйственной деятельности и их социально-экономической формы - отношений господства-подчинения.

В капиталистическом обществе способу управления, связанному с юридическим равенством субъектов общественной жизни, их свободой от принуждения со стороны государства и частных лиц, автономным принятием решений, в системе социального управления начинает принадлежать решающая роль в сравнении с механизмом принудительной социальной регуляции.

Формирование спонтанно-статистического способа социального управления прошло ряд стадий. При переходе от первобытности к цивилизации произошло радикальное изменение регулятивного механизма общества. Оно выразилось в том, что в нем регуляторы цивилизационного типа в сравнении с традиционными стали играть ведущую роль.

Развитие цивилизационного управления в связи с усложнением общественной жизни шло по двум направлениям. Одно из них - разделение субъекта и объекта регуляции, формирование специализированного аппарата управления и управленческих связей, создание и совершенствование системы наказаний и поощрений. Данная линия явилась выражением принудительного начала в развитии конкретно-исторических систем социального управления.

Другое направление связано с развитием автономии личности и формированием таких способов социальной регуляции, в которых люди могут принимать решения относительно своего поведения без посредников, то есть самостоятельно, на свой страх и риск. К такого рода способам социальной регуляции относится и рыночное регулирование, базирующееся на принципах юридического равенства субъектов общественной жизни и свободы граждан в границах, обозначенных законом, от произвола публичной и частной власти.

Таким образом, в ходе развития цивилизации произошла дивергенция принудительного и добровольного способов организации сотрудничества людей. Вследствие этого традиционные, принудительные и либеральные подсистемы управления выступили в качестве необходимых структурных элементов исторически конкретных систем социального управления эпохи цивилизации. Однако их способ связи в единое целое в аграрный и индустриальный период цивилизованного развития существенно различаются. В аграрных обществах решающая роль принадлежит принудительным способам регуляции. Что касается идейно-мировоззренческого, нравственного

и рыночного регуляторов, то все эти способы упорядочения жизни людей, предполагающие индивидуально-личностный выбор и добровольное волонтерство, в этот период либо слаборазвиты, либо носят несамостоятельный характер и подвержены принудительному контролю. С переходом к индустриальному обществу в регулятивном механизме общества происходят революционные изменения. Регуляторы спонтанно-статистического типа, в том числе и рыночное регулирование, в системе социального управления занимают доминирующее положение. Принудительные способы социальной регуляции не исчезают. Однако существенно изменяется их роль и значение в регулятивной системе общества.

Одним из существенных моментов происшедшего переворота являлось изменение места и роли правового регулирования, что выразилось прежде всего в отграничении и обособлении права от правительственной иерархии, так и от нравственности и религии.

В докапиталистических обществах "право не вычленилось как автономная область, не отделялось от религии и нравственности и не приобрело формально-рационального характера" (29, 30). С большим основанием можно утверждать, пишет в связи с этим Э.Ю.Соловьев, что лишь "в 16-17 веках впервые появляется на свет действительное правосознание в его отличии от нравственности, от религиозного суждения о запретном и греховном, а также от простой рефлексии в наличный (указно-запретительный или указно-разрешительный) закон" (151, 148).

В идейно-теоретическом плане весомый вклад в преодоление характерных для аграрного периода отношений господства-подчинения и присущих им системы принудительной регуляции внесли идеологи классического либерализма Д.Локк, Ш.Монтескье, Адам Смит, И.Кант и другие. В этой связи можно утверждать, что в период позднего средневековья (начиная с эпохи Возрождения и Реформации), в Европе свершилась величайшая духовная революция, сопоставимая по своей значимости с возникновением и распространением христианства. Если первая (христианство) эмансипировало человеческую личность, превратив раба в высшее существо, наделенное божьей искрой и свободой воли, то вторая в конечном счете превратила подданных абсолютистского деспотического государства в свободных граждан, наделенных неотчуждаемыми и "непроницаемыми" для государства и иной публичной власти правами.

свободой совести, слова, печати, собраний, правом на собственность и автономное решение экономических проблем, правом на участие в формировании высших органов государственной власти. Если в период поздней античности шел процесс превращения свободных граждан в подданных императора, то в эпоху позднего средневековья, напротив, были созданы концепции, определившие пути превращения подданных в свободных граждан. "Раннебуржуазная философия права от Локка до Канта, - пишет Э.Ю.Соловьев, - упорно настаивает на том, что в разумном обществе любым государственным запретам, требованиям и совестям должно предшествовать первоначальное признание-дозволение. Суть его в том, что каждый член общества принимается за интеллектуально (а потому и граждански, нравственно) совершеннолетнее существо, которое не нуждается в чужой подсказке при определении того, что для него желательно, выгодно или ценно. Государство обязано, соответственно, категорически запретить кому бы то ни было (в том числе и себе самому) обращаться с человеком как с ребенком, которого надо водить на помочах, и вторгаться в сферу его самостоятельных практических суждений. Но отсюда следует, что людям должно быть категорически разрешено думать так, как они думают, свободно распоряжаться своими силами и имуществом" (151, 410-411).

В процессе становления либеральной системы общественных отношений существенно изменилось само понимание права, что некоторыми исследователями оценивается как "коперник-ковский переворот" в правопонимании (151, 407). В этой связи принципиальное значение приобрело "четкое разграничение между правом как системой строго формализованных, абстрактных норм поведения, регулирующих связи между субъектами права - формально равными индивидами, и, с другой стороны, правом как системой правительственных административно-бюрократических распоряжений, регулирующих вертикальные отношения между людьми, т.е. разную степень их подчинения, и определяющих не границы свободы индивидов, но положительные обязанности конкретных групп и должностных лиц" (29, 30). Только право первого типа стало рассматриваться в качестве адекватного выражения идеи права, права по преимуществу.

Принципиальное значение имело признание и законодательное закрепление неотчуждаемых "естественных" прав и свобод гра-

ждан. К их числу относились право человека на жизнь, безопасность, свободу совести, собственность, сопротивление угнетению и другие. С переходом к индустриальному обществу в практике принудительного управления начинает действовать принцип, регулирующий активность граждан в различных областях общественной жизни: "разрешено все, что не запрещено законом", в то время как в аграрный период действовал прямопротивоположный: "запрещено все, что не разрешено законом".

Одновременно на право возлагалась задача "принудительного ограничения самой принуждающей государственной власти". Право в связи с этим стало трактоваться как такая нормативная система, которая "позволяет лимитировать административно-бюрократический произвол и препятствует тому, чтобы мощная централизованная власть выродилась в деспотическую и диктаторскую" (151, 411) Соответственно, полномочия и деятельность государственных служб и чиновников уже регулировались принципом: "запрещено все, кроме прямо дозволенного законом".

В связи с признанием неотъемлемых прав человека и гражданина относительную самостоятельность и независимость от правительства и церкви приобретали идеологическое и нравственное регулирование общественной жизни. В аграрный период нравственное, религиозное и правовое регулирование незначительно отграничивались друг от друга и в этом синкретичном единстве нередко выступали в качестве инструментов государственной регуляции. С переходом к принципу верховенства права и, следовательно, правовому регулированию общественных институтов (в том числе государства и церкви) идейно-мировоззренческое и нравственное регулирование приобретают относительную самостоятельность в системе социального управления. Открывался путь к идеологическому и мировоззренческому плюрализму. В новых условиях теряли легитимность и законность попытки принудительного осчастливливания, любые формы патернализма в отношении достигших совершеннолетия людей. В действие вступали принципы нравственной автономии личности, свободы совести и выбора убеждений.

Право, таким образом, стало рассматриваться как автономная сфера регулирования, опирающаяся на государственное принуждение и охраняющая свободу человека и его права от произвола как частных лиц, так и государства. Ему вменялось стоять на страже "не

только против общепризнанных преступлений (убийства, воровства, шантажа, вымогательства и т.д.), но и против принудительного осчастливливания и принудительного совершенствования людей" (151, 405). Тем самым преодалевался деспотизм - одна из характерных особенностей принудительных систем регуляции аграрного периода, проявлявшаяся как на публичном, так и частном уровне.

Деспотизм в известной мере является антиподом правовой государственности. Уже в античную эпоху была осознана необходимость излечения систем социального управления от этой болезни. Однако в аграрную эпоху для этого отсутствовали необходимые культурно-исторические предпосылки. И лишь с переходом к индустриальному этапу цивилизации в связи с радикальным преобразованием всей системы социальной регуляции, провозглашением и фактической реализацией принципов верховенства права и разделения властей было положено начало в преодолении деспотизма в организации и функционировании публичной власти.

Ранее отмечалось, что с переходом к позднему феодализму в 15-16 вв. в западноевропейских странах преодолевается политическая раздробленность и происходит возвращение к централизованной государственности, принципами функционирования которой являются централизм, бюрократическое соподчинение органов государственного управления, административно-территориальное деление, назначение должностных лиц.

С переходом от позднего феодализма к индустриальному обществу централизованная бюрократическая государственность сохраняется, однако существенно изменяются полномочия и порядок построения и формирования органов государственного управления и прежде всего центральной власти. Верховная власть начинает строиться в соответствии с принципами верховенства права, разделения властей (законодательной, исполнительной, судебной), демократического формирования ключевых структур публичной власти. В первой трети XIX века в немецкой политико-юридической литературе появляется термин "правовое государство", призванный в концентрированном виде выразить изменения в политико-правовой сфере, происшедшие с переходом к индустриальному обществу. Идеал правового государства, сформировавшийся внутри раннебуржуазной идеологии, постепенно наполнялся практическим содержанием и нигде в мире не реализован в полной мере. Однако это не

мешает ему быть непреходящим завоеванием политической и правовой культуры, одним из существенных достижений современной цивилизации. "Кто только, - пишет в связи с этим Э.Ю.Соловьев, - не силился низвести его до статуса кабинетной абстракции, либеральной фразы, исторически ограниченной иллюзии! Это делали философски-глубокомысленные приверженцы реставрированных монархий и бойкие адвокаты бонапартизма, глашатаи "германо-христианского духа" и вожди славянофильства, фанатики национал-социализма и неистовые ревнители пролетарской диктатуры. Идеал выступал и обнаружил свою принципиальную неодолимость" (151, 430-431).

Признание неотчуждаемых от личности и независимых от государства прав человека, проведение в жизнь принципов автономии и верховенства права по отношению к любому субъекту общественной жизни, в том числе и к государству, урегулирование и разделение посредством права полномочий между различными ветвями публичной власти (исполнительной, законодательной, судебной) означало относительное обособление государства от гражданского общества и превращение его в правовое государство. При этом примат принадлежал уже не государству, а гражданскому обществу, которое при помощи разнообразных средств и способов контролировало деятельность государства.

Само же гражданское общество в результате "коперниковского" переворота в праве и введения в действие законодательных ограничений для правительства, упорядочивалось уже в основном регуляторами спонтанно-статистического типа: рыночным, нравственным, идейно-мировоззренческим. При этом в сфере хозяйственной решающая роль в координации разнообразной деятельности миллионов людей принадлежала открытой Адамом Смитом "невидимой руке", то есть рыночному регулированию.

В гражданском обществе каждый индивид ориентирован на достижение своей собственной частной цели. При этом целевые установки, являясь выражением интересов независимых друг от друга частных лиц, в то же время в определенной степени отражают потребности общества в целом. "Каждый преследует свой частный интерес, и тем самым, сам того не зная и не желая, он служит частным интересом всех, то есть общим интересам" (106, 46, ч.1, 99). Интересы частных лиц в то же время выступают в качестве "общественно определенных интересов". Возникает вопрос, каким образом направляется и упорядочивается деятель-

ность частных собственников, которые функционируют в капиталистическом обществе не как механические части, а как его системные элементы? При этом ясно, что деятельность и поведение индивидов не направляются из центра при помощи сознательно составляемой программы общественного развития.

Исследование показывает, что здесь главным регулятором, который выступает "от имени" всего общества, является рынок. "Стихия рынка, - пишет В.Г.Афанасьев, - при капитализме является главной управляющей силой не только производства, но и социальных отношений: она заставляет людей действовать (независимо от того, каковы их собственные силы) соответственно природе, требованиям социальной системы" (14, 45)."

В общем плане рынок представляет собой специфическую, исторически возникшую форму сотрудничества людей, к принципам функционирования которой относятся наличие правовых и политических гарантий прав частной собственности, свобода личности, равноправие, материальная заинтересованность, конкуренция и другие. Рынок как специфическая форма сотрудничества противостоит принудительной кооперации, которая базируется на прямо противоположных началах.

Рынок как форма сотрудничества людей включает в себя вещественно-энергетическую и информационную сторону. Специфическая форма управления является необходимой стороной данного типа кооперации общественного труда. Возникает и специфическая форма информационного обеспечения данного управления, связанная с появлением особого типа сигналов, называемых ценами (187, 57).

В системе рыночного регулирования в качестве субъектов (и одновременно объектов социального управления) выступают юридически равноправные лица и их объединения. В отличие от принудительного управления, для которого характерны специальные управленческие связи вертикального типа, при рыночном регулировании, напротив, решающая роль принадлежит горизонтальным управленческим связям, имеющим случайный характер.

Высший уровень при таком способе управления складывается статистически. Это означает, что он состоит из множества автономных управляющих систем нижних уровней управления, которые обмениваются между собой информацией в случайном режиме. Связи между управляющими системами носят вероятностный характер. В качестве

автономных управляющих систем выступают отдельные собственники с их частными интересами.

Важная роль в рыночном регулировании принадлежит ценам. В условиях рынка цены выполняют ряд функций: информационную, стимулирующую, распределения доходов. При этом, как отмечают исследователи, "невозможно использовать рыночные цены в качестве передатчика информации и стимула реагировать на эту информацию без того, чтобы они оказывали влияние (пусть даже не определяющего) на распределение доходов" (182, 46). Если то, что человек получает не зависит от цены на услуги, которые он предоставляет, то нельзя рассчитывать на его заинтересованность в том, чтобы стремиться получать информацию о ценах и действовать в соответствии с этой информацией. Если функция распределения доходов отделена от информационной функции цен, то по существу рушится все здание рыночного регулирования.

Схематично функционирование рыночного регулятора можно представить следующим образом. В процессах меновых отношений индивиды получают информацию о существующем на определенный момент времени спросе, предложении, цене товаров. Перерабатывая информацию, индивиды стремятся найти такие варианты и способы деятельности, которые принесут им наибольшую прибыль. Выбранный вариант воплощается в жизнь. На этапе обратной связи в ходе реализации изготовленных предметов и предлагаемых услуг рынок оценивает результаты деятельности индивидов с точки зрения существующего в момент реализации спроса, предложения, цены товаров. После этого, если возникает необходимость, индивиды корректируют свою деятельность, учитывая произошедшие изменения.

В отличие от механизма обычаев и традиций, где деятельность и взаимные отношения людей сравниваются на этапе обратной связи с традиционным образцом, при рыночном регулировании обратная связь осуществляется путем сопоставления результатов деятельности со спросом и предложением в момент их реализации. Рынок задает направление деятельности и контролирует ее результаты, но вид деятельности и способы ее осуществления в конкретных обстоятельствах индивиды в пределах, определенных законом, выбирают сами. При традиционном же управлении деятельность целиком регламентирована.

Рынок как способ упорядочения общественной жизни относится, как отмечено ранее, к числу регуляторов рационального типа.

Однако, вследствие специфических особенностей рынка, типичная для него форма рациональности характеризуется полицентризмом, узкой фокусированностью и локальной ограниченностью. Такая рациональность ориентирована лишь экономической выгодой и свойственна частным лицам, отдельным предприятиям и фирмам. Но она не распространяется на макроуровень общества и не устраняет элементов стихийности и иррациональности в его развитии.

Результатом такого положения дел является весьма ощутимый момент иррациональности и стихийности в общественном развитии, выражающийся в регулярных экономических кризисах, существенных различиях в уровне жизни людей, росте безработицы, нестабильности социального развития и других.

Разительный контраст между рациональной организацией управления на отдельном предприятии и стихийным характером общественного развития в целом породил представления о плодотворности перенесения принципов организации управления на отдельной фабрике на общество в целом. Однако, как показал исторический опыт, директивное централизованное управление экономикой, в силу сложности общественной жизни в индустриальный период, оказалось еще менее эффективным, чем рыночное. Позволив концентрировать силы и средства общества на решении важнейших народнохозяйственных задач, оно в то же время не устранило диспропорций экономического развития. Кроме того, оказалось подверженным другим болезням: волюнтаризму власти, бюрократизации, уравнительности, что в конечном итоге обусловило застойный характер общественного развития.

Рыночное регулирование эффективнее централизованного директивного управления экономикой "по той простой причине, что миллионы глаз видят больше и лучше, чем несколько, и что способы достижения большей эффективности найти и реализовать намного легче, когда выгоды, связанные с реализацией излишков, ищут миллионы людей, а не горстка людей, какими бы умными они не были и какими бы техническими средствами они не располагали" (8, 31).

Следует признать, что рынок, порождая ряд острых проблем и противоречий общественного развития, все же является наиболее адекватным способом регулирования экономики в условиях индустриального общества. По характеристике Ю.Шишкова, "рынок выступает гигантским "суперком-пьютером", собирающим, перерабатывающим в реаль-

ном режиме времени колоссальные объемы точечной информации и выдающим обобщенные данные по всему тому хозяйственному пространству, которое он охватывает". "Неисчислимые "датчики" этого механизма чутко улавливают малейшие изменения во всех системах национального экономического организма, который вмонтирован в мировое хозяйство и активно с ним взаимодействует... В форме колебаний цен, процентных ставок, курсов акций и т.п. они доступны каждому предпринимателю, позволяют ему постоянно сверять различные параметры собственного производства с изменяющейся конъюнктурой и своевременно принимать меры по снижению издержек производства, повышению качества своих товаров или услуг, изменению их ассортимента и т.д. Это и обеспечивает непрерывный технический прогресс, быстрое и все ускоряющееся освоение новых технологий, постоянное повышение качества жизни общества" (212, 121). Рыночный механизм регуляции, полагает Ю.Шишков, - такое же великое детище цивилизации, как и математика, электроника или иные достижения культурной эволюции человечества.

Когда мы говорим о рыночном типе социальной регуляции, то имеем ввиду особенности системы управления индустриального общества, в которой действуют регуляторы традиционного, принудительного и спонтанно-статистического типа. К последним относятся идейно-мировоззренческое, нравственное, ценностно-оценочное и рыночное регулирование. В данной системе социального управления рыночному регулятору в сфере делового, хозяйственного сотрудничества принадлежит решающая роль. Посредством же элементов и способов принудительной регуляции (право, государство, средства принуждения) создаются необходимые условия для функционирования рынка и обеспечивается упорядоченность хозяйственной деятельности в сферах, рынком не охваченных.

В системе рыночного регулирования, как отмечено, связи управления носят не вертикальный, а горизонтальный характер. Здесь отсутствует деление на руководителей и исполнителей, управляющих и управляемых. Все субъекты деятельности обладают равным правом на принятие управленческих решений. Рыночное управление полицентрично. Здесь нет специального центра, который посредством обязательных для исполнения директив и приказов направляет и координирует деятельность частных фирм и корпораций. Упорядоченность и согласованность разнообразных видов деятельности миллионов людей достигается

не в результате функционирования такого центра, а является следствием осуществления между ними обмена информацией и автономного принятия ими управленческих решений.

Вместе с тем было бы ошибочно полагать, что рыночный тип социальной регуляции носит принципиально "негосударственный" характер. Напротив, наличие рынка с самого начала с необходимостью предполагает выполнение государством целого ряда управленческих функций, без которых его бытие невозможно. Таким образом, можно говорить о перераспределении функций управления между спонтанно-статистическими способами социальной регуляции (в том числе и рынком) и государством.

Два столетия назад классик либерализма Адам Смит по поводу соотношения рынка и государства в регулятивной системе общества писал следующее. С устранением систем государственного и частного принуждения, полагал он, "остается и сама собою утверждается простая и незамысловатая система естественной свободы. Каждому человеку, покуда он не нарушает законов справедливости, предоставляется совершенно свободно преследовать по собственному разумению свои интересы и вступать в конкуренцию своим трудом и капиталом с трудом и капиталом любого другого лица или даже целого сословия. Государь, совершенно освобождается от обязанности, ...надлежащее выполнение которой недоступно никакой человеческой мудрости или знанию - от обязанности руководить трудом частных лиц и направлять его к занятиям, наиболее соответствующим интересам общества. Согласно системе естественной свободы, Государю надлежит выполнять только три обязанности. - правда три обязанности весьма важного значения, но ясные и понятные для обычного разумения: во-первых, обязанность ограждать общество от насилия и вторжения других независимых обществ, во-вторых, обязанность ограждать, по мере возможности, каждого члена общества от несправедливости и угнетения со стороны других его членов или обязанность установить строгое и беспристрастное отправление правосудия; и, в-третьих, обязанность создавать и содержать определенные общественные учреждения, создание и содержание которых не может быть в интересах никаких отдельных или небольших групп, ибо прибыль от них никогда не сможет окупить затраты любого отдельного лица или небольшой группы лиц, хотя они и могут с лихвой окупиться большому обществу" (147, 231).

Таким образом, в условиях господства спонтанно-статистических регуляторов полномочия государства существенно ограничиваются, в то же время на него возлагается ряд важных функций. Согласно Адаму Смиту, это, во-первых, внешнеполитические функции. Во-вторых, государство обязано обеспечить свободу своих граждан от насилия как частных лиц, так и государственных органов. Выполнение этой функции предполагает разработку и внедрение в жизнь юридических норм, способствующих эффективному функционированию "системы естественной свободы". Наконец, в соответствии с третьей функцией в ведении государства находятся те сферы сотрудничества, где рыночное регулирование нецелесообразно, либо неэффективно.

Итак, с переходом от аграрного к индустриальному обществу был сделан решающий шаг в снятии (в гегелевском смысле) как частной, так и государственно-бюрократической систем принудительной регуляции в европейском регионе. Это было действительно диалектическое отрицание, поскольку оно, преодолевая частный произвол и деспотизм абсолютистского государства, одновременно сохраняло и частную инициативу, и централизованную государственность в качестве важнейших и необходимых структурных элементов как в системе либеральных отношений между людьми, так и в области управления общественными процессами.

С переходом к новому этапу культурного развития произошло возвращение к принципам республиканизма, гражданства, демократии, возникших в античном полисе и развитых в средневисковых западноевропейских городах. Тем самым возникшее и отделившееся от правового государства гражданское общество получило политические гарантии своих прав и свобод, а также средства контроля за деятельностью государственных служб и чиновников.

В итоге с переходом от аграрного к индустриальному обществу возник новый исторически конкретный тип социального управления. Если в предшествующий период решающая роль в системе социальной регуляции принадлежала принудительному управлению, то в новых культурно-исторических условиях в структуре регулятивного механизма общества доминирующее положение заняли регуляторы спонтанно-статистического типа. При этом рыночному регулированию в координации разнообразной деятельности миллионов людей принадлежала основная роль.

Глава II. Тоталитаризм и социальное управление

Для аграрных обществ весьма заметно действие двух противоречащих друг другу тенденций общественного развития. Первой является тенденция ускорения общественного развития в сравнении с медленной эволюцией первобытных обществ. Ее действие обусловлено совершенствованием орудий труда, приращением научных знаний, развитием частной собственности, торговли, постепенно расширяющейся автономией личности и некоторыми другими факторами.

Другой, противоречащей первой, является тенденция замедления общественного прогресса, торможения развития аграрных обществ. Действию данной тенденции способствовали разнообразные формы принудительного контроля над трудом и человеком, неотдифференцированность хозяйственной жизни от политики и идеологии, права от нравственности и религии. Все это вело к чрезмерной регламентации общественной жизни и в итоге к созданию механизма торможения. Особенно негативным в этом плане являлось воздействие централизованной, государственно-бюрократической (азиатской) формы организации публичной власти, как правило, действовавшей в единстве с церковной иерархией. В этом случае общество практически лишалось возможностей контролировать публичную власть, в то время как контроль за деятельностью разнообразных субъектов аграрного общества существенно усиливался. Для регулятивного механизма такого типа характерно наличие мощной отрицательной обратной связи, способствующей стабилизации существующего порядка и элиминации новообразований. В силу этого весьма затрудненными становились процессы модернизации и обновления.

Потреба в преодолении механизма торможения, ставшая неодолимой с возникновением предпосылок индустриального общества, потребовала внесения принципиальных изменений в регулятивный механизм общества, что, в общем-то, и последовало при переходе к индустриальной стадии цивилизации.

Все индустриальные общества восприняли и сохранили централизованную бюрократическую государственность, но в существенно модифицированном виде. Во-первых, законодательно были

ограничены полномочия принудительной государственной власти. Во-вторых, постепенно возник правовой и демократический порядок формирования и функционирования ключевых структур государственного управления. Кроме того, основой индустриального общества стала автономная и обширная сфера гражданской жизни. Последняя включала в себя экономику и функционировала в соответствии с принципами самоорганизации и минимального вмешательства государства.

Переход к индустриальному этапу в развитии культуры, возникновение рыночного типа координации деятельности людей, постепенное формирование институтов и элементов правовой государственности, следование принципу невмешательства государства в жизнь гражданского общества привело к преодолению механизма торможения, свойственного принудительным формам организации сотрудничества людей в аграрных обществах и тем самым к быстрому повышению эффективности человеческой деятельности и беспрецедентным темпам экономического развития.

В то же время в новых реалиях нашел выражение и целый ряд неизвестных ранее противоречий общественного развития, специфичных для индустриального этапа развития цивилизации. В особенно острой форме они проявились в ранний период капитализма. Их выражением стали кризисы перепроизводства, рост безработицы, углубление социально-экономического неравенства людей. Особенно бедственным было положение рабочего класса. Отсутствие трудового законодательства способствовало воцарению "беспредела" предпринимателей в отношении рабочих. Рабочий день на предприятиях длился по 14-15 часов. Выходных не было. Весьма низкой была зарплата. Отсутствовали какие бы то ни было гарантии на случай непредвиденных обстоятельств. Широко использовался детский труд.

Эмпирическая действительность явно противоречила лозунгам свободы, равенства, братства, являвшимся знаменем буржуазных революций и нового общественного порядка. Все это не могло не породить критического отношения к новому общественному строю. Ранний капитализм вследствие этого стал эпохой радикального переосмысления ценностей цивилизации, существенных изменений в области общественно-политической мысли.

Основными и наиболее влиятельными конкурирующими идейными течениями в эту эпоху являлись: либерализм, победивший в схватке с абсолютизмом, но оказавшийся в затруднительном положении вследствие возникновения и обострения новых неподвиженных противоречий, и социализм, идеи которого объявлялись итогом научного осмысления истории и противоречий буржуазного общества.

В борьбе с социализмом либерализм отстаивал принципы автономии личности, частного предпринимательства, конкуренции, рынка, в области политики - верховенства права, разделения властей, невмешательства государства в жизнь гражданского общества, демократии. Либерализм предлагал пути совершенствования буржуазного строя, но при сохранении его основ.

Социализм, напротив, отрицал возможность решения возникших проблем в рамках существующего порядка и требовал его замены новым, социалистическим строем. "К концу XIX века, - пишет Ф.Хайек, - доверие к основным принципам либерализма стало стремительно падать. ...Все более широкое распространение получала точка зрения, что дальнейшее развитие невозможно на том же фундаменте, что общество требует коренной реконструкции. Речь шла при этом не о совершенствовании старого механизма, а о том, чтобы полностью его демонтировать и заменить другим" (186, 124).

Социализм как идейное направление возник не в Германии. Но именно на немецкой почве он превращается во влиятельное течение общественно-политической мысли и приобретает в известной мере завершенные формы. Основателями "научного социализма" стали К.Маркс и Ф.Энгельс. К концу XIX века марксизм завоевал доминирующие позиции в рабочем движении в сравнении с другими течениями социалистической мысли.

Капитализму, согласно марксистскому учению, имманентны стихийный характер общественного развития и углубляющееся социально-экономическое неравенство. Причинами такого положения дел являются частная собственность на средства производства и система свободного предпринимательства. В связи с этим для коренного преобразования капитализма необходимо уничтожение частной собственности посредством национализации и обобществления промышленности, и учреждение централизованного управления и пла-

нирования национальной экономикой. Проведение в жизнь этих мер означало ликвидацию рынка как специфической формы сотрудничества людей, способом бытия которой являлось свободное предпринимательство и конкуренция. В сфере политического устройства институты публичной власти буржуазного общества предполагалось заменить государством диктатуры пролетариата.

Если к концу XIX века в области идейной экспансии социализм достиг значительных успехов, то в области реальной истории дело обстояло не столь однозначно. К концу XIX века западные страны, вступившие на путь капиталистического развития, исповедуя принципы либерализма, достигли в сферах экономической, социальной, политической впечатляющих успехов, не замечать которые стало просто невозможно. "Успех превзошел все самые дерзкие мечты: к началу XX века рабочий человек достиг на Западе такого уровня материального благополучия, личной независимости и уверенности в завтрашнем дне, которые за сто лет перед этим казался просто недостижимым" (186, 122).

Под влиянием новых реалий социализм разделился на два течения: реформистское и революционное. Первое начало эволюционировать в направлении к либерализму, второе осталось верным принципам отмены частной собственности, ликвидации рынка, учреждения государства диктатуры пролетариата. Раскол произошел и в среде российской социал-демократии. В.И. Ленин возглавил радикальное, революционное течение в российском социалистическом движении.

Россия, вследствие целого комплекса причин: запаздывавшая в общественном развитии, оказалась страной, в которой была сделана попытка осуществить идеалы социализма на практике. "Исторически, - пишет В.Г.Хорос, - Россия складывалась как страна запоздалой модернизации, второго эшелона мирового капитализма (наряду с Японией, Турцией, некоторыми восточноевропейскими и, возможно, крупными латиноамериканскими странами). Ряд черт сближал ее с мировой периферией, нынешним "третьим миром" - ограниченный, сырьевой тип включения в мировой рынок, значительный внешний долг и зависимость от зарубежной технологии, серьезные дисбалансы структурного и социального порядка, неадекватность политической надстройки. Вместе с тем Россия была неза-

висимым государством, обладавшим гигантскими природными и человеческими ресурсами, а также мощным военным потенциалом. Все это определяло ее положение в мировом сообществе как полупериферии" (202, 109).

К началу XX века Россия созрела для буржуазных преобразований. Однако к этому времени в стране под влиянием Запада, критиковавшего свои собственные достижения, уже существовало влиятельное социалистическое движение, ориентированное на самые радикальные методы изменения общественных отношений.

Обострение в начале XX века в России множества не решенных своевременно общественных проблем, потребность в обновлении и модернизации обусловили наступление в стране периода смутного времени, в ходе которого наиболее радикальное крыло в социалистическом движении, ориентированное на установление диктатуры пролетариата и уничтожение частной собственности, в октябре 1917 года сравнительно легко насильственным путем захватило политическую власть. Тем самым было положено начало великому историческому эксперименту, целью которого объявлялось построение социализма, а в последующем коммунистического общества.

После второй мировой войны, из которой СССР вышел страной-победительницей, на путь социалистического строительства вступили страны восточной Европы и некоторые страны Азии. Тем самым эксперимент приобрел широкомасштабный и интернациональный характер.

Так возникла система "реального социализма", развитие которой в течение ряда десятилетий позволило на практике проверить жизнеспособность принципов социалистического учения, связанных с заменой частной собственности государственной, ликвидацией рынка, учреждением централизованного директивного планирования и управления экономикой.

В системе управления обществом в ходе социалистических преобразований производились следующие изменения. В соответствии с логикой построения социализма, частная собственность, являвшаяся основой свободного предпринимательства и конкуренции, заменялась общественной в форме государственной. Фабрики, заводы, капиталы, сырьевые ресурсы объявлялись национальным дос-

тоянием и передавались в распоряжение государственного аппарата. Соответственно ликвидировались сферы и элементы формировавшегося в дореволюционной России гражданского общества, где субъекты деятельности в соответствии с традициями и нормами права могли самостоятельно, на свой страх и риск, принимать решения по хозяйственным вопросам. Государство диктатуры пролетариата стремилось поставить под свой контроль все основные сферы общественной жизни и в первую очередь экономику.

В индустриальном обществе собственность на средства производства может находиться в руках частных лиц и их объединений, а может быть сосредоточена в руках государства, которое от имени всех членов общества владеет, распоряжается и использует их. В этом случае общественное производство превращается в единое суперпроизводство, а граждане - в лиц, работающих по найму у государства.

Как показала жизнь, товарно-денежные отношения, рыночные связи в этом случае не элиминируются полностью. Уничтожить их совсем невозможно, так как их существование обусловлено состоянием производительных сил, значительным развитием разделения труда в индустриальном обществе. Товарно-денежные отношения вытесняются из сферы управляемого аппаратом государства производственного комплекса страны и сосредотачиваются на его "границах" в области взаимоотношений государства и граждан, а также различных кооперативных объединений, которые за пределами национального производственного комплекса выступают в качестве частных лиц и относительно самостоятельных субъектов хозяйственной жизни.

Такая ситуация в области отношений собственности существенно ограничивает и деформирует рыночный регулятор. Вытесненный из сферы производства рыночное регулирование должно быть чем-то заменено, ибо элиминирование товарно-денежных отношений, а с ними и рыночного регулирования, не прекращает обмена деятельностью и ее результатами в сфере производства. И этот обмен должен определенным образом упорядочиваться и направляться. Какой же механизм управления заменяет в данном случае рыночный регулятор? Ответ известен: рыночное регулирование заменяется централизованным административно-командным управлением эко-

номикой. При таком способе происходит разделение субъектов деятельности на управляющих и управляемых, руководителей и исполнителей. Субъекты экономической деятельности, бывшие в условиях рыночного регулирования самостоятельными, лишаются своей автономии и превращаются в звенья единой, иерархической организованной системы управления. Решающая роль начинает принадлежать вертикальным управленческим связям, в то время как в условиях рынка доминирующими являлись горизонтальные. Экономические стимулы хозяйственной деятельности сводятся к минимуму и заменяются средствами принуждения и поощрения к труду, находящимися в распоряжении аппарата государства, а также идеологическим воздействием, организуемом коммунистической партией.

Руководящей и направляющей силой нового общества, организатором социалистического строительства являлась коммунистическая партия. Ею же осуществлялись функции формирования мировоззрения людей в духе основополагающих идей коммунистического учения. Важнейшим средством, при помощи которого осуществлялось партийное руководство экономикой, политической и духовной жизнью общества, являлся подбор кадров на все ключевые посты в партии и государстве.

Коммунистическая партия и государство вынуждены были взять на себя решение задач по переходу страны к индустриальной стадии развития цивилизации. Решение этой задачи было начато в эпоху самодержавия, но не завершено. Кроме того идеологические догмы требовали борьбы с мелкобуржуазным сектором в экономике, что в конечном счете привело к широкомасштабной политике коллективизации всей страны.

В ходе создания новой системы управления беспрецедентно увеличилось количество лиц, занятых в аппарате партии и государства. Принципы республиканизма и демократии в формировании высших органов государственной власти были признаны, однако приобрели декоративный характер и, по существу, являлись ширмой, за которой скрывался диктат партийно-государственной номенклатуры. Отрицался принцип разделения властей. Право и нравственность трактовались в качестве инструментов партии и правительства в решении задач по созданию нового, справедливого общества. В конечном счете реализация принципов социализма привела к тоталь-

ному контролю аппарата партии и государства над экономической, политической и духовной сферами общественной жизни.

В конце 80-х годов сформировавшийся в ходе строительства социализма порядок управления получил название административно-командной системы управления. В этом выражении верно подмечены некоторые характерные особенности нового регулятивного механизма. Указан, во-первых, ключевой структурный элемент системы управления - чиновники, бюрократы, составляющие аппарат публичной власти, во-вторых, обозначен основной вид управленческой информации, каковым являются команды, приказы, постановления, директивы.

В последнее время для обозначения социально-экономического и политического порядка, сложившегося в условиях реального социализма все чаще применяется термин тоталитаризм. Под последним понимают общественное устройство, характеризующееся ничем не ограниченным, всеобъемлющим контролем государства, возглавляемого партийно-монополистом, над жизнью отдельного человека и общества в целом.

По мнению Ж.Желева, установление однопартийной системы является первым и важнейшим шагом к построению тоталитарного общества. Марксисты, пишет он, впервые в истории создали однопартийную государственную систему, построенную за счет насильственного уничтожения других политических партий или превращения их в формальные организации, во всем подчиненные коммунистической партии. Абсолютная монополия компартии в политической сфере должна была закономерно привести к полному срастанию партии с государством и, прежде всего, партийного аппарата - с государством. Затем монополия партии - государства распространяется на экономический базис общества. В государственную превращается крупная частная собственность путем экспроприации, мелкая посредством насильственной коллективизации. С окончанием процесса огосударствления собственности тоталитарное общество полностью построено. Так возникает коммунистический вариант тоталитарного строя, который и по сей день остается самой завершенной и самой совершенной в истории моделью тоталитаризма (64, 11).

Любопытно сопоставление Ж.Желевым двух вариантов тоталитаризма: коммунистического и фашистского. Второй в структурном

аспекте отличается от первого единственно тем, что недостроен, незавершен его экономический базис. вследствие чего он менее совершенен и стабилен. В нацистской системе, наиболее совершенной из фашистских режимов, "монополия партии не распространяется на экономический базис или, по крайней мере, охватывает не весь экономический базис. В ней существует частная собственность, разные ее виды, что, естественно, не порождает стремления к сцеплению, целостности, монолитности, скорее наоборот - создает неоднородность, различия, которые в критических ситуациях легко перерастают в противоречия. Монолитная надстройка и разнородный базис - таково несоответствие внутри фашистского тоталитарного режима. Это-то и делает его нестабильным и недолговечным... Фашистские режимы не только погибли раньше, но и появились позже, и это подтверждает, что они - лишь жалкая имитация, плагиат оригинала, подлинного, аутентичного и завершенного тоталитарного режима" (64, 12).

Исследователи вполне справедливо подчеркивают, что тоталитаризм является детищем индустриальной стадии в развитии цивилизации (64, 295; 131, 193). Без индустриальной культуры, без новейших для начала XX века средств связи и распространения информации (радио, телефон, телеграф, кино) всеобъемлющий контроль над различными сферами общественной жизни просто был бы невозможен. Технические средства позволяют многократно усилить контроль за всеми звеньями централизованной иерархии, повысить оперативность управления, создать более послушный и исполнительный бюрократический аппарат. В то же время монополия государства на индустриальные средства распространения знаний позволяет организовать массированное воздействие на членов общества идеологизированной информацией, так что большинство из них оказываются уверенными в том, что они живут в лучшем из миров.

К.Маркс, Ф.Энгельс, В.И.Ленин вполне искренне полагали, что ими создано учение о новом справедливом общественном устройстве, являющимся закономерным этапом в естественно-историческом развитии общества. Однако опыт истории свидетельствует об ином. Подобно тому, как Колумб плыл в Индию, а открыл Америку, так и основоположники социализма, разрабатывая социалистическое учение, оказались творцами одной из форм тоталитар-

ного устройства общества. Некоторое объяснение этому факту заключено в двойственности самого понятия "социализм". В одном случае оно обозначает цели и идеал справедливого переустройства общества. В этом плане социализм предполагает преодолеть стихийность общественного развития, ликвидировать социально-экономическое неравенство, поставить под контроль народа государство, создать общественное устройство, при котором свободное развитие каждого является условием свободного развития всех.

В другом случае под понятием "социализм" подразумевают совокупность способов, средств, методов достижения нового, справедливого общества. В этом аспекте под социализмом марксизм-ленинизм понимает уничтожение частной собственности на средства производства, ликвидацию рынка, отмену "буржуазной демократии", установление диктатуры пролетариата, создание централизованного директивного управления и планирования экономикой и другие.

Давно известно, что результат дан не в декларируемых целях, а в средствах, предлагаемых для их достижения. Применение предусмотренных марксистским учением средств для достижения нового справедливого общества, как показал опыт истории, неизбежно ведет к тоталитаризму.

В свое время социализм добился значительных успехов в борьбе с либерализмом, переосмыслив выдвинутые классиками либеральных концепций лозунги свободы, равенства, демократии. Свобода стала пониматься как познание и преобразование необходимости (естественной и исторической) в интересах человека труда. Равенство - как преодоление существенных социально-экономических различий, порождаемых частной собственностью на средства производства. Демократия - как установление власти большинства народа в интересах самих трудящихся масс. Социализм при этом трактовался как послекапиталистический общественный строй, сохраняющий все наиболее ценное, созданное в предшествующий исторический период. Однако использование таких средств построения социализма, как обобществление средств производства, учреждение директивного планирования, установление руководящей роли коммунистической партии на деле обернулось зрящим отрицанием: а) завоеваний в области свободы личности, зафиксированных во Всобщей декларации прав человека; б) принципа равенства

людей перед законом и гарантий от произвола публичной власти; в) демократических процедур, ставших обычными при формировании и функционировании публичной власти в буржуазном обществе. Тоталитарная модель общества, пишет В.П.Пугачев, покоится на "отрицании таких достижений человеческой цивилизации, как рынок, конкуренция, свобода личности. Этот строй разрушает мотивационную сферу предприимчивости, добросовестного, инициативного труда, заменяет хозяина временщиком, отбывающим трудовую повинность, порождает массовое социальное иждивенчество. Он глубоко враждебен гуманистической культуре и нравственности, не совместим с развитием самой личности, индивидуальной свободой и творчеством, уважением человеческого достоинства" (131, 199).

Социализм, в области теории, постоянно апеллировавший к диалектике, в действительности создавался путем недиалектического, зрящего отрицания достижений цивилизации. "На место частного - общественное, на место демократии - диктатура, на место права - инструкция, на место государства - аппарат, на место народа и нации - масса, на место религии - атеизм, на место старой культуры - новая, но уже более как эрзац культура, чем собственно культура. Полное всестороннее отрицание. Тотальное разрушение" (120, 256).

Результатом недиалектического отрицания явилось не достижение декларированных свободы, равенства, демократии и не поднятие на новую ступень общественного развития, а возвращение в условиях промышленной цивилизации к принудительным формам организации сотрудничества людей, характерных для аграрного периода. В области социальной структуры реальный социализм означал воссоздание классов-сословий управляемых и управляющих (номенклатуры), в сфере политики - восстановление деспотической (неконтролируемой правом) публичной власти.

И все же, несмотря на свою историческую обреченность, "тоталитарная тенденция общественного развития, связанная с попытками чрезмерно заорганизовать общество, ограничить индивидуальную свободу, предприимчивость и конкуренцию в пользу государственного централизованного регулирования, по всей вероятности, сохранится в обозримом будущем" (131, 199). Последнему обстоятельству способствует акцент на понимании социализма как идеала, то есть справедливого общественного устройства, в то

время как вопрос о средствах и способах его достижения, остается в тени. Сказанное выше не относится к современной теории и практике социал-демократических партий развитых стран Запада. Концепция демократического социализма, развиваемая в настоящее время социал-демократами, ориентирована на сохранение института частной собственности, рынка, правовой государственности, неотчуждаемых прав личности, демократии. И поэтому и в теории, и на практике мало чем отличается от современного либерализма, предполагающего более масштабное вмешательство государства в экономику в целях сглаживания противоречий капитализма, чем это было свойственно классической либеральной теории. Реализовать идеал справедливого общества в концепции демократического социализма предполагается при помощи тех средств, которые составляют основу и неолиберального подхода к совершенствованию современного общества. Как в первом, так и во втором случае речь идет о сохранении и развитии ценностей, свойственных современной цивилизации. Таким образом дивергенция социализма, происшедшая в начале XX века, в одном случае привела к тоталитаризму, а в другом - к сближению с либерализмом в объяснении и решении проблем общественного развития. Однако, то обстоятельство, что термин "социализм" применялся в прошлом, а нередко служит и в настоящем для обозначения теории и практики тоталитаризма, существенно девальвирует его ценность.

Нельзя отрицать того, что В.И. Ленин и большевики вполне искренне стремились к освобождению народа и достижению социальной справедливости. Но нельзя не отметить утопизм их теории и практики, выразившийся в превращении централизованной бюрократической государственности (и, соответственно, партгосаппарата) в основной инструмент системы социального управления и построения нового общества. При этом вопрос о гарантиях от перерождения органов публичной власти оставался в тени и практически не обсуждался. Предполагалось, что чиновники социалистического государства и штатные работники партии всегда будут действовать в интересах народа. Однако уже в первые годы советской власти возникает бюрократизм, между вождями начинается борьба за власть, номенклатурные интересы постепенно берут верх над идеалами служения рабочему классу. В результате народ вместо освобождения получил

новых господ. При этом новый бюрократизм не был бюрократизмом в смысле некой аномалии в работе нужных обществу чиновников и органов управления. Это был бюрократизм во многом искусственно созданной, не нужной в индустриальном обществе иерархии административно-командного управления экономикой и контроля за мыслями и совестью граждан.

Выше отмечалось, что строительство социализма привело не к восхождению на новую послекапиталистическую ступень общественного развития, а к воспроизведению в условиях индустриализма принудительной организации общественного труда, характерной для аграрных обществ. В связи с этим возникает вопрос об особенностях данной формы принудительного сотрудничества, а точнее о ее сходстве и различии с известными регионально-историческими формами принудительной организации труда - азиатской, античной, феодалной.

Ранее говорилось, что уже на аграрной стадии цивилизации произошло разделение единого ствола социокультурной эволюции на две ветви развития, получивших название восточной (азиатской) и западной (европейской). Если для восточной модели общественного устройства и управления характерна решающая роль аппарата публичной власти в реализации отношений внеэкономического принуждения, то специфической особенностью западной, напротив, является доминирование частного начала и, соответственно, постепенное формирование средств и методов подчинения аппарата публичной власти контролю общества. Античная и феодалная формы общественного устройства и управления относятся к западной модели. В индустриальный период цивилизации продолжением этой линии явился капитализм и рыночный тип координации деятельности людей.

Что касается тоталитаризма как общественного строя и, соответственно, тоталитарного управления, характеризующихся гипертрофированной ролью партийно-государственной номенклатуры, контролирующей основные сферы общественной жизни, то их следует рассматривать как продолжение в условиях индустриального общества восточной (азиатской) линии социокультурного развития. Собственно тоталитарная форма управления и есть воплощение в специфических условиях индустриального общества основного

принципа азиатской модели, выражающегося в примате аппарата публичной власти по отношению к обществу. Естественно, что тоталитарное управление строится в соответствии с теми принципами (централизма, бюрократической соподчиненности, деспотизма верховной власти), которые были характерны и для азиатской формы социального управления.

В современной литературе получило достаточно широкое распространение положение, согласно которому в итоге великого социалистического эксперимента в нашей стране в новых исторических условиях были воссозданы общественные отношения феодального типа. По мнению Г.С.Арефьевой, "отказ от механизмов, развитых капитализмом - от рынка, торговли, товарно-денежного обращения, демократии - вел прямой дорогой не к капитализму, а к феодальным структурам, к личностным связям, внеэкономическому принуждению, уродливому росту феодальной бюрократии" (12, 57). "Общественный строй, созданный в нашей стране, по своей сущности представляет собой разновидность общества феодального типа" (12, 82).

В приведенных суждениях верно фиксируется тот факт, что итогом социалистического строительства явилось создание новой исторической формы принудительных отношений, важнейшим структурным элементом которых являлся партийно-государственный аппарат. Однако было бы неверно видеть ее аналог в феодальном типе общества, ибо в этом случае недооценивается своеобразие феодальных структур. Напомним, что для классического феодализма характерны: политическая раздробленность, наделение крупных собственников земли правом на осуществление функций публичной власти, слабость и неформальность центральных органов государственного управления. Управленческие связи в феодальной иерархии носят не бюрократический, а условно-договорной характер. Вследствие этого феодальным связям присущ элемент взаимности, "так что, если невыполнение вассальных обязательств лишает вассала прав на феодал, то и отказ сеньора оказывать покровительство вассалу освобождает последнего ему служить и повиноваться" (56, 316).

Феодализм, как известно, прошел три этапа развития: ранний, классический и поздний. Ранний этап - это период становления, формирования феодализма. В связи с этим его особенности на этой

стадии выражены слабо. В поздний период феодализм уже видоизменен формирующимся гражданским обществом и абсолютизмом, возникшем при поддержке третьего сословия. И только в классический период общественные отношения феодального типа выражены в развитом и относительно чистом виде.

Для классического феодализма в организации общественной жизни и управления характерен примат частной власти по отношению к публичной, вследствие слабости и несупорядоченности последних. В силу этого отношения внеэкономического принуждения феодализма существенно отличаются от принудительных отношений тоталитарного общества, характеризующихся приматом публичного, общественного начала по отношению к частному, и, соответственно, бюрократической формой организации управленческих отношений.

Иногда пишут, о деспотической, государственной разновидности феодализма, имея в виду средневековые Византию, Россию, Китай и некоторые другие страны, для которых было характерно наличие неограниченной законодательно централизованной бюрократической государственности. Однако при этом упускают из виду, что деспотическая централизованная государственность - весьма небезобидное образование в структуре аграрного общества. Фактически, это наиболее активный элемент в обществе азиатского типа, располагающий значительными материальными, финансовыми, военными и иными ресурсами. Однажды возникнув, располагая огромной властью, он способен достаточно быстро перестроить "под себя" все основные элементы общественной жизни. Так что, земельная община превращается в податную единицу, связанную круговой порукой, феодал - в псевдофеодала, церковная иерархия - в подразделение светской публичной власти. Внешне, как будто бы все те же самые элементы общественной структуры, что и в средневековом западноевропейском обществе. На самом же деле, по всем основным параметрам, - принципиально иной общественный строй. Поэтому не замечать глубоких качественных различий между азиатской формой общественного устройства, характеризующейся решающей ролью государственной бюрократии в реализации отношений господства-подчинения, и феодализмом, для которого специфичен примат частного принуждения, можно лишь вопреки историческим фактам.

Осмысление сложившегося в бывшем СССР и странах Восточной Европы общественного строя, как бы его не называли - реальным социализмом, казарменным социализмом, тоталитаризмом и т.п., не будет завершено, если не учитывать, что он связан с дивергенцией путей социокультурного развития, происшедшей на начальной стадии цивилизации. Каждое из двух основных направлений цивилизованного развития имеет собственную логику и качественно определенные этапы, обуславливаемые прогрессом материальной и духовной культуры человечества. Поэтому на всех этапах цивилизации не теряла своей злободневности проблема соотношения развития западного и восточного путей развития человеческой культуры. Самосознание цивилизации зафиксировало факт наличия двух основных линий социокультурного развития. Так, древние греки противопоставляли свой общественно-политический порядок азиатскому деспотизму. Народы Западной Европы эпохи феодализма критически относились к средневековой деспотической Византии. Бескомпромиссностью отличалась борьба между буржуазной и коммунистической идеологией в XX веке. Тоталитаризм, следовательно, с точки зрения своих фундаментальных основ не есть нечто новое, ибо пять тысячелетий назад возникли и вплоть до XX века сохранялись, время от времени модернизируясь и совершенствуя свою организацию, социальные системы, в которых государство контролировало основные сферы общественной жизни, а господствующим классом была бюрократия.

Есть исследователи, которые критически относятся к выделению двух направлений социокультурного развития. Так, М.Восленский считает "нелогичной" картину "некоего раздвоения исторического пути развития человечества на первом этапе классового общества на застойный деспотический Восток и динамичный индивидуалистический Запад". "Пример Японии, - пишет он, - показывает, что страны Востока могут быть чрезвычайно динамичными в своем развитии; пример Сингапура и Гонконга свидетельствует о том, что даже колониальный статус не может подавить подобный динамизм" (40, 607). Однако приведенные примеры не убеждают в правильности выводов. В научном мире давно принято, что Восток - Запад являются условными обозначениями двух направлений социокультурного развития, не совпадающих с географическими регионами Земли. Так, что к Востоку могут быть отнесены фашистские Италия и Германия, а к Западу - современные Япония и Сингапур.

Самому М.Восленскому больше импонирует однолинейная схема формационного развития человечества. "Пока не доказано противное, - пишет он, - есть основания считать, что общая линия развития человеческого общества одина для всех народов, независимо от места их поселения на нашей планете. ...Социально-экономические формации во всех обществах - на Западе и на Востоке, на Севере и на Юге - сменяют друг друга в строго определенной последовательности. Пусть неточны и поэтому не очень удачны их марксистские названия, рабовладельческая, феодальная и капиталистическая формации, дело не в названиях, а в сущности" (40, 608). Однако при этом М.Восленский упускает из виду, что выделение указанных им рабовладельческой, феодальной и капиталистической формаций является итогом обобщения исторического пути Европы. И вследствие этого, при принятии однолинейной схемы формационного развития человечества в качестве единственной, происходит некритическое распространение ее особенностей на страны Азии, Африки и некоторых других регионов. При этом игнорируется тот факт, что основным принципом общественного устройства на Западе - решающая роль частных собственников в системе общественных отношений - прямо противоположен основному принципу Востока, для которого характерен примат государственно-бюрократического начала.

М.Восленский допускает выражения типа: тоталитаризм есть восточная деспотия нашего времени (40, 599); реальный социализм является одним из случаев возникновения "азиатского способа производства", что, напротив, подтверждает наличие двух различных, относительно самостоятельных линий социокультурного развития.

Тоталитаризм, как отмечалось, есть детище индустриального этапа в развитии цивилизации. Но вместе с тем верно и то, что тоталитаризм представляет собой обогащенную индустриальной культурой и усовершенствованную в соответствии с новой исторической реальностью форму общественного устройства, истоки которой в дивергенции двух путей социокультурного развития, оформившихся на аграрной стадии цивилизации. Линия "динамичного, индивидуалистического Запада" более изучена, выделены ее качественно определенные этапы. Линия "застойного, деспотического Востока" изучена слабее. Однако достаточно явно видны две ее основные ступени: аграрная и индустриальная. Последняя представлена тоталитаризмом.

РАЗДЕЛ VI

ИНФОРМАЦИОННАЯ СТАДИЯ ЦИВИЛИЗАЦИИ И СОЦИАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

Глава I. Тенденции обновления и проблема своеобразия регулятивной системы информационного общества

Ранес отмечалось, что мировая цивилизация проходит ряд ступеней восходящего развития. Каждая ступень характеризуется собственной структурой общественных связей и соответствующим ей регулятивным механизмом. Глубинным основанием для выделения исторически конкретных ступеней эволюции цивилизации являются качественно-определенные этапы развития инновационной орудийной технологии.

Развернувшаяся в мире, начиная с середины 50-х годов новая технологическая революция свидетельствует, что человечество приступило к решению задачи перехода к третьему периоду развития цивилизации, для которого характерно господство компьютерных технологий и информационного сектора в структуре занятий. Оно, таким образом, переживает период перехода от индустриальной к информационной стадии развития цивилизации. "Последней, - пишет А.И.Ракитов, - происходящей на наших глазах социотехнологической революции, является информационно-компьютерная... Она реализуется как процесс информатизации всех сфер жизни общества и жизнедеятельности человека. В основе каждой социотехнологической революции лежит особая технологическая система. Для информационной революции эту роль играет информационная технология... Ее конечным результатом должно стать создание новой информационной цивилизации. При этом все претерпевает радикальные изменения: материальное производство и мировоззрение, быт и образование, общение и искусство меняют не только свои внешние очертания, но и внутренние механизмы - содержание деятельности" (132, 14).

С революционными сдвигами в развитии техники и технологии связаны не менее кардинальные изменения в структуре занятий людей. Напомним, что переход к применению ручных орудий труда

из металлов (первоначально из меди и бронзы) обусловил преобладание аграрного сектора по отношению к ремеслу и иным видам занятий людей. С распространением машинной технологии - промышленность занимает доминирующие позиции по отношению ко всему аграрному сектору экономики. В современный период все более широкое применение информационно-компьютерных технологий ведет к возвышению информационного сектора по отношению к первичному (аграрному) и вторичному (промышленному) секторам экономики. "Новая технология, - пишет У. Дайзард, - предлагает нам более значительные информационные и коммуникационные ресурсы, чем когда-либо имело человечество. Эти ресурсы столь велики, что очевидно: мы вступаем в новую эру - информационный век. США - первая страна, осуществившая трехстадийный переход от аграрного общества к индустриальному и от него к такому обществу, которое даже трудно как-то представить. Ясна лишь одна его характеристика из целого веера возможностей: основным видом его экономической деятельности во всевозрастающей степени становится производство, хранение и распространение информации" (58, 343-344).

Специфической особенностью новой, информационной стадии эволюции культуры является опосредованность деятельности людей в основных сферах общественной жизни развитой информационной инфраструктурой. Основой развития и функционирования общества в эту эпоху становится использование информационных ресурсов. Это означает, что не вещество или энергия, а информация на этой стадии выступает в качестве основного предмета деятельности людей и решающего фактора социально-экономического развития. Полагают, что число занятых в информационном секторе экономики такого общества должно быть не менее 50% от числа работающих (132, 33).

Сами по себе информационные ресурсы не могут накормить и одеть людей. Но они являются незаменимым фактором оптимизации и повышения эффективности человеческой деятельности в любой сфере общественной жизни. Без развитой информационной инфраструктуры любая страна оказывается лишенной возможности на должном уровне решать острейшие проблемы, связанные с переработкой сырья, производством и потреблением энергии, отвечать на вызовы, возникающие на современном этапе развития мировой цивилизации.

Значительное ускорение протекания экономических процессов, существенное снижение материалоемкости и энергоемкости материального производства, резкое повышение производительности труда и качества продукции в результате широкого применения робототехники и автоматизированных производственных процессов, появление тенденции к распросто-странению мелкосерийного, индивидуализированного производства с частой сменой деталей - таковы лишь некоторые ближайшие следствия перехода от индустриального к информационному обществу.

В передовых странах мира переход к "информационному веку" был начат в 70-80 годы. В создании основ информационного общества пока лидируют США, где полная информатизация прогнозируется на второе десятилетие следующего века. Вслед за ними идут Япония, Канада, Швеция, Испания, Австралия. В этих странах в последние годы предпринимались различные дорогостоящие программы информатизации. К примеру, в Японии на реализацию программы информатизации в 1972-1986 гг. было израсходовано 65 млрд. долларов (203, 51).

В целом информационное общество предстает в качестве значительно более развитой формы сотрудничества людей в сравнении с предшествующим индустриальным этапом в развитии культуры человечества. Основным фактором его развития все в большей мере начинает выступать производство и применение научных знаний. В связи с этим высококвалифицированные специалисты, носители научных знаний и творцы наукоемких технологий, превращаются в наиболее ценный из стратегических ресурсов общества.

На информационной стадии культуры человек не просто создает материальные и духовные блага, необходимые для воспроизводства общественной жизни. Для этой стадии существенно и специфично то, что он начинает их создавать в подавляющем числе случаев с наименьшими затратами времени, труда, сырья, энергетических и иных ресурсов. Действует сильнейшая тенденция к оптимизации и рационализации человеческой деятельности во всех сферах общественной жизни, необходимым условием и основанием которой является все более широкое производство, распространение и применение информационно-компьютерных технологий.

В соответствии с объективной логикой исторического развития "вместе с происшедшей однажды революцией в производительных силах, которая выступает как революция технологическая, совершается также и революция в производственных отношениях" (106, 47, 461). В методологическом плане это означает, что вслед за радикальными изменениями в материальной и духовной культуре, которые выступают в качестве содержания информационно-компьютерной революции, следует ожидать изменений в социально-экономическом устройстве общества.

Исследователи по разному отвечают на вопрос, претерпевает ли капитализм на современном этапе качественные изменения, происходит ли его превращение в иную общественно-экономическую формацию?

Так, по мнению А.Пороховского, между капитализмом XIX века и конца нынешнего столетия имеются весьма существенные различия. Однако "наиболее общие основы, определяющие природу этого экономического строя" сохраняют свое значение до сих пор, хотя их внешний вид также претерпел изменения. "Как и прежде, - пишет он далее, - доминирует система предпринимательства, опирающаяся на частную собственность. ...Насмный труд продолжает оставаться господствующей формой реализации рабочей силы. ...Экономика капитализма по-прежнему строится на принципах рыночного хозяйства" (128, 79).

Иной взгляд по данному вопросу развивает Ю.Шишков. Современный капитализм в наиболее развитых странах Запада, пишет он, "вступает из позднекапиталистической стадии в посткапитализм, начинает перерастать в начальную фазу новой общественно-экономической формации" (212, 119).

Основу производительных сил этого формирующегося, по мнению Ю.Шишкова, общества составит информационно-компьютерная технология, представляющая принципиально новый технологический способ производства, что в корне изменяет "не только характер производственного процесса, но и отраслевую структуру экономики (резкое возрастание интеллектотемких отраслей и множества различных новых услуг при уменьшении места и роли современной индустрии), и характер разделения труда, и пространст-

венное размещение производства, и условия развития личности, и предъявляемые к ней требования как к главной производительной силе и центральной фигуре гражданского общества" (212, 119).

В ведущих странах Запада в направлении к новой форме общественного устройства постепенно эволюционируют производственные отношения, что связано с глубинными изменениями "в собственности на основные средства производства и в характере перераспределения национального дохода" (212, 120).

Существенной чертой формирующихся посткапиталистических отношений является эффективное государственное регулирование рыночной экономики. "Стихийные силы рынка все более умело корректируются гибким вмешательством государственных механизмов экономического регулирования. Возможность опасной монополизации той или иной отрасли производства в руках одной компании, либо тайного союза нескольких фирм пресекается законом и постоянно размывается конкуренцией" (212, 119).

Изменения в экономике сопряжены с развитием в области политики. Углубляется политическая демократия, расширяется контроль общества над исполнительными органами власти. Под контроль общественности во все большей мере попадают образование и здравоохранение, социальное обеспечение и охрана окружающей среды.

Итогом новаций в технологии человеческой деятельности, экономике и политике является существенный прогресс в сфере социальной. "Возрастает степень социальной защищенности всех граждан, в первую очередь нетрудоспособных. Работники наемного труда получают все более широкий доступ к собственности на средства производства, приобретая акции тех предприятий, где они трудятся, и к управлению ими. Социальное неравенство различных групп сглаживается, классовые конфликты уступают место цивилизованным методам поиска консенсуса. ...И в производственном, и в социальном аспектах на первый план постепенно выдвигается человеческий капитал - высокообразованная, квалифицированная личность как главное богатство общества. Усложнение вещественных и общественных сторон производительных сил объективно требует создания социальных условий для возможно большей свободы творчества каждого работника независимо от его места в производственной и прочих общественных структурах. Высвобождение

творческих потенций каждого становится условием благополучия всех" (212, 120).

Заключая характеристику формирующегося посткапиталистического общества, Ю.Шишков отмечает, что им "названы не столько реальные результаты, сколько явно обозначившиеся в послевоенные десятилетия направления". Развитие идет "не гладко, с задержками, зигзагами, а иногда и с попятными движениями. Но оно идет. Современное капиталистическое общество находится в состоянии перехода в иное качественное состояние, социализируется. В чем-то оно уже становится не совсем капиталистическим, в нем все более проглядывают элементы посткапитализма" (212, 120).

Таким образом, одновременно с радикальными изменениями в технологической сфере, структуре занятий, свидетельствующими о начале перехода мировой цивилизации от индустриальной к информационной стадии, идет процесс формирования новой исторически конкретной системы общественных отношений, для обозначения которой, в целях ее отличия от классической либеральной, в современной литературе используются такие термины, как "неолиберальная", "посткапиталистическая", "постлиберальная". В становлении посткапиталистического информационного общества заметно выделяются два этапа. Первым является формирование предпосылок для восхождения на новую ступень развития на позднекапиталистической стадии общественного развития. Второй этап, начавшийся в передовых странах Запада в конце 80-х годов, связан со структурной перестройкой, знаменующей подведение собственной культурно-технологической базы под формирующееся постлиберальное общество.

Современная научно-техническая революция, следствием которой стал переход к постиндустриальной стадии общественного развития, в сущности своей имеет информационный характер, ибо ее содержанием являются качественные сдвиги в развитии средств накопления, преобразования, передачи и применения информации.

Роль информационных революций в развитии культуры человечества трудно переоценить. Г.Р.Громов в книге "Очерки инфор-

мационной технологии" рассматривает книгопечатание в качестве первой информационной революции в истории человечества. В действительности же это была уже третья революция такого рода. Первой стало возникновение устного языка, второй - письменности. С первой информационной революцией связан переход от первобытного человеческого стада к родовому обществу, с второй - от эпохи варварства к аграрному периоду цивилизации. Без книгопечатания оказался бы невозможен переход от аграрного к индустриальному обществу. В настоящее время человечество переживает новую (четвертую) информационную революцию, содержанием которой является изобретение и широкое применение безбумажных, электронных информационных технологий. Как и предыдущие, новейшая информационная революция прокладывает путь к радикальным сдвигам в социокультурном развитии человечества.

Ранее отмечалось, что способом бытия любого управления, в том числе и социального, являются процессы использования информации. С учетом этой констатации ясно, что современный технологический переворот, являясь по сути информационным, революционизирует также и социальное управление. Однако, в чем находит выражение революция в социальном управлении - эта проблема до сих пор остается мало исследованной.

В наше время информатизация и компьютеризация общественной жизни иногда противопоставляется рыночному регулятору и рассматривается в качестве своеобразной альтернативы перехода к рыночной экономике. При таком подходе, полагают, что информатизация и компьютеризация общества - это как раз те средства, которые повысят эффективность централизованного директивного планирования и управления, базирующегося на общественной собственности, а в конечном итоге позволят преодолеть ведущую роль рынка в современных системах социальной регуляции.

Однако такой вывод ошибочен как в теоретико-методологическом, так и в фактологическом планах.

Важно учитывать, что рынок представляет собой не просто информационно-коммуникативную систему. В то же время он является формой общественной связи, основанной на добровольном соглашении, автономии личности, индивидуальном творчестве. Каждый этап развития цивилизации характеризуется сочетанием общественных отношений

принудительного и добровольного типов. При этом магистральным направлением является развитие от решающей роли общественных отношений принудительного типа к превалированию общественных связей, основанных на добровольном соглашении. Поэтому положение, что информационно-компьютерная революция позволяет демонтировать рынок, по существу равносильно утверждению, что она способствует изменению вектора цивилизованного развития на прямо противоположный, то есть ведет к восстановлению принудительной системы организации труда и соответственно принудительно-приказного способа управления. Однако это неверно, ибо информатизация и компьютеризация общества, напротив, создают невиданные ранее условия для свободы и самореализации личности и, следовательно, для дальнейшего развития общественных отношений либерального типа. В современных условиях это находит выражение в наличии тенденции не к сужению, а, напротив, к расширению сферы рыночных связей. Поэтому ближе к истине, как мы полагаем, является вывод, согласно которому освоение достижений информационно-компьютерной революции ведет к дальнейшему развитию рыночных связей как в экстенсивном, так и в интенсивном планах.

Данный вывод подтверждается фактами. В передовых странах Запада, прокладывающих пути к информационной цивилизации, рынок по-прежнему остается основным структурным элементом хозяйственного механизма, позволяющим осваивать достижения технологической революции и обеспечивать экономический и социальный прогресс. Различного рода регулирующие акты, включая и систему "государственного, экономического и правового воздействия на хозяйственную жизнь, - все это дополнения и надстройка над рыночным механизмом, на любом уровне (микро-, мезо- или макро-)" (212, 120). Конечно, есть сферы деятельности современного общества, которые рыночный механизм регулировать "не умеет", либо делает это плохо. К числу таких сфер относятся образование, здравоохранение, социальное обеспечение, развитие фундаментальной науки, охрана окружающей среды и другие. Здесь приходится корректировать рыночный регулятор или даже дополнять с помощью фискально-кредитных механизмов, бюджетного субсидирования и т.п. "Но именно дополнять, а не заменять или вытеснять" (212, 121).

Сфера рыночных отношений по мере развертывания процессов информатизации и компьютеризации общества, не только не сужается, а,

напротив, расширяется. В последние десятилетия рыночные отношения были распространены на информационный сектор экономики, что естественно и позволило, как полагают исследователи, осуществить структурные преобразования и совершить переход от индустриального к информационному обществу. В некоторых случаях правительствами, там где это целесообразно, создаются искусственные рынки. Одна из основных идей неоконсерваторов состояла в том, что потенциал рынка недостаточно использовался не только в странах реального социализма, но и при капитализме. В связи с этим в своей практической политике они большое внимание уделяли демомонополизации, "дерегулированию", созданию условий для функционирования высококонкурентной и эффективной рыночной экономики, что, как считают экономисты, в полной мере себя оправдало.

Есть глубокая внутренняя связь между нарастающей информатизацией основных сфер человеческой деятельности и современным "ренессансом" рыночных отношений, который выражается в процессах демомонополизации, дерегулирования, экспансии мелкого бизнеса и других. Она заключается в том, что развертывание информационно-компьютерной революции и становление информационного общества порождают нужду в превращении огромных масс людей, занятых полезным трудом, в автономных и полноценных субъектов хозяйственной и политической жизни. Сами по себе процессы информатизации и компьютеризации продуцируются достигнутым уровнем развития материальной и духовной культуры человечества. В то же время постепенное надстраивание информационно-компьютерного пласта культуры над индустриальным, превращение его в основной структурный элемент общества создает невиданные в истории возможности и одновременно потребность в увеличении числа автономных субъектов хозяйственной деятельности. Эта тенденция, прокладывает себе путь через процессы демомонополизации, разукрупнения малоподвижных и неэффективных хозяйственных корпораций, увеличение числа фирм и малых предприятий. Рынок же оказывается наиболее адекватной для реализации данной тенденции формой сотрудничества людей, поскольку позволяет без агитации, пропаганды и принуждения привлечь к сфере производства и поиска путей применения научных знаний миллионы людей, без чего продвижение к информационному обществу оказывается парализованным.

Сказанное выше можно дополнить следующим. Потребность в рыночной форме сотрудничества людей усиливается также тем обстоятельством, что развитие цивилизации, начиная с индустриального этапа, базируется на использовании преимущественно невозполнимых ресурсов планеты. Катастрофическое уменьшение, а в некоторых случаях исчерпание этих ресурсов, порождают острую потребность в рачительных, оптимальных формах хозяйственной деятельности. Рынок, как форма сотрудничества людей, со встроенными в него механизмами личной заинтересованности, стоимостной оценки предпринимаемых действий, конкуренции, как нельзя лучше отвечает этим требованиям. Все иные альтернативные формы хозяйствования в современных условиях дефицита природных ресурсов менее эффективны и уже не могут обеспечить удовлетворительное решение встающих перед обществом экономических и социальных проблем. В связи с обострением экологической ситуации на планете задержка перевода экономики на рыночную основу в конечном итоге может привести к катастрофическим последствиям, ибо практически означает сохранение материалоемких, энергоемких, не отвечающих экологическим требованиям производств.

Конечно, нельзя не согласиться с тем, что рынок порождает негативные последствия для развития культуры, общества, человека. К их числу относятся: стихийность общественного развития, наличие неоправданных различий в уровне жизни людей, безработица, рост преступности, дефицит гуманности в отношениях между людьми и другие. В то же время нельзя сбрасывать со счета, что человечество в известной мере уже выработало совокупность средств и методов, применение которых способствует элиминации и преодолению негативных последствий функционирования рынка.

Прогресс в развитии культуры не только в области сотрудничества людей, а по существу всюду сопряжен с возникновением, а нередко и сохранением негативных следствий. Человечеству чаще приходится выбирать не между добром и злом, плохим и хорошим, а плохим и еще более худшим. К примеру, автомобилизация любой достаточно развитой страны требует от нее ежедневной жертвы в виде определенного количества жизней ее граждан. Но ни в одной стране на этом основании не положен конец автомобилизации или ее дальнейшему развитию. Люди склонны мириться с ежедневной потерей человеческих жизней ради тех благ, которые приносит автомобилизация, понимая, что в современных

условиях возврат к "золотому веку" без автомобилей повлек бы за собою еще более худшие последствия.

Аналогичной является ситуация с рынком. Его замена на современном этапе другой формой сотрудничества привела бы к отрицательным последствиям иного плана, но уже значительно более разрушительным. Поэтому в наше время решение социальных проблем, связанных с рынком, состоит не в замене его другим механизмом регуляции, а в поиске и применении средств и методов, способствующих преодолению негативных последствий его функционирования.

Итак, на индустриальной и информационной стадиях цивилизации необходимость рынка обусловлена достигнутым уровнем развития культуры (в сферах взаимодействия с природой, общественных отношений, управления). В современных условиях рынок выступает в качестве наиболее адекватной и, следовательно, наиболее оптимальной и эффективной формы организации человеческого труда. Все иные системы организации труда для данного этапа менее эффективны. Поэтому, если целью является экономический и социальный прогресс, решение экологических проблем, альтернативы переходу к рыночной экономике, как нам представляется, не существует. Неприятие рынка в современных условиях неизбежно ведет к застою в развитии культуры и общества.

Учитывая изложенное, выводы о преодолении в информационном обществе рыночного регулятора и раскрытии в новых исторических условиях преимуществ базирующейся на общественной собственности централизованной директивной экономики, следует оценить как ошибочные. Вместе с тем нельзя не видеть, что по мере перехода к информационному обществу происходит кардинальное обновление прежней, классической системы спонтанно-статистического регулирования. В ходе этого процесса существенно изменяется и механизм рыночной регуляции, что выражается в следующем.

1. С использованием новейших средств связи и переработки информации на качественно более высокий уровень поднимается присущее рынку свойство самоорганизации. В информационно насыщенной рыночной экономике операции по купле и продаже, как правило, осуществ-

ляются при посредстве компьютерных сетей, с помощью которых заранее учитываются спрос и предложение, уровень цен, издержки производства. В результате обмен становится значительно более организованным, что позволяет в определенной мере преодолеть элементы стихийности и отчужденности, свойственные рынку индустриального общества. Новейшие коммуникационные системы плюс эффективные, быстро перестраивающиеся информационно-компьютерные технологии существенно видоизменяют традиционную рыночную экономику. Например, американской компании "Катерпиллар" для удовлетворения заказов, поступивших из любой точки земного шара, на любую из 250 тысяч позиций запасных частей требуется не больше 50 часов. Перестройка в другой американской компании в ответ на изменение моды и вкусов потребителей осуществляется в течении 2-3 дней. Поиск потенциального покупателя в любом районе мира для предназначенной на экспорт части сельскохозяйственной продукции США занимает считанные часы. И таких примеров множество. В этих и подобных случаях "решающую роль играют информационные системы, которые обеспечивают возможность быстрой реакции на поступающие запросы и изменения экономической обстановки" (203, 55-56).

Главный принцип современного западного рынка, возникающего в результате внедрения и широкого применения информационно-компьютерных технологий, заключается в том, что производитель, как правило, сначала находит покупателя своей продукции и лишь затем приступает к ее производству. Этот принцип прямо противоположен принципу рынка, характерного для индустриального общества: сначала произведи, а потом ищи покупателя. "Практически каждая сделка купли-продажи между корпорациями, - пишет В.Кузнецов, - предваряется сейчас заключением письменного или устного контракта, имеющего юридическую силу. Это означает что стороны берут на себя взаимные обязательства по выполнению условий контракта, и любое его нарушение может повести за собой судебные санкции" (89, 6).

Широкое распространение контрактной формы рыночных отношений имеет далеко идущие последствия. Процесс производства практически полностью выводится за пределы сферы действия сил рыночной стихии и анархии. На уровне предприятия он становится предсказуемым и, следовательно, планомерным. "Практически исчезает риск произвести и не продать. До минимума снижаются расхождения в спецификациях

выносимой на рынок продукции и предъявляемых к ней требований покупателей. Наличие контракта позволяет составлять предварительные планы производства, обеспечения его сырьем, оборудованием, рабочей силой, в некоторых случаях - планы научно-технических исследований, во всех случаях - финансовые планы предприятий" (89, 6).

В то же время в информационно насыщенной рыночной экономике сохраняются стимулирующая и распределительная функция цен. Контрактная форма отношений "не ослабляет потенциал экономического принуждения, который изначально заключен в конкуренции. Последняя по-прежнему заставляет производителей совершенствовать производство, искать новые рынки сбыта и новых потребителей, снимать удельные издержки всеми доступными предпринимателям методами" (89, 7).

Надо отметить, что уже К.Маркс, исследуя эпоху свободного предпринимательства, обращал внимание на возникающие в ходе развития возможности для преодоления элементов отчуждения и стихийности в процессе функционирования рынка. Этому, как полагал К.Маркс, служат преискуранты, вексельные курсы, почтовая и телеграфная связь между лицами, ведущими торговлю, развитие всеобщей статистики.

В то же время, согласно Марксу, сама необходимость предварительно превратить продукт или деятельность индивидов в форму меновой стоимости в деньги, дабы в этой вещной форме они приобрели и доказали свою общественную силу, доказывает, что их производство не является непосредственно общественным, не представляет собой продукт ассоциации, распределяющей труд среди своих членов. "Индивиды подчинены общественному производству, существующему вне их наподобие некоего рока, а не общественное производство подчинено индивидам, которые бы управляли им как своим достоянием. Поэтому, - заключает К.Маркс, - не может быть ничего ошибочнее и нелепее, нежели на основе меновой стоимости и денег предполагать контроль объединенных индивидов над их совокупным производством" (106, 46, ч. 1, 101-102). Отсюда следовали выводы о необходимости национализации в ходе социалистической революции частной собственности и замене рыночного регулятора принципиально иным механизмом социального управления.

Однако история не подтвердила эти выводы К.Маркса. В посткапиталистическом информационном обществе получают дальнейшее развитие как институт частного предпринимательства, так и рыночные отношения. При этом нарастающий процесс информатизации общественной жизни существенно усиливает свойственное рынку самоорганизующее начало, способствуя превращению рыночных отношений в непосредственно общественные. Контрактная форма, констатирует В.Кузнецов, "радикально меняет положение дел в сфере рыночных отношений, превращает ее в сферу прямых связей между производителями и потребителями" (89, 6).

2. Характерной особенностью регулятивного механизма постиндустриального общества является наличие эффективной системы централизованного регулирования экономических и социальных процессов. Централизованное регулирование рыночной экономики в известной мере было свойственно и индустриальной стадии цивилизации. Однако в информационном обществе оно поднимается на качественно более высокую ступень. Основой централизованного планирования и управления становится широкое применение средств связи, хранения и переработки информации, созданных в ходе информационно-компьютерной революции. С радикальным изменением роли государства в управлении общественной жизнью коррелирует существенное увеличение его экономической мощи.

Государственное регулирование рынка осуществляется, главным образом, при помощи экономических методов и законодательства. "Как правило, - пишет В.Кузнецов, - центр в лице парламента, правительства, институтов макроэкономического воздействия и/или центрального банка очень редко прямо вмешивается в принятие решений отдельными микросубъектами. Когда возникает необходимость воздействовать на состояние дел в нижней подсистеме, то есть когда оценка по макрокритериям (по государственным критериям) хода этих дел показывает отклонение от экономически, социально или политически желательного направления, тогда государственные органы меняют отдельные универсальные параметры экономической деятельности. Именно те параметры, которые руководители фирм обычно принимают во внимание при выработке своих текущих или инвестиционных решений" (89, 9).

При данном способе устройства регулятивного механизма общества центр не выступит в качестве антагониста рынка, а, напро-

тив, заинтересован в более полном использовании потенциала рыночного регулирования. Вследствие этого он не только создаст благоприятные условия для функционирования рынка, но и способствует распространению рыночных отношений на те сферы общественной жизни, где это целесообразно и ведет к повышению эффективности человеческой деятельности.

Наличие в рыночной экономике постиндустриального общества помимо свойства самоорганизации и второго начала - централизованного регулирования экономических и социальных процессов не означает снижения или уменьшения роли рынка в системе социального управления. Решающая роль в координации деятельности миллионов людей по-прежнему принадлежит рынку. Однако в действиях субъектов рыночной экономики все в большей мере начинают реализовываться планы и программы, намеченные центром. Вследствие этого государственно направляемое рыночное регулирование представляет собой качественно иную, значительно более эффективную и развитую форму разрешения противоречия между стихийностью и планомерностью в развитии общества.

Как свидетельствует исторический опыт, как сам рынок, с присущим ему свойством самоорганизации, так и способы его централизованного контроля и регулирования проходят в цивилизованный период ряд этапов, соответствующих конкретно-историческим ступеням в развитии техники и технологии. В аграрную эпоху происходит становление рынка. Для индустриального общества характерен анархически функционирующий рынок. И лишь с переходом к информационному обществу создается адекватное природе рынка централизованное регулирование экономическими и социальными процессами. Третья ступень в развитии рыночного регулятора является его завершающей рационализированной стадией, подобно тому как компьютерный этап является завершающей стадией развития технологий, характерных для техногенной цивилизации. Те исследователи, которые рассматривают информатизацию общества в качестве альтернативы рыночному механизму управления, не учитывают, что в объективном историческом развитии цивилизации информатизация ведет не к отмене рынка, а к его более высокой рационализированной ступени. Можно согласиться с тем, что информатизация и компьютеризация общества означают отрицание рыночного регулятора в том виде, в котором он был свойственен индустриальной стадии, одна-

ко это - диалектическое отрицание, с возрождением решающей роли рыночного регулирования в новой форме, соответствующей культурно-историческим условиям нового этапа цивилизации.

3. Еще одной особенностью регулятивного механизма формирующегося информационного общества является существенное усиление его социальной направленности в сравнении с индустриальным периодом. Уже на стадии становления постиндустриального общества эта его особенность видна вполне отчетливо. Полагают, что в ходе дальнейшего развития она получит значительно более полное выражение. Ключевым моментом этого процесса является включение в число традиционных либеральных прав граждан права на достойное человеческое существование и социальные гарантии. Основным инструментом и гарантом социализации общества становится государство. В связи с этим можно говорить о его превращении в правовое социальное государство. Не в последнюю очередь этому способствует существенное усиление экономической мощи и информационного потенциала государства, а также дальнейшее развитие политической демократии. В построении и функционировании политической системы в более полной мере находят выражение принципы всеобщего избирательного права, правовой государственности, учета позиции меньшинства и другие.

Таким образом, судя по тенденциям, обновление регулятивной системы в современный период связано не просто с совершенствованием внешней принудительной регуляцией из единого центра, а с дальнейшим развитием регуляторов синергетического типа (то есть покоящихся на принципах самоорганизации) и формированием адекватного природе этих регуляторов общественно-политического центра управления. Можно констатировать, что по мере перехода от индустриального к информационному обществу происходит качественное изменение прежней, классической системы спонтанно-статистического регулирования, что выражается в формировании принципиально иной системы социальной регуляции, характеризующейся информационной насыщенностью, централизованным управлением экономическими и социальными процессами, ориентацией на реализацию принципов социальной справедливости. Конечным истоком формирования новой регулятивной системы стали кардинальные сдвиги в деятельности людей, связанные с освоением достижений современной технологической революции.

Глава II Проблема выбора путей развития регулятивной системы современной России

Итак, во второй половине XX века в странах позднего капитализма достаточно явно обозначился процесс формирования предпосылок для перехода к постлиберальной (посткапиталистической) системе общественных отношений, с присущим ей типом социальной регуляции. Для данной модели общественных отношений и типа социального управления характерны следующие черты: 1) превращение стихийной (анархически функционирующей) рыночной экономики в государственно регулируемую рыночную экономику; 2) поднятие на качественно более высокую ступень в связи с освоением достижений современной информационной революции присущего рынку свойства самоорганизации, что способствует повышению эффективности рыночной экономики и преодолению элементов стихийности, характерных для рынка индустриальной эпохи; 3) постепенное надстраивание над прежними либерально-формальными правами нового поколения прав и свобод граждан, обеспечивающих человеку достойный уровень существования и социальной защищенности; 4) преобразование правового государства в правовое демократическое социальное государство; 5) существенное усиление гуманитарной (социальной) ориентированности всей системы общественных отношений и регулятивного механизма в сравнении с эпохой классического капитализма.

В формирующемся посткапиталистическом информационном обществе частное предпринимательство, рынок и конкуренция остаются в качестве его устоев. В то же время вся система присвоения существенно изменяется. Повышается роль государства как субъекта и носителя общественного начала в системе присвоения, совершенствуются институциональные формы согласования интересов между наемным трудом и капиталом, получают широкое распространение акционерные предприятия, в связи с чем растет количество собственников, активно развивается малый бизнес. В итоге вся система отношений собственности приобретает более цивилизованную форму разрешения противоречия между частным и общественным началом в присвоении результатов труда.

В новой системе общественных отношений рынок, как и в прежний период, сохраняет за собой роль основного регулятора сотрудничества миллионов людей. Однако в связи с освоением достижений информационно-компьютерной революции качественно иным становится присущее рынку свойство самоорганизации, благодаря чему возрастает предсказуемость и планомерность хозяйственной деятельности. Кроме того, одной из основных функций государственного управления становится централизованное регулирование рыночной экономики для преодоления негативных последствий ее функционирования, повышения эффективности и конкурентоспособности, подчинения целям социокультурного прогресса. При этом государственное регулирование рыночной экономики осуществляется, главным образом, посредством экономических методов и законодательства. Централизованное директивно-приказное регулирование тоже имеет место, но в соотношении с экономико-правовыми методами носит подчиненный характер.

В связи с переходом в XX веке к всеобщему избирательному праву, появлением (в связи с применением новейшей информационной техники) разнообразных форм выражения и учета общественного мнения стало возможным дальнейшее развитие политической демократии.

Обозначенные выше элементы нового радикально изменяют характер связи между гражданским обществом и государством, который был свойствен классическому капитализму. Возникает тенденция к новому их синтезу, в котором усиление роли государства в регулировании экономических и общественных процессов, обеспечении социальной защищенности граждан не ведет к потере гражданским обществом ни присущей ему автономии, ни контроля за деятельностью органов публичной власти. При этом заметно усиливается демократическая и гуманитарная (социальная) составляющая в деятельности институтов государственного управления.

В отличие от реального социализма, который создавался в ходе насильственного, "зрящего" отрицания частной собственности, рынка, "буржуазной" демократии, постлиберальный тип общественного устройства и социальной регуляции формируется путем снятия, то есть диалектического отрицания основ классического капитализма и свойственного ему регулятивного механизма. Это означает, что

элементы предшествующей общественной формы, подтвердившие свою жизнеспособность, сохраняются в новой общественной структуре, но уже в модифицированном, видоизмененном виде. Среди них наличие прав и свобод граждан, институт частного предпринимательства, рыночное регулирование, разделенность правового государства и гражданского общества, правовой порядок формирования и функционирования органов государственной власти, принципы верховенства права, разделения властей, демократии и другие.

В современном виде постлиберальная система общественных отношений представляет собой лишь "ранний плод", весьма отличный от будущей, зрелой своей формы. Уже неоконсервативные правительства внесли в эту систему заметные ковации. Еще в большей мере она изменится в будущем. В то же время некоторые ее существенные черты (выше о них шла речь) вполне отчетливо видны уже в наше время.

В процессе перехода от индустриального к информационному обществу освоением достижений информационно-компьютерной революции, радикальным преобразованием структуры занятий людей под формирующуюся посткапиталистическую систему общественных отношений и соответствующий ей тип социальной регуляции подводится адекватная культурно-технологическая основа.

Именно эта модель общественного устройства, как нам представляется, должна быть для России ориентиром в обновлении общественного строя и системы социального управления, поскольку именно в ней в наиболее полной мере аккумулирован положительный опыт мировой цивилизации в решении проблем общественного устройства и социальной регуляции, и, поскольку именно она в современном взаимосвязанном и взаимообусловленном мире в наибольшей мере отвечает достигнутой ступени культурного развития.

Для определения путей реформирования российского общества и свойственной ему регулятивной системы принципиальное значение имеет, как нам представляется, учет трех положений историко-софского характера: 1) в эволюции мировой цивилизации отчетливо выделяются два социокультурных направления: восточное и западное; 2) наличие различных социокультурных направлений не отменяет единства и преемственности в развитии мировой цивилизации; 3) в рамках западного направления полнее выражен прогресс в

развитии общественных отношений и системы социальной регуляции.

В выделении восточного и западного путей социокультурного развития резюмировано качественное различие двух исторических типов общественного устройства и социальной регуляции, сформировавшихся на аграрной стадии цивилизации. Если античное рабство, феодализм, либерализм, поздний капитализм являются выражением западного пути социокультурного развития, то древневосточный деспотизм, централизованные общества Китая и Византии эпохи средневековья, тоталитарные режимы XX века, напротив, выражают линию Востока в развитии мировой цивилизации. Таким образом, и на аграрной, и на индустриальной стадии имеется многообразие регионально-исторических форм общественной жизни и социальной регуляции, одни из которых тяготеют к западному, другие к восточному направлению социокультурного развития.

Когда пишут об особой нестривальной ментальности Востока или Запада, их особых исторических путях и на этом останавливаются, то вольно или невольно абсолютизируется различие между Западом и Востоком, и упускается из виду единство и преемственность в развитии мировой цивилизации. Остается в тени и недооценивается тот фундаментальный факт, что в процессе смены регионально-исторических социокультурных формаций имел место прогресс в развитии общественных отношений, ставший возможным благодаря взаимовлиянию и преемственности между ними и постепенному накоплению в последующих общественных формах наиболее ценных элементов социокультурной эволюции, в том числе и тех, которые были созданы на Востоке. В ходе социокультурной эволюции человечество не потеряло ни одного из величайших достижений homo sapiens таких, к примеру, как изобретение устного языка, письменности, книгопечатания, электронных средств преобразования и передачи информации, но оно же сохранило и все его завоевания на пути претворения в действительность идеалов свободы, равенства и солидарности людей, мера воплощения в жизнь которых и может служить критерием социального прогресса.

Древний Восток, как мы полагаем, является исходной социокультурной формой, как для западного, так и восточного направлений в развитии мировой цивилизации. Однако в последующем

именно линия Запада (античность, феодализм, капитализм, посткапитализм) в основном выражает прогресс в развитии общественных отношений и в управлении обществом, так как именно здесь происходила смена социокультурных формаций в соответствии с принципами преемственности, качественного обновления и восхождения на новую ступень общественного развития. Поэтому именно на Западе, как свидетельствует опыт истории, наблюдается прогресс в развитии свободы и равенства граждан, в ограничении посредством права как государственного, так и частного произвола, в развитии демократии, в создании эффективных форм хозяйствования, в решении задач научно-технического прогресса. Что касается восточного пути, то он стал возможен вследствие, с одной стороны, консервации и сохранения азиатского типа общественного устройства в отдельных регионах вплоть до XX века, с другой - воспроизведения основных принципов этого типа общественного устройства и социальной регуляции в отдельных странах как бы заново под давлением конкретных культурно-исторических условий.

Своеобразием общественного устройства и типа социальной регуляции Восток поставил перед человечеством ряд вопросов принципиальной важности. Как преодолеть диктат и тотальный контроль государства над обществом и человеком? Как ограничить произвол деспотического государства и положить конец связанному с этим бесправно личности? Как сделать так, чтобы именно народ стал подлинным источником публичной власти и права? Как устранить механизм торможения культурного прогресса, характерный для азиатской формы общественного устройства? Восток поставил эти вопросы, но не смог решить. Ответы на них были найдены в европейском регионе. При этом, в конечном итоге, был найден такой ответ, который, преодолевая пороки азиатской формы общественного устройства и типа социальной регуляции, одновременно сохранял ее положительные достижения и, прежде всего, централизованную бюрократическую государственность, как весьма эффективный и необходимый способ управления общественными процессами. Поэтому ошибочным является чрезмерное противопоставление Запада Востоку, ибо в этом случае упускается из виду, что Запад, подвергнув теоретической и практической критике негативные аспекты социокультурного развития Востока, унаследовал и воспринял его культурные достижения

и уже на этой основе существенно продвинул развитие мировой цивилизации вперед.

Единство и преемственность в эволюции мировой цивилизации реализуется лишь через развитие самобытных культур различных регионов Земли и, следовательно, наряду с ними в реальной истории нет еще прогрессивного (магистрального) пути развития цивилизации как такового. Понятие прогрессивного (магистрального) пути есть лишь идеальная конструкция, отражающая некоторые тенденции развития мировой цивилизации и неразрывно связанная с признанием совокупности общечеловеческих ценностей, направляющих социокультурное строительство народов в современный период. В то же время данная идеальная конструкция имеет важное мировоззренческое, методологическое и практическое значение, так как позволяет определить основополагающие цели и ориентиры общественного развития в современный период, а также уже опробированные исторической практикой средства их достижения. Последнее имеет принципиальное значение. Ибо в наше время вряд ли кто станет возражать против таких ориентиров как безопасность, свобода, социальная справедливость, демократия. Однако средства их достижения могут быть избраны такие, которые приведут к результату, прямо противоположному тому, что намечалось и декларировалось в качестве целей.

Как было показано в ходе предшествующего изложения, для России в течении последних пяти веков ее истории была специфична азиатская модель общественного строя, характеризующаяся решающей ролью антиправового и недемократического государства в системе общественных отношений и в осуществлении функций социального управления. В России, как известно, не состоялась социокультурная революция, подобная той, которая изменила облик Европы в XVI-XIX веках. Строительство реального социализма лишь обновило азиатскую модель общественного устройства в соответствии с культурно-историческими реалиями XX века. "Конечно, - пишет в связи с этим Л.С.Васильев, - модернизация и технический прогресс, индустриализация и урбанизация сильно изменили облик ...России. Возникла иллюзия, что сохранив свою внутреннюю структуру, основанную на насилии и всемогуществу государства, можно чуть ли не опередить капитализм. Но иллюзия эта рухнула под ударами жес-

такого кризиса, обнажившего все пороки бесчеловечной системы. И снова стал вопрос о классической дихотомии Восток - Запад. Оказалось, что марксистский социализм, по советской модели - это именно модификация Востока, а не преодоленный Запад" (31, 35).

Учитывая сказанное выше, в процессе обновления общественного строя и регулятивной системы России, как мы полагаем, одновременно должны быть решены, по меньшей мере, две относительно самостоятельные задачи принципиальной важности. Первая заключается в том, чтобы преодолеть господство и тотальный контроль государства над обществом и личностью, а также антиправовой и недемократический характер деятельности и формирования органов государства. Решается эта задача путем создания и обособления друг от друга правового государства и гражданского общества и тем самым законодательного разграничения функций социального управления между государством и регуляторами гражданского общества, прежде всего рынком. Преодоление антиправового характера публичной власти означает также признание и фактическое обеспечение прав и свобод граждан, восстановление института частного предпринимательства, введение в действие принципов верховенства права, разделения властей, правового порядка формирования и функционирования органов государственной власти. Правовым, как свидетельствует опыт истории, может названо лишь такое государство, которое способно ограничить произвол и беззаконие со стороны как частных лиц, так и государственных служб и чиновников. Естественно, что и гражданское общество будет соответствовать своему названию лишь в случае автономии и независимости его жизни от государства, а также при наличии контроля со стороны гражданского общества за деятельностью государственных структур. Если этого нет, то нет и граждан в строгом смысле этого слова, и общество такое, следовательно, является псевдогражданским.

Решением очерченного выше круга проблем делается решающий шаг для преодоления принудительной организации труда, тоталитарного, деспотического государства и бесправия человека. Одновременно устраняется механизм социально-экономического торможения, характерный для азиатской модели общественного устройства. Тем самым будут созданы социально-экономические и политико-правовые условия способствующие для дальнейшего куль-

турного прогресса и освоения достижений информационно-компьютерной революции.

Уже решение данной задачи в процессе обновления регулятивного механизма России является трудным и сложным делом. Об этом свидетельствует уже тот факт, что народами Европы она решалась в течении нескольких веков. И все же, если внимание реформаторов будет акцентировано только на этой задаче, то Россия рискует воспроизвести противоречия и проблемы, свойственные эпохе классического капитализма, то есть углубление социально-экономического неравенства, стихийность общественного развития, безработицу и другие.

Поэтому, наряду с обозначенной выше первой задачей, должны также решаться проблемы, связанные с формированием постлиберальной модели общественных отношений и социальной регуляции. Основными структурными элементами последней являются правовое демократическое социальное государство и централизованно направляемый и социально ориентированный рынок. С учетом этого переход к новой регулятивной системе предполагает, во-первых, признание и обеспечение социальных прав и гарантий граждан, ставших реальностью во многих развитых странах в XX веке. В этой связи государством должны быть выработаны применительно к специфическим условиям рыночной экономики и введены в действие средства и способы обеспечения принципов социальной справедливости и социальной защищенности граждан России. Во-вторых, должен быть завершен переход от централизованного директивного управления общественным производством к централизованному государственному регулированию рыночной экономики при помощи, главным образом, экономико-правовых методов. В-третьих, следует незамедлительно решать проблемы информатизации и компьютеризации основных сфер деятельности людей, учитывая, что информационно-компьютерная технология является адекватной основой постлиберальной системы общественных отношений и что освоение достижений современной научно-технической революции является необходимым условием повышения конкурентноспособности и самоорганизации рыночной экономики, а также эффективности государственного управления экономическими и социальными процессами.

Было бы ошибкою отвергать очерченный выше путь реформирования общественных отношений и регулятивной системы России, ссылаясь на ее особый менталитет, а также на то, что основные идеи данного пути были найдены и опробированы в Европе и Америке. Как отмечалось ранее, восточный тип общественной организации и социального управления, который был характерен для России начиная с конца XV века, представляет собой в конечном счете тупиковую ветвь в развитии мировой цивилизации. Как свидетельствуют факты, на этом пути возможен значительный культурный прогресс. Однако на определенном этапе дальнейшее развитие становится невозможным без преодоления недостатков, характерных для общественных структур азиатского типа. Говоря о недостатках, мы имеем в виду прежде всего засилье бюрократически организуемого принудительного труда, превращение миллионов людей в простых исполнителей воли администраторов, господство государства над обществом и человеком, а также присущий азиатскому государству тоталитарный, антиправовой и недемократический характер.

Мудрость, как нам представляется, заключается в том, чтобы в ходе реформ в России, ориентированных на обновление общественных отношений и системы социального управления, как можно полнее учесть опыт социокультурного развития мировой цивилизации, включая и революционные изменения всемирно-исторического значения последних десятилетий XX века. Мы имеем в виду переход передовых стран от индустриальной к информационной стадии цивилизации, постепенное преодоление тоталитарной и классической либеральной систем общественных отношений. Обновление, конечно, необходимо осуществлять не вопреки, а с учетом конкретно-исторических условий культурного развития современной России.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Постцивилизация и социальное управление

Исследование эволюции регулятивной системы общества нельзя считать завершенным, если не будет поставлен вопрос о будущем постцивилизационном этапе ее развития. Постановка этого вопроса позволяет глубже понять своеобразие и историческое место современной техногенной цивилизации в истории культуры человечества. В более широком историческом контексте становится отчетливее виден преходящий характер ее технологической основы, собственных ее форм общественных отношений и социальной регуляции. В этой связи возникает ряд вопросов, в рамках нашей работы представляющих особый интерес. Каков характер будущих изменений в регулятивной системе общества, произойдет ли отмирание государства и правовой регуляции общественных процессов, возможно ли снятие в будущем рыночного регулятора - таковы лишь некоторые из них.

Как свидетельствует исторический опыт, временно приостановить социокультурный прогресс в какой-либо стране или даже группе стран можно. Но до сих пор не было общественных сил, которые могли положить предел культурному прогрессу окончательно. Поэтому, как бы ни было жестоко прошлое человечества, оно все же может служить основанием для исторического оптимизма. Отсюда проистекает потребность в обсуждении проблем будущего, в том числе относящихся и к социальному управлению.

В структуре общества в связи с исследованием поставленных в данной работе проблем мы различаем три крупнейших сферы: 1) взаимодействия людей с природой, 2) их отношений между собой, 3) управления. Это в свою очередь позволяет выделить три подсистемы культуры: технологическую, социальную, регулятивную. Изучение проблем и противоречий современной техногенной цивилизации приводит к выводу, что в перспективе во всех трех указанных сферах вполне возможны существенные сдвиги, принципиально изменяющие жизнь общества и человека. На первый взгляд может показаться ложным тезис, согласно которому на смену существующей цивилизации придет качественно иной этап культурного развития.

Тем не менее для такого суждения имеются достаточно весомые основания. Эра господства технологии, базирующейся на законах механики, физики, химии, использования невосполнимых ресурсов планеты, существования больших городов, решающей роли рыночного регулирования в системе социального управления, неизбежно подвергнется снятию в ходе последующего развития человечества. Конечно, в настоящем еще нет непосредственных предпосылок этого достаточно отдаленного будущего состояния культуры человечества. Однако вполне отчетливо видны некоторые тенденции социокультурного развития, свидетельствующие о движении цивилизации в этом направлении. Изучение этих тенденций и позволяет высказать ряд суждений о характере технологии, специфике общественных отношений и системы социальной регуляции в постцивилизированный период. Само собою разумеется, что высказываемые при этом суждения носят сугубо гипотетический характер.

Учитывая сделанные замечания, остановимся кратко на возможных изменениях в каждой из указанных выше подсистем общества.

Опыт истории свидетельствует, что по своим истокам революции в культуре выступают как революции технологические. Данная констатация имеет важное методологическое значение. Она даст исследователю основание для характеристики качественных ступеней в развитии культуры человечества. В свою очередь исследование объективной логики культурного развития позволяет с более строгими критериями подойти к изучению наиболее общих тенденций исторического процесса.

Различные технологии человеческой деятельности можно рассматривать как преобразователи вещества, энергии, информации, посредством которых люди обеспечивают свою жизнь. Человечеству известны преобразователи вещества и энергии двух видов: физико-химические и биологические. Общество всегда использует оба вида, но роль и значение каждого из них на различных ступенях истории далеко не одинакова.

Технологическим основанием современной мировой цивилизации являются искусственно созданные технологии по переработке вещества, энергии, а затем и информации. Характерная особенность этих технологий состоит в том, что они основаны на использовании объективных законов, открываемых в таких науках, как механика, физика, химия. Этим цивилизация отличается от первобытности, для которой характерно использование человеком в своих целях, главным образом, естественно возникших живых природных комплексов (лес, поле, водосем), функционирующих на основе биологических законов. В связи с ограниченностью практики и, соответственно, познания применение искусственных технологий по преобразованию вещества и энергии в эпоху первобытности было незначительным.

Господство в цивилизационный период физико-химических преобразователей вещества и энергии неразрывно связано с использованием человеком в эту эпоху преимущественно невозможных ресурсов планеты, таких как металл, уголь, нефть, газ и другие. Резюмируя, можно сказать, что цивилизация в ее технологическом аспекте - это эпоха становления и расцвета искусственно созданных человеком промышленных технологий, базирующихся на применении физико-химических способов переработки вещества и энергии и преимущественном использовании невозможных ресурсов планеты. На современном этапе заметно увеличиваются масштабы и эффективность материального производства, а также количество отходов. По сообщениям в печати 98% перерабатываемого вещества природы идет в отвалы и отходы, загрязняя окружающую среду, а способы утилизации отходов современного производства человечеством к настоящему времени освоены в незначительной степени.

Сказанное выше позволяет понять исторически преходящий характер цивилизации как качественно определенного культурного этапа, следующего за первобытностью и правомерность постановки вопроса о постцивилизационной стадии культурной эволюции человечества. Каждая ступень развития культуры является определенной формой существования и разрешения противоречия между обществом и природой. Сложившаяся на планете к настоящему времени экологическая ситуация не оставляет сомнения в том, что по мере развертывания информационно-компьютерной революции противоречие между обществом и природой углубляется. Причина со-

стоит в том, что современное общество в основном применяет преобразующую технологию, характерными особенностями которой является господство механических и физико-химических способов переработки вещества и энергии, а также использование преимущественно невозможных ресурсов планеты.

Выход из сложившейся на планете экологической ситуации, как мы полагаем, заключается не в "замораживании" экономического развития, а в разработке и внедрении в материальное производство технологических процессов, имеющих принципиально иную природу чем те, которые были характерны для всего периода цивилизации. Другими словами, решение проблемы связано с созданием экологически обоснованной структуры производительных сил, в которой производственные технологии, основанные на использовании закономерностей функционирования и развития жизни, займут доминирующее положение. Если человечеству удастся решить эту задачу, то в материальном производстве широкое распространение получат биороботы и различного рода биотехнологические комплексы. Соответственно станет возможным использование в основном возобновляемых ресурсов планеты. Развертывание этого процесса, по мнению исследователей, составит содержание новой технологической революции.

Инновационная технология в исторических границах цивилизации проходит три этапа развития: инструментальный, машинный, автоматический. Автоматическая ступень выступает в качестве завершающей стадии в развитии преобразующей технологии и в силу этого всецело принадлежит цивилизации. Вместе с тем сам принцип автоматической, самоуправляемой технологии, если отвлечься от исторически ограниченной формы, в которой он возник, принадлежит будущему. В постцивилизационный период автоматическая самоуправляемая технология получит широкое распространение и будет играть решающую роль в структуре технологий, но уже не в виде индустриальной автоматической технологии, а в виде биопреобразующих производственных комплексов, ориентированных на использование для нужд человечества возобновляемых ресурсов планеты. Подобно тому как преобразующая технология первоначально возникает в эпоху первобытности как побочный результат присваивающей деятельности, а полностью свои возможности раскрывает на про-

мышленной почве, так и автоматическая технология, возникая в виде индустриальной технологии, скрытые в ней возможности реализует в связи с биопресобразующими производственными комплексами.

Понятно, что содержание биотехнологической революции, прокладывающей путь от цивилизации к постцивилизации, выходит за границы тех преобразований, которые осуществляются при переходе от индустриальной к информационной стадии цивилизации. Сказанное позволяет достаточно строго определить исторические границы информационного общества. После завершения современного технологического переворота информационное общество функционирует и развивается на основе такой технологической структуры, в которой господствующее положение занимают робототехника и автоматизированные процессы. Информационный период длится вплоть до еще более радикальной революции в средствах и способах человеческой деятельности, в ходе которой подвергнется снятию промышленная преобразующая технология, являющаяся основой всего цивилизационного этапа в развитии человечества.

Судя по тенденциям, переход к постцивилизации явится крупнейшим переломным рубежом в эволюции культуры. Во всестороннем преобразовании условий человеческой деятельности, различных сфер и областей общественной жизни, общества в целом найдет выражение содержание новой культурной революции, которая явится еще одним крупнейшим шагом в раскрытии возможностей, скрытых в характере родовой деятельности *homo sapiens*. С переходом к постцивилизации человечество перейдет к использованию преимущественно возобновимых ресурсов планеты и тем самым как бы воспроизведет в новых культурно-исторических условиях присваивающий характер хозяйственной деятельности, свойственный эпохе первобытности. Можно предположить, что именно на этой стадии культурного развития станет возможным и разрешение характерного для цивилизации противоречия между городом и деревней. Возникнут и получат широкое распространение новые поселения людей, в которых, вероятно, станет реальностью гармоничное сочетание преимуществ городского и сельского образцов жизни.

Изучение социальных проблем и тенденций развития современной цивилизации позволяет сделать вывод, что в будущем возможны изменения принципиального плана также и в отношениях между людьми. Они, как мы полагаем, найдут выражение в кардинальной смене приоритетов общественного развития. В жизни общества всегда имеют место два вида производства: производство вещей (вещества, энергии, информации) и производство самих людей. В течении всего цивилизационного периода первое являлось преобладающим, в то время как второе выступало в качестве своеобразного дополнения к первому. Вследствие этого в эпоху техногенной цивилизации человечество было озабочено в основном производством вещества, энергии, информации и лишь в меру достижений в этой области - развитием человека. Однако разрешение противоречия между обществом и природой при переходе от цивилизации к постцивилизации, вероятно, приведет к изменению соотношения указанных видов производств: производство людей станет преобладающим по отношению к производству вещей. Соответственно произойдет изменение приоритетов социокультурного развития. В новых культурно-исторических условиях уже не производство вещей, а развитие личности станет основной целью общественного развития. В структуре ценностных предпочтений людей ориентация на то, чтобы "иметь", сменится ориентацией на то, чтобы "быть" (в терминологии Э.Фрома). В конечном счете это будет означать, что в системе общественных связей преобладающими стали отношения между людьми, имеющие гуманистический характер.

Обозначенные выше изменения в структуре занятий, системе общественных отношений и ценностных ориентациях людей, если они станут реальностью, неизбежно приведут к существенным сдвигам в регулятивном механизме общества. При рассмотрении характера этих сдвигов важно учитывать следующее. Во-первых, как сви-

детству опыт истории, каждая более развитая система социальной регуляции формирует себя из тех элементов, которые созданы и доказали свою эффективность и жизнеспособность в предшествующий исторический период. В связи с этим регулятивную систему постцивилизированного общества в известной мере можно рассматривать в качестве своеобразного итога развития способов социальной регуляции на предшествующих стадиях культурного развития и прежде всего в цивилизационный период. Во-вторых, господствующее положение в сформировавшейся регулятивной системе, как правило, занимает способ управления, получивший значительное развитие в самый последний период, поскольку именно он, в силу присущих ему особенностей, в наибольшей мере отвечает специфическим условиям нового этапа социокультурной эволюции.

Исходя из сказанного, мы полагаем, что в регулятивной системе постцивилизационного общества найдут место все способы регулирования, получившие значительное развитие в предшествующую историческую эпоху. Это значит, что и в постцивилизационный период будет действовать традиционное регулирование общественной жизни, игравшее решающую роль в системе социального управления эпохи первобытности.

Постцивилизационное общество будет нуждаться и в принудительной регуляции социальных процессов, а также связанных с таким регулированием институтах и средствах принуждения. В этой связи, как нам представляется, весьма проблематичной и скорее всего ошибочной является концепция отмирания права и государства в каком-либо будущем обществе (если, конечно, человечество по каким-либо причинам не вынуждено будет вернуться к первобытным формам жизни). Если изъять право или государство, то рухнет все здание созданного в ходе культурной эволюции регулятивного механизма общества. С другой стороны, судя по тенденциям, роль государства в постцивилизационный период будет весьма существенной, но не как института принуждения, а прежде всего как социального института, обеспечивающего воспроизводство и развитие социально-гуманитарной инфраструктуры, или, другими словами, социокультурной среды, необходимой для формирования, самореализации, творчества и развития людей этой эпохи.

Мы полагаем, что на новом этапе культурной эволюции не исчезнет совсем и рыночное регулирование. Там, где это целесообразно, видоизмененное реалиями новой культурной эпохи, оно будет иметь место, ибо человечество всегда будет нуждаться в эффективных регуляторах спонтанно-статистического типа, упорядочивающих деятельность миллионов людей, связанную с производством вещества, энергии, информации.

В постцивилизационном обществе доминирующая роль регуляторов спонтанно-статистического типа по отношению к принудительным сохранится. Это значит, что решающая роль в системе социального управления и на этом этапе эволюции культуры будет принадлежать регуляторам, действие которых базируется на проверенных историей принципах автономии, равноправия, добровольного сотрудничества субъектов общественной жизни.

В то же время с переходом к постцивилизации произойдет качественное обновление всей системы управления, что выразится прежде всего в преодолении господствующего положения рыночного регулирования и утверждении в качестве доминирующего в регулятивной системе общества иного регулятора.

С утверждением в качестве господствующих общественных отношений, ориентированных на воспроизводство физически и духовно развитой личности, радикальными сдвигами в структуре ценностных ориентаций людей, рыночная форма общественной связи неизбежно подвергнется снятию и хотя не исчезнет совсем, все же перестанет играть решающую роль в структуре общественных отношений. Тем самым будет преодолено и господствующее положение рыночного регулятора в упорядочении сотрудничества людей.

Основным (преобладающим) станет способ управления, выдвинувшийся на первое место в регулятивной системе в связи с радикальными изменениями в структуре занятий, системе общественных отношений и ценностных ориентациях людей при переходе к постцивилизации. В чем своеобразие данного способа управления? Для ответа на этот вопрос обратим внимание на то, что рыночный регулятор, при рассмотрении его под определенным углом зрения, представляет собой специфический способ сочетания способностей и возможностей людей к рациональному использованию информации (и, соответственно, самостоятельному принятию решений) с быстро

меняющейся рыночной конъюнктурой. Итогом же реализации этих способностей и возможностей являются спонтанно-статистические управленческие процессы, получившие название рыночного регулирования. Что касается регулятора, идущего на смену рыночному, то он представляет собой соединение способностей людей к рациональному использованию информации (и самостоятельному принятию решений) с системой ценностных предпочтений, ведущую роль в которых занимает ориентация не на получение прибыли, а на саморазвитие и реализацию творческого потенциала личности.

Усиление и расширение сферы действия этого регулятора, как мы полагаем, неразрывно будет связано с превращением производства людей в преобладающее по отношению к производству вещей. Соответственно изменится структура ценностных ориентаций. Именно этот способ управления, ориентируя миллионы людей на достижение гуманистических ценностей и идеалов, самореализацию и творчество, физическое и интеллектуальное развитие, в силу свойственных ему особенностей, будет в наибольшей мере соответствовать социокультурным условиям будущей исторической эпохи. И поэтому именно данному способу управления в структуре регулятивной системы общества будет принадлежать ведущая роль.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Абдеев Р.Ф. Философия информационной цивилизации. М., 1994.
2. Абрамова Н.Т. Редукционистские тенденции кибернетики. // Кибернетика и диалектика. М., 1978.
3. Авсрянов А.Н. Системное познание мира. М., 1985.
4. Алексеев В.П., Першиц А.И. История первобытного общества. М., 1990.
5. Алексеев В.П. Становление человечества. М., 1984.
6. Алексеев П.В., Панин А.В. Теория познания и диалектика. М., 1991.
7. Алексеев С.С. Теория права. М., 1994.
8. Аллс М. Единственный критерий истины - согласие с данными опыта. // Мировая экономика и международные отношения, 1989, №11.
9. Андреев И.Л. Происхождение человека и общества. М., 1988.
10. Аннерс Э. История европейского права М., 1994.
11. Антология мировой философии. М., 1969, т.1, ч.1.
12. Арсфьева Г.С. От какого наследства мы отказываемся. М., 1992.
13. Афанасьев В.Г. Мир живого. М., 1986.
14. Афанасьев В.Г. Научное управление обществом. М., 1973.
15. Батуев А.С. Высшая нервная деятельность. М., 1991.
16. Берг А.И., Бирюков Б.В. Кибернетика - путь решения проблем управления. // Будущее науки. М., 1970.
17. Бердяев Н.А. О рабстве и свободе человека. // Мир философии. Ч. 2. М., 1991.
18. Бердяев Н.А. Русская идея. // Вопросы философии, 1990, №1.
19. Бирюков Б.В. Кибернетика и методология науки. М., 1974.
20. Бокарев В.А. Понятие управления и его роль в современном научном познании. // Кибернетика и современное научное познание. М., 1976.
21. Борисковский П.И. Древнейшее прошлое человечества. Л., 1979.
22. Борисов Е.Ф. Экономическая теория. М., 1993.
23. Борко Ю. О механизме саморазвития современного капитализма. // Коммунист, 1988, №5.
24. Бохеньский Ю. Сто суеверий. М., 1993.

25. Брандт В. Демократический социализм. Статьи и речи. М., 1972.
26. Бунак В.В. Речь и интеллект, стадии их развития в антропогенезе. // Ископаемые гоминиды и происхождение человека. М., 1966.
27. Буржуазное общество в поисках стабильности. М., 1991.
28. Бурлацкий Ф.М. Власть. // Философский энциклопедический словарь. М., 1983.
29. Валицкий А. Нравственность и право в теориях русских либералов конца XIX - начала XX веков. // Вопросы философии, 1991, N 8
30. Варга Е. Об азиатском способе производства. // Варга Е. Очерки по проблемам политэкономии капитализма. М., 1965.
31. Васильев Л.С. История Востока. М., 1993, т.1.
32. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. // Вебер М. Избранные произведения. М., 1990.
33. Вебер М. Цит. по кн.: Исследования по общей этнографии. М., 1979.
34. Вернан Ж.П. Происхождение древнегреческой мысли. М., 1988.
35. Ветров А.А. Семиотика и ее основные проблемы. М., 1968.
36. Пискотин М.И. Социализм и государственное управление, М., 1989.
37. Видинеев Н.В. Природа интеллектуальных способностей человека. М., 1989.
38. Винер Н. Кибернетика или управление и связь в животном и машине. М., 1958.
39. Винер Н. Кибернетика и общество. М., 1958.
40. Восленский М.С. Номенклатура. М., 1991.
41. Востриков П. Общественное развитие: пять формаций или две "вставки". // Мировая экономика и международные отношения, 1991, N12.
42. Востриков П.В. Идеалы социализма и экономическая реальность. // Мировая экономика и международные отношения, 1991, N3.
43. Выготский Л.С., Лурия А.Р. Этюды по истории поведения. М., 1993.
44. Выготский Л.С. Развитие высших психических функций. М., 1989.
45. Гаджиев К.С. Политическая наука. М., 1995.
46. Гайдар Е. Государство и эволюция. М., 1995.

47. Гиппенрейтер Ю.Б. Введение в общую психологию. М., 1988.
48. Гегель Г.В.Ф. Лекции по истории философии. Книга вторая. Санкт-Петербург. 1994.
49. Гирусов Э.В. Система "общество-природа". М., 1976.
50. Глазачев А.А., Молдаван В.С. Труд и всестороннее развитие личности. М., 1968.
51. Глушков В.М. О кибернетике как науке. // Кибернетика, мышление, жизнь. М., 1964.
52. Громов Г.Р. Очерки информационной технологии. М., 1993.
53. Гудожник Г.С. Цивилизация: развитие и современность. // Вопросы философии, 1986, №3.
54. Гумилев Л.Н. От Руси к России. М., 1992.
55. Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. М., 1984.
56. Гуревич А.Я. Феодализм. // Философская энциклопедия. Т.5. М., 1970.
57. Гутнова Е.В., Удальцова З.В. К вопросу о типологии развитого феодализма в Западной Европе. // Проблемы социально-экономических формаций. М., 1975.
58. Дайзард У. Наступление информационного века. // Новая технократическая волна на Западе. М., 1986.
59. Данилова Н.Н., Крылова А.Л. Физиология высшей нервной деятельности. М., 1989.
60. Дробницкий О.Г., Левада Ю.А. Обычай. // Философская энциклопедия. Т.4. М., 1967.
62. Дробницкий О.Г. Проблемы нравственности. М., 1977.
63. Дробницкий О.Г. Понятие морали. М., 1974.
64. Желев Желю. Фашизм. М., 1991.
65. Жуков Н.И. Информация. М., 1971.
66. Жуков Н.И. Философские основы кибернетики. Минск., 1973.
67. Журавлев Л.А. Позитивизм и проблема исторических законов. М., 1980.
68. Замошкин Ю.А. Бизнес и мораль. // Философские исследования, 1993, №2.
69. Зворыкин А.А., Осьмова Н.И., Чернышев В.И., Шухардин С.В. История техники. М., 1962.
70. Зотов А.Ф., Смирнова Н.М. Метафизика свободы. // Философские исследования, 1993, №2.

71. Зыбковец В.Ф. Происхождение нравственности. М., 1974.
72. Ильсенков Э.В. Диалектика абстрактного и конкретного в "Капитале" Маркса. М., 1960.
73. История государства и права зарубежных стран. Ч.1, М., 1988.
74. История Древнего Востока. М., 1979.
75. История первобытного общества. Эпоха классовобразования. М., 1988.
76. История первобытного общества. Эпоха первобытной родовой общины. М., 1986.
77. Камшилов М.М. Эволюция биосферы. М., 1966.
78. Кантор В.К. Западничество как проблема "русского пути". // Вопросы философии, 1993, N4.
79. Керимова Т.В. Социальный прогресс и социальное управление. М., 1980.
80. Кистяковский Б.А. Государство правовое и социалистическое. // Вопросы философии. 1990, N6.
81. Клямкин И. Почему трудно говорить правду? // Перестройка. М., 1990.
82. Козлов Ю.М., Фролов Е.С. Научная организация управления и право. М., 1986.
83. Колеватов В.А. Социальная память и познание. М., 1984.
84. Кон И.С. Позитивизм в социологии. Л., 1964.
85. Корнаи Я. Бюрократия и рынок. // Вопросы экономики, 1989, N12.
86. Коршунов А.М., Мантатов В.В. Теория отражения и эвристическая роль знаков. М., 1974.
87. Крапивенский С.Э. Социальная философия. Волгоград, 1995.
88. Кузищин В.И. Античное классическое рабство как экономическая система. М., 1990.
89. Кузнецов В. Западный опыт и наши экономические реформы. // Мировая экономика и международные отношения, 1989, N3.
90. Лебедев П.Н. Очерки теории социального управления. Л., 1976.
91. Лебедев П.Н. Социальное управление. Л., 1982.
92. Левада Ю.А. Общество. // Философская энциклопедия. Т.4. М., 1967.
93. Левада Ю.А. Сознание и управление в общественных процессах. // Вопросы философии, 1966, N5.

94. Левада Ю.А. Социальная природа религии. М., 1965.
95. Левада Ю.А. Традиция. // Философская энциклопедия. Т.5. М., 1970.
96. Ленин В.И. Поли. собр. соч.
97. Лсонтьев А.Н. Деятельность, сознание, личность. М., 1977.
98. Лсонтьев А.Н. Проблемы развития психики. М., 1981.
99. Либерализм Запада. XVII-XX века. М., 1995.
100. Лилли С. Люди, машины и история. М., 1970.
101. Ляпунов А.А. Об управляющих системах живой природы. // О сущности жизни. М., 1964.
102. Ляпунов А.А. В чем состоит системный подход к изучению реальных объектов сложной природы. // Системные исследования. М., 1971.
103. Маркарян Э.С. О генезисе человеческой деятельности и культуры. Ереван, 1973.
104. Маркарян Э.С. Теория культуры и современная наука. М., 1983.
105. Марков Марко. Теория социального управления. М., 1978.
106. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч.
107. Массон В.М. Формирование раннеклассового общества и вопросы типологии древних цивилизаций. // Древний Восток и античный мир. М., 1980.
108. Мсгрелидзе К.Р. Основные проблемы социологии мышления. Тбилиси, 1973.
109. Миграян А. Обоснованные и необоснованные исторические параллели. // Мировая экономика и международные отношения, 1989, N7.
110. Моиссеев В.Д. Центральные идеи и философские понятия кибернетики. М., 1965.
111. Монополистический капитализм, его историческое место: дискуссионные вопросы. // Экономические науки, 1989, N1.
112. Морган Льюис Г. Древнее общество. Ленинград. 1935.
113. Назаретян А.П. Интеллект во Вселенной: истоки, становление, перспективы. // М., 1991.
114. На пути к современной цивилизации. М., 1992.
115. Никитин Е.П. Объяснение - функция науки. М., 1970.
116. Никифоров В.Н. Восток и всемирная история. М., 1977.

117. Новик И.Б. Кибернетика. Философские и социологические проблемы. М., 1963.
118. Оболюнский А. Перекрестки российской истории: упущенные шансы. // Общественные науки и современность, 1992, N3.
119. Омельченко О.А. Идея правового государства: истоки, перспективы, тупики. М., 1994.
120. Осипов Ю.М. Опыт философии хозяйства. М., 1990.
121. Основы современной цивилизации. М., 1992.
122. Павлов И.П. Полн. собр. соч., т.3, кн. 2.
123. Петровский В.Э. Об исторических пределах капитализма. // Рабочий класс и современный мир, 1989, N6.
124. Петрушенко Л.А. Принцип обратной связи. М., 1967.
125. Плетников Ю.К. О природе социальной формы движения материи. М., 1971.
126. Полетаев И.А. Сигнал. О некоторых понятиях кибернетики. М., 1958.
127. Поппер К. Открытое общество и его враги. Т.2. М., 1992.
128. Пороховский А. Капитализм: к характеристике нынешнего облика. // Экономические науки, 1991, N9.
129. Поршнев Б.Ф. О начале человеческой истории. М., 1974.
130. П. Тейяр де Шарден. Феномен человека. М., 1987.
131. Пугачев В.П. Тоталитаризм и авторитаризм. // Основы политологии. М., 1992.
132. Ракитов А.И. Философия компьютерной революции. М., 1991.
133. Ракитов А.И. Цивилизация, культура, технология и рынок. // Вопросы философии, 1992, N5.
134. Ребане Я.К. Информация и социальная память: к проблеме социальной детерминации познания. // Вопросы философии, 1982, N8.
135. Ребане Я.К. Принципы социальной памяти. // Философские науки, 1977, N5.
136. Рогинский Я.Я., Левин М.Г. Антропология. М., 1978.
137. Рожанский И.Д. Античный человек. // О человеческом в человеке. М., 1991.
138. Россия и Запад: взаимодействие культур. // Вопросы философии, 1992, N6.

139. Саркисов С.А. Мозг человека. // Структура и форма материи. М., 1967.
140. Сартр Ж.П. Экзистенциализм - это гуманизм. // Сумерки богов. М., 1989.
141. Седова Э.П. Кибернетика и управление обществом. // Научное управление обществом. Вып. 6. М., 1972.
142. Седов Е. Кузнецов Д. В начале было слово. Санкт-Петербург, 1994.
143. Семенникова Л.И. Россия в мировом сообществе цивилизаций. Брянск, 1995.
144. Семсенов Ю.И. На заре человеческой истории. М., 1989.
145. Слепенков И.М., Аверин Ю.П. Основы теории социального управления. М., 1990.
146. Смирнов С.Н. Диалектика отражения и взаимодействия в эволюции материи. М., 1974.
147. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. Т. 2. М.-Л. 1935.
148. Согрин В.В. Идеология в американской истории. М., 1995.
149. Согрин В. Новый курс Ф.Д.Рузвельта: единство слова и дела. // Общественные науки и современность, 1991, N5.
150. Сокольский С. Консерватизм, либерализм, социализм. // Мировая экономика и международные отношения, 1992, N8.
151. Соловьёв Э.Ю. Прошлое толкует нас. М., 1991.
152. Солопов Е.Ф. Философия, мировоззрение и методология. // Философско-методологические проблемы специальных наук. Л., 1979.
153. Социально-экологические проблемы современности и новая НТР. Ленинград., 1981.
154. Спенсер Г. Основания социологии. Спб., 1898. Т. 1, ч. 1.
155. Спенсер Г. Основания социологии. СПб., 1898. Т.1, ч. 2.
156. Стефанов Н. и др. Управление, моделирование, прогнозирование. М., 1972
157. Сунягин Г.Ф. Промышленный труд и культура Возрождения. Л., 1987.
158. Тайлор Э.Б. Первобытная культура. М., 1989.
159. Тих Н.А. Предыстория общества. Л., 1970.

160. Тоффлер Элвин. Третья волна (реферативное изложение). // США - экономика, политика, идеология. 1982, N7.
161. Тоффлер О. Эра смещения власти. // Философия истории. Антология. М., 1995.
162. Трошихина Ю.Г. Филонтогенез функции памяти. Л., 1978.
163. Тюхтин В.С. Отражение, системы, кибернетика. М., 1972.
164. Удальцова З.В. Проблемы типологии феодализма в Византии. // Проблемы социально-экономических формаций. М., 1975.
165. Украинцев Б.С. Отображение в неживой природе. М., 1969.
166. Украинцев Б.С. Особенности самоуправляемых систем. М., 1970.
167. Украинцев Б.С. Самоуправляемые системы и причинность. М., 1972.
168. Урсул А.Д. Информация. М., 1971.
169. Урсул А.Д. Отражение и информация. М., 1973.
170. Урысон М.И. К проблеме выделения гоминидной ветви эволюции. // Биологическая эволюция и человек. М., 1989.
171. Утченко С.Л. Политические учения Древнего Рима. М., 1977.
172. Фабри К.Э. Основы зоопсихологии. М., 1976.
173. Федоров К.Г. История государства и права зарубежных стран. Л., 1977.
174. Философская энциклопедия. Т. 5. М., 1970.
179. Франк С.Л. Философские предпосылки деспотизма. // Вопросы философии, 1992.
180. Фрейд З. Будущее одной иллюзии. // Сумерки богов. М., 1989.
181. Фридман и Хайек о свободе. Минск, 1990.
182. Фромм Э. Иметь или быть. М., 1990.
183. Фукуяма Ф. Конец истории? // Философия истории. Антология. М., 1995.
184. Фурман Д.Е. Выбор князя Владимира. // Вопросы философии, 1988, N6.
185. Хабермас Ю. Демократия, разум, нравственность. М., 1992.
186. Хайек Ф.А. Дорога к рабству. // Вопросы философии, 1990, N10.
187. Хайек Ф.А. Пагубная самонадеянность. М., 1992.
188. Хамори Й. Долгий путь к мозгу человека. М., 1985.
189. Хакимов Р.С. Сущность и социальная роль управленческих отношений. М., 1985.

200. Хозяйственный механизм общественных формаций. М., 1986.
201. Холодковский К. Что придет на смену неоконсерватизму. // Мировая экономика и международные отношения, 1990, N11.
202. Хорос В.Г. В поисках ключа к прошлому и будущему. // Вопросы философии, 1993, N5.
203. Цвылев Р. Информационная революция: что она сулит миру. // Мировая экономика и международные отношения, 1991, N4.
204. Чаадаев П.Я. Избранные сочинения и письма. М., 1991.
205. Чаадаев П.Я. Полное собрание сочинений и избранные письма. Том 1. М., 1991.
206. Шаповалов В.Ф. Либерализм и российская идея. // Социологические исследования, 1996, N2.
207. Шафф А. Куда ведет дорога? // Философия истории. Антология. М., 1995.
208. Шафф А. Мой XX век. // Свободная мысль. 1994, N4.
209. Шевченко В.Н. К характеристике диалектики общественного развития. // Философские науки. 1978, N4.
210. Шеннон К. Работы по теории информации и кибернетике. М., 1963.
211. Щербаков А.С. Самоорганизация материи в неживой природе. М., 1990.
212. Шишков Ю.В. Капитализм: качественные сдвиги в развитии, новые подходы к анализу. // Экономические науки, 1990, N9.
213. Шкловский И.С. Вселенная, жизнь, разум. М., 1973.
214. Шмальгаузен И.И. Кибернетические вопросы биологии. Новосибирск, 1968.
215. Шпенглер О. Закат Европы. М., 1993.
216. Шпенглер О. Человек и техника. // Культурология. XX век. Антология. М., 1995.
217. Штаерман Е.М. Древний Рим. М., 1978.
218. Штомпка Петер. Социология социальных изменений. М., 1996.
219. Янов А. Три лика "русского деспотизма". // Свободная мысль. 1992, N10.
220. Ярвилехто Тимо. Мозг и психика. М., 1992.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<u>ВВЕДЕНИЕ.</u>	3
<u>РАЗДЕЛ I. ПРИРОДА СОЦИАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ</u>	7
ГЛАВА I. ОБЩЕЕ ПОНЯТИЕ УПРАВЛЕНИЯ	7
ГЛАВА II СПЕЦИФИКА СОЦИАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ В СРАВНЕНИИ С БИОРЕГУЛЯЦИЕЙ	18
<u>РАЗДЕЛ II. ПЕРВОБЫТНАЯ КУЛЬТУРА И СОЦИАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ</u>	32
ГЛАВА I. ТРАДИЦИОННЫЙ ТИП СОЦИАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ	32
ГЛАВА II ГЕНЕЗИС СОЦИАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ	49
<u>РАЗДЕЛ III. ЦИВИЛИЗАЦИЯ И СОЦИАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ</u>	60
ГЛАВА I. ЦИВИЛИЗАЦИЯ КАК ОСОБАЯ ЭПОХА КУЛЬ- ТУРНОЙ ЭВОЛЮЦИИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА	60
ГЛАВА II. ОСОБЕННОСТИ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО УПРАВЛЕНИЯ	68

Глава III. Виды информационного воздействия на людей и способы их интеграции в регулятивную систему общества	73
Глава IV Стадии эволюции мировой цивилизации и типы социального управления	78
<u>РАЗДЕЛ IV АГРАРНАЯ СТАДИЯ ЦИВИЛИЗАЦИИ И СОЦИАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ</u>	<u>83</u>
Глава I. Общая характеристика принудительного типа социальной регуляции	83
Глава II Древний Восток и социальное управление (Азиатская форма социального управления)	93
Глава III Античная форма социального управления	107
Глава IV Феодалная форма социального управления	119
Глава V Аграрная цивилизация России и социальное управление	130
<u>РАЗДЕЛ V ИНДУСТРИАЛЬНАЯ СТАДИЯ ЦИВИЛИЗАЦИИ И СОЦИАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ</u>	<u>142</u>
Глава I. Рыночный тип социального управления	142

ГЛАВА II. ТОТАЛИТАРИЗМ И СОЦИАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ	157
<u>РАЗДЕЛ VI ИНФОРМАЦИОННАЯ СТАДИЯ ЦИВИЛИЗАЦИИ И СОЦИАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ</u>	174
ГЛАВА I. ТЕНДЕНЦИИ ОБНОВЛЕНИЯ И ПРОБЛЕМА СВОЕОБРАЗИЯ РЕГУЛЯТИВНОЙ СИСТЕМЫ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА	174
ГЛАВА II ПРОБЛЕМА ВЫБОРА ПУТЕЙ РАЗВИТИЯ РЕГУЛЯТИВНОЙ СИСТЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ	190
ЗАКЛЮЧЕНИЕ. ПОСТЦИВИЛИЗАЦИЯ И СОЦИАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ	199
БИБЛИОГРАФИЯ	208

Геннадий Германович Васильев
**Социокультурная эволюция
и социальное управление**

Москва, Университетский Гуманитарный Лицей, 1997 г.
Формат 60x90 1/16. Гарнитура "Таймс". Печать офсетная.
Объем 13,8 усл.печ.л. Тираж 500 экз. Сдано в набор
20.11.96г. Подписано в печать 27.12.96 г. Заказ № 9

Отпечатано в типографии МП "ПЕТИТ"